

**САМАРСКИЙ
ПОЛИТЕХ**
Опорный университет

ISSN 2658-7750 (Print)
ISSN 2782-4268 (Online)

<https://journals.eco-vector.com/2658-7750>

ВЕСТНИК

Самарского Государственного
Технического Университета
Серия «Философия»

VESTNIK

of Samara State
Technical University
Series «Philosophy»

Том
Volume **6**

№
No. **1**

2024

ВЕСТНИК Самарского Государственного Технического Университета Серия «ФИЛОСОФИЯ»

2024
Том 6
№ 1

Научный рецензируемый журнал по философии
Издается с 2019 года. Выходит 4 раза в год

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Самарский
государственный технический
университет»

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного насле-
дия, свидетельство о регистрации
СМИ ПИ № ФС 77-75250 от 07.03.19

Индексация:

РИНЦ (Science Index)
Cyberleninka

Контакты:

Адрес: 443100, г. Самара,
ул. Молодогвардейская, 244,
главный корпус

E-mail: vestnik.filosofii@yandex.ru
Тел.: +7 (846) 339-14-95
<https://journals.eco-vector.com/2658-7750>

Распространяется по подписке:
Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» — И 41340

Формат 70 × 108/16. Усл.-печ. л. 10,5.
Тираж 500 экз. Цена свободная

Оригинал-макет изготовлен
ООО «Эко-Вектор Ай-Пи»,
191186, Санкт-Петербург,
Аптекарский переулоч, 3А, 1Н

Редактор *С.В. Фокина*
Вып. редактор *Ю.А. Петропольская*
Компьютерная верстка *А.Г. Хуторовской*

Отпечатано в типографии Самарского госу-
дарственного технического университета.
443100, Самара, ул. Молодогвардейская, 244.
Тел.: +7 (846) 339-14-95. Заказ № 85
Подписано в печать 12.03.2024
Дата выхода в свет 12.04.2024

Полное или частичное воспроизведение
материалов, содержащихся в настоящем
издании, допускается только с письменного
разрешения редакции, ссылка на журнал
обязательна

© Авторы, 2024
© ФГБОУ ВО «Самарский государственный
технический университет», 2024

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А.А. Шестаков, д-р филос. наук, проф. (Самара, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

В.Б. Малышев, д-р филос. наук, доц. (Самара, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Р.О. Исаев, канд. филос. наук, доцент (Самара, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А.В. Голубев — д-р филос. наук (Уральск, Республика Казахстан)

И.И. Докучаев — д-р филос. наук, проф. (Санкт-Петербург,
Россия)

В.В. Костецкий — д-р филос. наук, проф. (Санкт-Петербург,
Россия)

В.И. Кудашов — д-р филос. наук, проф. (Красноярск, Россия)

А.Ф. Кудряшев — д-р филос. наук, проф. (Уфа, Россия)

В.И. Миськевич — канд. филос. наук, доц. (Минск, Республика
Беларусь)

В.П. Филатов — д-р филос. наук, проф. (Москва, Россия)

Л.М. Фридман — д-р тех. наук, проф. (Мехико, Мексика)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.А. Шестаков — д-р филос. наук, проф. (Главный редактор)
(Самара, Россия)

Е.В. Бакиштова — д-р филос. наук, доц. (Самара, Россия)

Б.Л. Губман — д-р филос. наук, проф. (Тверь, Россия)

И.В. Демин — д-р филос. наук, доц. (Самара, Россия)

В.Б. Малышев — д-р филос. наук, доц. (Самара, Россия)

А.Ю. Нестеров — д-р филос. наук, доц. (Самара, Россия)

В.А. Нехамкин — д-р филос. наук, проф. (Москва, Россия)

Э.А. Тайсина — д-р филос. наук, проф. (Казань Россия)

В.Т. Фаритов — д-р филос. наук, доц. (Самара, Россия)

А.А. Хамидов — д-р филос. наук, проф. (Алма-Ата, Республика Казахстан)

М. Чарноцкая — Ph.D., Prof. (Варшава, Республика Польша)

М.В. Юсупова — Ph.D. (Ланкастер, Соединенное Королевство
Великобритании и Северной Ирландии)

М. Накамура — Ph.D. Prof. (Осака, Япония)

М.Р. Дисько-Шуман — канд. филос. наук, доц. (Минск,
Республика Беларусь)

VESTNIK of Samara State Technical University

2024
Volume 6
No. 1

Series «PHILOSOPHY»

SCIENTIFIC PUBLICATION. Published since 2019. Four issues a year

Founders

Samara State Technical University

Registered in the Federal Service for
Supervision of Communications,
Information Technology and Mass
Communications (Roskomnadzor).
ПИ №ФС77-75250 of March 7, 2019

Indexation

Russian Science Citation Index
Cyberleninka

Editorial contact

Address: 244, Molodogvardeyskaya st.,
Samara, 443100,
Russian Federation

E-mail: vestnik.filosofii@yandex.ru
Тел.: +7 (846) 339-14-95
<https://journals.eco-vector.com/2658-7750>

Subscription

Open Access for all users on website.
Print version is available via "Russian
Post" service with index И 41340

Publisher

LLC "Eco-Vector IP"
Aptekarskiy lane 3, A,
office 1H, Saint Petersburg,
Russia, 191186
Phone: +7(812)648-83-67

EDITOR-IN-CHIEF

A.A. Shestakov, Dr. of Sciences, Prof. (Samara, Russia)

DEPUTY CHIEF EDITOR

V.B. Malyshev, Dr. of Sciences, Ass. (Samara, Russia)

EXECUTIVE SECRETARY OF THE EDITORIAL BOARD

R.O. Isaev, Ph. D. (Samara, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

A.V. Golubev, Dr. of Sciences (Uralsk, Republic of Kazakhstan)

I.I. Dokuchaev, Dr. of Sciences, Prof. (Saint Petersburg, Russia)

V.V. Kostetsky, Dr. of Sciences, Prof. (Saint Petersburg, Russia)

V.I. Kudashov, Dr. of Sciences, Prof. (Krasnoyarsk, Russia)

A.F. Kudryashev, Dr. of Sciences, Prof. (Ufa, Russia)

V.I. Miskevich, Candidate of Sciences, Assoc. (Minsk, Republic of Belarus)

V.P. Filatov, Dr. of Sciences, Prof. (Moscow, Russia)

L.M. Friedman, Dr. of Sciences, Prof. (Mexico City, Mexico)

EDITORIAL BOARD

A.A. Shestakov, Dr. of Sciences, Prof. (Editor-in-chief) (Samara, Russia)

E.V. Bakshutova, Dr. of Sciences, Assoc. (Samara, Russia)

B.L. Gubman, Dr. of Sciences, Prof. (Tver, Russia)

I.V. Dyomin, Dr. of Sciences, Assoc. (Samara, Russia)

V.B. Malyshev, Dr. of Sciences, Assoc. (Samara, Russia)

A.Y. Nesterov, Dr. of Sciences, Assoc. (Samara, Russia)

V.A. Nehamkin, Dr. of Sciences, prof. (Moscow, Russia)

E.A. Taysina, Dr. of Sciences, prof. (Kazan Russia)

V.T. Faritov, Dr. of Sciences, Assoc. (Ulyanovsk, Russia)

A.A. Khamidov, Dr. Sciences, prof. (Alma-Ata, Republic of Kazakhstan)

M. Czarnocka, Ph. D., Prof. (Warsaw, Republic of Poland)

M.V. Yusupova, Ph. D., (Lancaster, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland)

M. Nakamura, Ph. D., Prof. (Osaka, Japan)

M.R. Dysko-Shuman, Candidate of Sciences, Assoc. (Minsk, Republic of Belarus)

СОДЕРЖАНИЕ

■ ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

- Турбулентность международной среды и контуры миропорядка 5
Н.М. Сирота, Р.А. Хомелева
- Бог из машины 2.0: библейский нарратив как метаязык говорения об этике машин 11
Е.А. Нечаева

■ ОБЩЕСТВО. КУЛЬТУРА. ЧЕЛОВЕК

- Ненасильственный аспект проблемы идентичности 27
А.С. Лепина
- Процесс формирования и социокультурная детерминация идентичности в современной культуре ... 31
К.В. Севастов
- Идеи прошлого и их реализация в современном менталитете 38
Л.П. Пендюрина
- Амбивалентность аксиологических оснований техногенной цивилизации 43
И.М. Ратникова
- Эскалация вооруженного насилия: проблема предела 48
Н.А. Балаклеец
- «Я» в пределах мерности 55
Н.В. Гоноцкая
- Война как явление и понятие 63
О.А. Бельков
- Место предела в постнеклассических системах 71
А.В. Агапитова
- Геополитические аспекты национальной безопасности России 76
В.А. Тонких, А.В. Перепелицын

■ ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ И МЕТОДОЛОГИИ НАУКИ

- Проблема политической составляющей постнеклассической науки и образования 82
В.М. Маслов
- Научный нарратив как фактор интенсификации коммуникативных связей системы «наука — общество» 88
Н.Н. Погожина
- Этический «поворот» в эпистемологии 93
Е.Л. Черткова
- Социальная синергетика как постнеклассическая методология в изучении социально-политического порядка 101
А.Н. Сулимин
- Внеинституциональная модель социально-гуманитарных наук: к вопросу об импорте педагогических технологий 107
Г.Э. Шалагина

■ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

- Идеологическое проектирование: некоторые аспекты методологического анализа ментальных войн ... 113
М.Е. Соколова
- Ценности миростроевской культурной традиции 119
Е.А. Тюгашев

■ НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ. ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

- Рецензия на учебник Орехова А.М. «История, философия и методология социально-гуманитарных наук» 131
В.Т. Фаритов

Contents

■ PHILOSOPHY AND THE MODERN WORLD

- Turbulence of the international environment and contours of the world order 5
N.M. Sirota, R.A. Homeleva
- God from the machine 2.0: biblical narrative as a metalanguage for discussing machine ethics 11
E.A. Nechaeva

■ SOCIETY. CULTURE. PERSON

- Non-violent aspect of the problem of identity 27
A.S. Lepina
- The process of formation and socio-cultural determination of identity in contemporary culture 31
K.V. Sevastov
- Ideas of the past and their implementation in the modern mentality 38
L.P. Pendyurina
- The ambivalence of technogenic civilization's axiological foundations 43
I.M. Ratnikova
- Escalation of armed violence: the problem of the limit 48
N.A. Balakleets
- "I" within measure 55
N.V. Gonotskaya
- War as a phenomenon and concept 63
O.A. Belkov
- Limit location in post-classical systems 71
A.V. Agapitova
- Geopolitical aspects of Russian national security 76
V.A. Tonkikh, A.V. Perepelitsyn

■ ISSUES OF PHILOSOPHY AND METHODOLOGY OF SCIENCE

- The problem of the political component of post-non-classical science and education 82
V.M. Maslov
- Scientific narrative as a factor of intensification of communicative relations of the "science — society" system 88
N.N. Pogozhina
- An ethical "turn" in epistemology 93
E.L. Chertkova
- Social synergetics as a post-non-classical methodology in the study of socio-political order 101
A.N. Sulimin
- Non-institutional model of social sciences and humanities: to the question of import of pedagogical technologies 107
G.E. Shalagina

■ ACTUAL PROBLEM OF RUSSIAN PHILOSOPHY

- Ideological design: some aspects of the methodological analysis of mental wars 113
M.E. Sokolova

■ FOREIGN PHILOSOPHY: HISTORY AND MODERNITY

- Values of the world-building cultural tradition 119
E.A. Tyugashev

■ SCIENTIFIC LIFE. REVIEWS

- The Review of the monograph by A.M. Orekhov "History, philosophy and methodology of social and humanities" 131
V.T. Faritov

Турбулентность международной среды и контуры миропорядка

Н.М. Сирота, Р.А. Хомелева

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия

Поступила в редакцию: 05.04.2023

В окончательном варианте: 23.10.2023

■ Для цитирования: Сирота Н.М., Хомелева Р.А. Турбулентность международной среды и контуры миропорядка // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2024. Т. 6. № 1. С. 5–10. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.1>

Аннотация. В работе раскрыто содержание турбулентности как ключевой характеристики современного состояния международной среды и ее детерминант. Анализируются основные параметры функционирующего мироустройства, обозначены возможные варианты будущего миропорядка.

Ключевые слова: глобальная турбулентность; мировой порядок; международная система; великая держава; полицентризм; биполярность.

Turbulence of the international environment and contours of the world order

N.M. Sirota, R.A. Homeleva

Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation,
Saint Petersburg, Russia

Original article submitted: 05.04.2023

Revision submitted: 23.10.2023

■ For citation: Sirota N.M., Homeleva R.A. Turbulence of the international environment and contours of the world order. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2024;6(1):5–10. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.1>

Abstract. The paper reveals the content of turbulence as a key characteristic of the current state of the international environment and its determinants. The main parameters of the functioning world order are analyzed, possible options for the future world order are indicated.

Keywords: global turbulence; world order; international system; great power; polycentrism; bipolarity.

Важнейшей особенностью нынешнего состояния международной среды является нарастание турбулентности, вызываемой комплексом взаимосвязанных причин — обостряющимся геополитическим соперничеством США и Китая, кризисом в российско-американских отношениях, разнонаправленностью действий множества акторов, учащающимися социальными и международными конфликтами, ситуациями хаоса и неопределенности, мировоззренческими противостояниями, распространением настроений растерянности и тревоги. Мир становится все менее предсказуемым и более поляризуемым по линии противоборства демократии с авторитаризмом. Положение в глобальном социуме чревато рисками разрушительных столкновений и требует новых подходов для преодоления напряженности.

Слово «турбулентность» происходит от лат. *turbulentus*, означающего «бурный, хаотичный, неупорядоченный». Его использование указывает на преобладание нелинейных процессов, непредсказуемость событий, нарушения порядка и резкую смену трендов. Слово отражает не только названные объективные деструктивные реалии, но и субъективные (массовый характер настроений безысходности, потери ориентиров, отсутствие видимых путей преодоления бедствий).

Наступление эры глобальной турбулентности прогнозировалось известным американским ученым Дж. Розенау в канун распада СССР. В книге «Турбулентность в мировой политике: теория изменения и преемственность» он предпринял попытку обоснования тезиса, согласно которому в силу действия совокупности разных факторов, порождающих кардинальные сдвиги, миропорядок оказывается в состоянии высокой напряженности. Особенность современной мировой политики, согласно Дж. Розенау, состоит в ее переходности, когда сложившиеся правила игры еще не перестали действовать, а новые еще не начали функционировать в полной мере. Результатом этого процесса является вхождение мировой политики в зону турбулентности [1].

Анализируя такие отличительные особенности турбулентности современной мировой политики, как неопределенность и непредсказуемость, американский исследователь Н.Н. Талев акцентирует внимание на усиливающемся влиянии случайных событий со значительной силой воздействия, в его терминологии «черных лебедей» [2, с. 14]. По его мнению, их роль возрастает с развитием взаимосвязи и взаимозависимости акторов.

В качестве одной из таких важных случайностей, радикально изменяющих существующую ситуацию, нередко рассматривается эпидемия COVID-19, продемонстрировавшая приоритетность выживания человечества по сравнению с базовыми ценностями личности.

Утрата действенности «равновесия страха» как дисциплинирующего фактора поддержания мира не привела к созданию эффективных международных механизмов согласования интересов государств. Существующие же механизмы, сформировавшиеся с середины XX века и видоизменившиеся после холодной войны, плохо приспособлены для выявления, институционализации и реализации общего интереса в обеспечении глобальной стабильности и решении главных мировых проблем — контроля над вооружениями, особенно ядерными, нераспространения ОМУ, подавления международного терроризма и транснациональной организованной преступности, пресечения наркопроизводства

и наркотрафика, предотвращения гуманитарных и экологических катастроф, борьбы с голодом и нищетой.

Вызовы формирующемуся миропорядку носят для человечества экзистенциальный характер и требуют консолидированной реакции разнообразных акторов — от местного самоуправления до глобальных ТНК и руководства великих держав. События последних лет актуализировали вопрос о реформировании международных организаций, прежде всего ООН и ее постоянно действующего органа — Совета Безопасности, на который, согласно Уставу ООН, возложена главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности.

Объективные процессы размывают некоторые устоявшиеся принципы, на которых столетиями зиждился миропорядок. В их числе представление о национально-государственном суверенитете как конституирующем элементе международного права, восходящем к Вестфальскому миру. В условиях растущей взаимозависимости мира просматривается перспектива дальнейшей эрозии этого общепризнанного принципа вплоть до его отмирания.

В рамках действующего международного права ожидаемо обострение коллизий между его основополагающими принципами, обладающими равной юридической силой, — территориальной целостностью государств и самоопределением народов. Усложнение глобальной среды расширяет возможности избирательного подхода к их истолкованию и практическому применению.

Существует определенный консенсус по поводу неприемлемости обретения новых территорий силой, но много споров ведется по вопросу о праве вмешательства внешних сил для предотвращения репрессий и геноцида правительств против своих граждан или невыполнения ими своих обязательств. Подтвержденная на Всемирном саммите ООН 2005 г. концепция ответственности мирового сообщества по защите населения от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности больше не пользуется единодушной поддержкой стран-членов, которые не способны договориться о том, в каких случаях участие в делах других государств следует считать законным и оправданным.

Девальвация международного права и механизмов его реализации выражается в неспособности адекватно реагировать на современные вызовы и риски, нарушении договорных обязательств, практике «двойных стандартов», что способствует расширению сферы применения силовых методов решения международных проблем и опасному сползанию человечества к доминированию права силы.

В 2020-х гг. все более отчетливо проступают признаки цивилизационного разлома глобального социума. Усиливается тенденция к изменению баланса сил в пользу азиатского ареала. Страны западной цивилизации не смогли предложить миру привлекательную неидеологизированную перспективу развития.

Приближается к биполярному противостоянию соперничество США — КНР, которое становится драйвером и ключевой осью динамики мировой политики, экономики, безопасности. Претендуя на международно-политическое лидерство, ведущие центры силы могут вступать на этой почве в жесткую конкуренцию и кооперативное взаимодействие.

Прямое военное столкновение мировыми акторами рассматривается как неприемлемый вариант соперничества. Конкуренция, в том числе и жесткая, протекает в двух основных формах — попытках ослабить соперника путем непрямого воздействия и управляемого (во избежание эскалации) давления на конкурента в значимых регионах, нередко осуществляемого через недружественные страны, находящиеся в географической близости к объекту воздействия.

Ведущие глобальные и значимые региональные акторы вовлечены в так называемые гибридные войны, к которым неприменимы нормы международного права, определяющие понятие «агрессия». Этот вид конкурентной борьбы за новый миропорядок вызывает рост напряженности по многим направлениям, но не принимает форму открытой войны.

Новый тип конфликтов между ведущими странами мира зарождается и, видимо, стремительно будет развиваться прежде всего в связи с соблазном захвата частично освоенных и практически ничейных сфер деятельности, сулящих их обладателям огромные выгоды. Имеются ввиду возможности овладения общим достоянием человечества — обширными акваториями Мирового океана, космосом, виртуальной средой интернета. В упомянутых сферах отсутствуют очевидные собственники, нет четких юридических норм владения. Поэтому стремление к их присвоению накаляет атмосферу в международных отношениях и особенно между ведущими державами.

С начала 2000-х гг. объектом территориальных и ресурсных притязаний стало обширное пространство Арктики, куда входят Северный Ледовитый океан, северные части Европы, Азии и Северной Америки. Правовой режим региона определяется нормами международного права и национальным законодательством государств, имеющих официальный арктический статус, — США, России, Канады, Норвегии и Дании.

Разрушаются ранее относительно устойчивые параметры мировой политики, ограничивавшие колебания ее переменных составляющих. Дальнейшее накопление кризисных ситуаций, фрагментация мирового пространства безопасности приближают мир к «точке невозврата», за которой будет трудно, если вообще возможно, остановить и повернуть вспять процессы дестабилизации, предотвратить коллизии глобального масштаба.

При нынешнем состоянии мира немыслимая еще недавно масштабная война между ведущими державами может казаться вполне возможной особенно из-за конфликта на Украине, ставшего самым острым кризисом в Европе после 1945 г. В этой связи резонна мысль известного американского политолога-международника, Почетного профессора Колумбийского университета Р. Легволда о том, что «вероятность вырастания такой войны из происходящего на Украине может оказать некоторое положительное влияние, привнеся осторожность в растущее стратегическое соперничество между Соединенными Штатами и Китаем, облегчив путь к более серьезному стратегическому диалогу между ними и к обоюдному стремлению лучше управлять своими ядерными отношениями. Кроме того, зловещие уроки украинского конфликта могут заставить Индию и Пакистан, а также Индию и Китай задуматься о том, что, берясь за оружие, они каждый раз играют с огнем. Однако самыми важными

двусторонними ядерными отношениями остается взаимодействие между США и Россией...» [3].

Существующее гибридное состояние международной среды, сочетающее элементы порядка, хаотизации и турбулентности, на наш взгляд, следует оценивать как неустойчивое мироустройство, результат тектонических сдвигов в мировой политике. Это состояние может эволюционировать как в направлении миропорядка, так и нарастания неуправляемости. Применение к нему термина «мировой порядок» представляется не вполне корректным, основывающимся на преувеличении степени стабильности международной среды¹.

При множественности нюансов в интерпретации нынешнего состояния международной среды и перспектив ее эволюции в теории международных отношений (ТМО) просматриваются три наиболее вероятных сценария:

- 1) возникновение сложной многослойной миросистемы с конкурирующими и часто пересекающимися интересами, по выражению сотрудника исследовательской корпорации РЭНД М. Мазарра «смешанного» миропорядка [4];
- 2) становление «новой биполярности» (США — Китай) с соответствующей перегруппировкой государств;
- 3) сползание в хаос и воцарение неупорядоченного, неструктурированного «международного беспорядка», ситуации «игры без правил». В интерпретации известного американского эксперта Р. Хааса, этот сценарий означает «замену нынешней системы международных отношений беспорядочным взаимодействием автономных акторов» [5].

В настоящее время трудно предвидеть, в каком направлении будут развиваться события — становления и укрепления стабильного миропорядка или хаотического взаимодействия акторов, порождающего неуверенность в перспективах человечества. С нашей точки зрения, наибольшие шансы для реализации имеет сценарий трансформации ныне функционирующего неустойчивого мироустройства в быстро меняющийся плюралистический миропорядок с элементами биполярности (США — Китай). От целенаправленных усилий субъектов мировой политики по формированию стабильной международной среды, предотвращению глобального беспорядка во многом зависит будущее человечества.

Список литературы

1. Rosenau J.N. *Turbulence in World Politics. A Theory of Change and Continuity*. Princeton, 1990. 480 p.
2. Талей Н.Н. *Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости*: пер. с англ. 2-е изд. Москва: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2021. 680 с.
3. Легвольд Р. Ядерное оружие и ядерная война: распространение и обладание // *Россия в глобальной политике*. 2022. Т. 20, № 3. С. 100–104. EDN: JKYGMS doi: 10.31278/1810-6439-2022-20-3-100-104

¹ С учетом накопленного объема знаний о феномене мирового порядка и исходя главным образом из нормативной и институциональной парадигм международно-политической науки, мировой порядок можно определить как совокупность принципов, норм и институтов, регулирующих поведение акторов мировой политики (прежде всего государств), обеспечивающих их основные потребности в безопасном существовании и реализации своих интересов, позволяющих поддерживать стабильность международной системы.

4. Mazarr M. The Once and Future Order. What Comes After Hegemony? // *Foreign Affairs*. 2017. January-February. Vol. 96, N. 1. P. 34–40.
5. Haass R. The Unraveling: How to Respond to a Disordered World // *Foreign Affairs*. 2014. November-December. Vol. 93, N. 6. P. 70–79.

References

1. Rosenau JN. *Turbulence in World Politics. A Theory of Change and Continuity*. Princeton; 1990. 480 p.
2. Taleb NN. *Black Swan. Under the sign of unpredictability*. Transl. from Engl. 2nd ed. Moscow: CoLibri, Azbuka-Attikus; 2021. 680 p. (In Russ.)
3. Legwold R. Nuclear weapons and nuclear war: proliferation and obliteration. *Russia in global affairs*. 2022;20(3):100–104. EDN: JKYGMS doi: 10.31278/1810-6439-2022-20-3-100-104
4. Mazarr M. The Once and Future Order. What Comes After Hegemony? *Foreign Affairs*. 2017(January-February);96(1):34–40.
5. Haass R. The Unraveling: How to Respond to a Disordered World. *Foreign Affairs*. 2014(November-December);93(6):70–79.

Информация об авторах

Наум Михайлович СИРОТА — доктор политических наук, профессор кафедры истории и философии Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия; eLibrary SPIN: 7312-5333. **E-mail:** sirotanm@mail.ru

Рамона Александровна ХОМЕЛЕВА — доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия; eLibrary SPIN: 6693-0424. **E-mail:** homeleva@yandex.ru

Information about the authors

Naum M. SIROTA — Doctor of Political Sciences, Professor at the Department of History and Philosophy of the Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg, Russia; eLibrary SPIN: 7312-5333. **E-mail:** sirotanm@mail.ru

Ramona A. KHOMELEVA — Doctor of Philosophy, Professor of the Department of History and Philosophy of the Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg, Russia; eLibrary SPIN: 6693-0424. **E-mail:** homeleva@yandex.ru

Бог из машины 2.0: библейский нарратив как метаязык говорения об этике машин

Е.А. Нечаева

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия

Поступила в редакцию: 14.11.2023

В окончательном варианте: 15.02.2024

■ Для цитирования: Нечаева Е.А. Бог из машины 2.0: библейский нарратив как метаязык говорения об этике машин // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2024. Т. 6. № 1. С. 11–26. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.2>

Аннотация. Статья посвящена теоретическим моделям, в которых библейский нарратив становится средством концептуализации действий технологических объектов. На материале работ русских и зарубежных философов показано, какова специфика дискурсивного оформления проблем этики машины, понятой как субъект. В центре внимания оказываются не постановка проблемы этики искусственного интеллекта *per se* или возможности ее решения, а сам способ дискурсивного оформления, или способ говорения о ней, путем привлечения библейских сюжетов, мотивов и образов как механизмов освоения этой проблемы. Предметом исследования является эвристический потенциал библейского метанарратива в структуре высказываний об искусственном интеллекте. Показано, что эвристический потенциал библейского метанарратива в исследовании проблем искусственного интеллекта связан с производством различий. Выявлено, какие новые системы базовых различий позволяет сконструировать такой способ дискурсивного оформления. Показано, какие изменения обнаруживаются в структуре говорения об алгоритмизированных технологиях. Выявлены возможные причины актуализации библейского дискурса в освоении проблем искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, этика машины, библейский нарратив, теоретические модели.

God from the machine 2.0: biblical narrative as a metalanguage for discussing machine ethics

E.A. Nechaeva

Samara State University, Samara, Russia

Original article submitted: 14.11.2023

Revision submitted: 15.02.2024

■ For citation: Nechaeva E.A. God from the machine 2.0: biblical narrative as a metalanguage for discussing machine ethics. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2024;6(1):11–26. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.2>

Abstract. The article is devoted to theoretical models in which the biblical narrative becomes a means of conceptualizing the actions of technological objects. Based on the works of Russian and foreign philosophers, it is shown what the specifics of the discursive formulation of the problems of machine ethics, understood as a subject, are. The focus is not on the formulation of the problem of artificial intelligence ethics *per se* or the possibility of solving it, but on the very method of discursive formulation, or the way of talking about it, by incorporating biblical

plots, motifs, and images as mechanisms for understanding this problem. The subject of the study is the heuristic potential of the biblical metanarrative in the structure of statements about artificial intelligence. It is demonstrated that the heuristic potential of the biblical metanarrative in the study of AI problems is related to the production of distinctions. It is revealed which new systems of basic distinctions can be constructed using this method of discursive design. It is shown what changes are observed in the discourse about algorithmic technologies. Possible reasons for the activation of biblical discourse in addressing the problems of artificial intelligence are identified.

Keywords: Artificial intelligence, machine ethics, biblical narrative, theoretical models.

Введение

Название этой статьи — аллюзия на известную работу Уильяма Бейнбриджа «Бог из машины: модели религиозного познания с использованием искусственного интеллекта» («God from the Machine: Artificial Intelligence Models of Religious Cognition») [1] и менее известную работу Родриго Санза «Ethica ex machina. Exploring artificial moral agency or the possibility of computable ethics» [2]. Оба автора, несмотря на несходство концептуальных аппаратов, целей работы и подходов, указывают на одну тенденцию — рассмотрение технологических объектов в, казалось бы, чуждых им контекстах: религиозного опыта, этики и/или религиозной этики.

Заглавие статьи обыгрывает название известного драматургического приема античного театра и отсылает к ситуации, в рамках которой немотивированно появившееся божество определяет судьбу действующих лиц или изменяет всю обстановку действия [3]. Ключевым фактором при этом оказывается именно *немотивированность* подобного появления, которое может показаться за границей структуры повествуемого мира полной неожиданностью. Однако в структуре повествуемого мира появление бога может быть вполне ожидаемым и потому не воспринимается как непредсказуемое — напротив, герои могут осознавать появление подобного актора как *необходимое* гармонизирующее начало.

Столь же неожиданным, сколь появление любого немотивированно возникающего агента, является актуализирование библейского нарратива для осмысления и оценки действий технологических объектов. Так, использование подобной метафоры, если она позволительна в научном или философском дискурсе, призвано описать ситуацию распространения или актуализации такого способа дискурсивного оформления явлений или ситуаций, который, с одной стороны, мыслится как не вполне органичный (в пределе — чуждый) описываемому явлению, но, с другой стороны, воспринимается как вполне *симптоматичный*.

Наиболее примечательным и значимым, с нашей точки зрения, событием последних лет — по крайней мере, по масштабу и плодотворности дискуссий и обсуждений работы — становится публикация книги российского и французского философа А. Гринбаума «Машина-доносчица» [4]. Подзаголовок труда А. Гринбаума («Как избавиться искусственный интеллект от зла»), очевидно, вводит разговор об искусственном интеллекте в плоскость постановки и решения этических проблем (дихотомия добро-зло). Однако формулировка автора

такова, что постулируется наличие зла уже *в самой* машине [ср.: а) как *не допустить* зло в ситуации *наличия* ИИ; и б) как *избавить ИИ от зла*]. А. Гринбаум, пользуясь методом, определяемым им как метод гомологии [4, с. 11] и позволяющим «осмысленно вести речь об определенной общности между научным и мифологическим контекстами, несмотря на их онтологическую несхожесть» [4, с. 12], ставит проблему этики искусственного интеллекта (далее — ИИ) и предлагает пути ее решения, используя, как ни странно, *библейский «терминологический аппарат»* — библейские: а) сюжеты; б) мотивы и с) образы (такие как: а) битва за Гай из книги Иисуса Навина; б) бросание жребия; с) функции ангелов и Сатаны и проч.) — как *универсальный язык и способ описания*.

Примечательны два аспекта. Во-первых, оформляющаяся попытка говорить об этике машины *per se*. Так, немецкий философ Винсент Мюллер (Vincent C. Müller) — один из ведущих специалистов в области ИИ, профессор этики и философии ИИ и президент European Association for Cognitive Systems — в не переведенной на русский язык работе «Ethics of Artificial Intelligence and Robotics» (включена в Stanford Encyclopedia of Philosophy) говорит о необходимости рассуждать об этике машины, понятой как *субъект* [5]. В концептуальном аппарате Мюллера «машинная этика» — это этика *для машин*, этика *машин* как субъектов, а не «человеческая» этика человеческого же их использования как объектов («Machine ethics is ethics for machines, for «ethical machines», for machines as *subjects*, rather than for the human use of machines as *objects*» [5]). Такая пересборка ролей, как и сама возможность этики машины, рождает, безусловно, множество сопутствующих вопросов¹.

Второй аспект, очевидно, — привлечение библейских сюжетов, мотивов и образов как концептуального аппарата, *пригодного* для говорения об этике машин (понятой в смысле Гринбаума и Мюллера или традиционно — как этике *использования* машин). Априори кажется, что сложно представить более сопротивляющийся язык для описания проблем, связанных с ИИ, однако все продолжающаяся актуализация такого способа их дискурсивного оформления говорит об обратном.

Крайние (или по крайней мере наиболее явные и репрезентативные) проявления наложений двух логик: «божественное» и «технологическое» (представленное ИИ) — являют собой весьма любопытные социокультурные феномены (к таковым можно отнести Церковь ИИ «Way of the Future» Энтони Левандовски, пусть и ныне закрытую, или виртуальную православную церковь с ИИ в Румынии на BisericaGPT и др.). Нас, однако, интересуют не они.

Для дальнейшего рассуждения необходимо сделать несколько предварительных замечаний:

1) *О цели*. В рамках данной работы нас интересует не постановка проблемы этики ИИ *per se* или возможности ее решения, а сам способ дискурсивного

¹ Для ряда философов и ученых (из упомянутых — это Гринбаум и Мюллер) центральной проблемой остается не вопрос «перекодирования» человеческой этики на язык машин (проблема языка), а вопрос о точках пересечения абсолютных ценностей машины (например, максимизация количества информации и возможностей ее обработки) и предельных человеческих ценностей. Что касается проблемы языка, в стороне оставляем топос невозможности практического применения знаменитых законов Азимова именно в силу их невозможности перевода на язык машин, хотя такие попытки и предпринимались.

оформления, или *способ говорения* о ней, путем привлечения библейских сюжетов как механизмов «освоения» этой проблемы. Возникает ряд взаимосвязанных вопросов: почему такой способ говорения об этике машин оказывается продуктивным (или — кажется продуктивным)? Какие смыслы позволяет вскрыть (или конструировать) библейский нарратив, применяемый для описания этики машин и понятый как объект исследования? Так, нас интересует эвристический потенциал подобных высказываний (точнее — языка описания), а не их технооптимистическое или технопессимистическое содержание.

2) *Об объекте*. Важно подчеркнуть, что во многих случаях речь идет не об этических принципах в сфере влияния машины на человека, а об этике *самой машины*. В этом случае нас также интересует не возможность или невозможность этики машины-субъекта как таковая, а сами принципы порождения высказываний в рамках риторики, связанной с этикой машины. В центре внимания при этом, как было сказано, оказывается сам тип построения языка как языка описания.

Материалом исследования являются работы зарубежных философов и/или ученых (Ник Бостром, Гаспар Кёниг, Норберт Винер, Ричард Рорти, Винсент Мюллер, Уэнделл Уоллак, Дэниел Деннет и др.), а также работы отечественных исследователей.

Эвристический потенциал наложения

Есть ли какой-то эвристический потенциал в стратегиях наложения «библейского» на «технологическое» (если мыслить их как гомогенные) или описания технологического посредством библейского нарратива (если видеть первое как объект, а второе — как *оптику* и механизм описания)? Какие возможности есть у «библейского терминологического аппарата», понятого как оптика?

В целом, мы предлагаем две стратегии комментирования:

- 1) выявить, о чем вообще *позволяет* говорить наложение «библейского категориальной схемы» на феномены, связанные с ИИ;
- 2) *уже*: выявить, какие системы базовых различий позволяет конструировать такой способ дискурсивного оформления. В данной работе обе стратегии реализуются одновременно.

Здесь, по-видимому, обнаруживается два крайних полюса:

- 1) понимание *технологического через* божественное;
- 2) понимание *божественного через* технологическое.

Первая стратегия (понимание *технологического через* божественное) представляется, конечно, менее контринтуитивной, чем вторая.

В известной и уже ставшей классической работе «Творец и робот» [6] (ориг. *God & Golem, Inc. A Comment in Certain Points where Cybernetics Impinged on Religion*) [7] основоположника кибернетики и теории ИИ Норберта Винера дихотомия Бога и Дьявола — это противопоставленность [любого] творца его творению (или всей совокупности его творений). У Н. Винера оппозиция Бог/Дьявол не соответствует оппозициям добро/зло, истина/ложь и подобным асимметрично интерпретируемым оппозициям, что часто обнаруживается в трудах авторов, имеющих отношение к богословию и пишущих об ИИ. Винер отдельно оговаривает, что «выбирает свой отправной пункт вне сферы религии» [6, с. 2].

Заход Винера, в целом, довольно очевиден: «Проблема обучения, в частности в ее приложении к машинам, способным обучаться играм, может показаться несколько далекой от религии. Тем не менее существует теологическая проблема, к которой вышеприведенные рассуждения имеют отношение. Это проблема игры между Творцом и его творением. Это тема книги Иова и “Потерянного рая”. В обоих этих сочинениях Дьявол ведет игру с Богом, причем ставкой является душа Иова или вообще души людей. Но, согласно ортодоксальным иудейским и христианским воззрениям, Дьявол — одно из творений Бога. Любое другое предположение привело бы к моральному дуализму с привкусом зороастризма и <...> манихейства» [6, с. 27]. В отличие от традиционной пропорции «Бог-Дьявол», соотносимой с «Человек-ИИ», позволяющей преимущественно обозначать или наметить тенденции технопессимизма (Дьявол = ИИ — ложь, зло, обман) или технооптимизма, дихотомия Н. Винера позволяет обозначить ситуацию, при которой *созданное* творцом может оказаться равноценным ему по силе (или даже превосходящим). Именно поэтому далее Н. Винер обращается к анализу шахматных партий, сыгранных человеком против машины и человеком против человека: «Бог действительно вовлечен в конфликт со своим творением, причем он легко может проиграть. И, однако, это его творение создано им по его собственной воле и, по видимому, приобрело всю свою способность действия от самого Бога. Может ли Бог вести серьезную игру со своим собственным творением? Может ли *любой* творец, даже ограниченный в своих возможностях, вести серьезную игру со своим собственным творением? Изобретатель, конструируя машины, с которыми он может вести игру, присвоил себе в определенных пределах функции творца, какова бы ни была природа создаваемых им игровых устройств. Это в особенности верно в отношении играющих автоматов, которые обучаются на своем опыте» [6, с. 34]. Небезынтересная ремарка такова: Винер обращается к модельной ситуации шахматной игры человека и машины, понятой как игра творца и его творения, еще в 60-е, отмечая, что «машины, играющие в шахматы <...> уже существуют, но они играют сравнительно слабо» [6, с. 34]. Винер не застал широко известный и уже ставший хрестоматийным для описания проблемы игры творения (ИИ) и творца (человека) кейс 2016 года — матч по игре в го, в котором алгоритм AlphaGo победил профессионала высочайшего уровня — одного из сильнейших игроков за всю историю го — Ли Седоля. Подробно этот известный кейс рассмотрен в ряде работ (например, Н. Кловайта и М. Ерофеевой [8], работах В. Вахштайна и др.), но нас, как было сказано, интересует именно *риторика*; в этом смысле примечательно даже не то, что профессиональная ассоциация игроков в го присвоила *алгоритму* ранг почетного 9-го профессионального дана (что само по себе любопытный культурологический феномен), а то, какова формулировка отличительной награды в сертификате: «The citation on the certificate, serial-numbered 001, said it was given in recognition of AlphaGo’s «*sincere efforts*» to master Go’s Taoist foundations and reach a level «close to the territory of divinity» [9] («За *искренние усилия*» в освоении даосских основ го и достижения уровня [игры], «близкого к области божественного» (*переведено и выделено мною*. — Е.Н.). Ирония заключается в том, что ранее Ли Седоль применил ход, обозначаемый в терминологии игры как «ход Бога» (или «божественный ход»).

В программных документах и документах совещаний Всемирной комиссии по этике научных знаний и технологий (консультативный орган ЮНЕСКО) «Preliminary study on the Ethics of Artificial Intelligence» кейс Альфа Го описан в основных положениях (часть «What is AI?», пункт 15) как фундаментальный кейс, вызывающий особую обеспокоенность (concern) [10]. Обеспокоенность связана с принципиальным — предельным — непониманием того, как вообще действует подобный алгоритм («performance without awareness»), то есть с тем, что А. Гринбаум называет «границей замутнения».

Возвращаясь к работе Винера, стоит отметить, что «Творец и робот» — это лишь наиболее известный перевод названия труда, в оригинале обозначенного как «God & Golem, Inc.» (с подзаголовком «A Comment on Certain Points Where Cybernetics Impinges on Religion»). Винер обращается к известному образу пражского Голема, что позволяет автору выходить на проблемы, которые можно было бы обозначить как проблемы социополитические. Легенда о пражском Големе позволяет Винеру соотнести алхимию (колдовство) и современную кибернетику: «Еще лет двести назад ученый, пытавшийся создать машины, способные обучаться играм или размножаться, был бы облачен в “санбенито” — балахон для жертв инквизиции — и предан огню <...> Избежать костра ему удалось бы разве лишь в том случае, если бы кто-нибудь из его высоких покровителей поверил, будто он владеет магическим искусством превращать простые металлы в золото, как некогда император Рудольф поверил пражскому раввину Лёви, что своими заклинаниями он способен вдохнуть жизнь в глиняного человека — Голема» [6, с. 59]. Логика автора, оправдывающая такое странное, на первый взгляд, соотнесение заключается в следующем: сколь пугающими и непредсказуемыми бы ни казались последствия созидательной деятельности (результаты алхимических опытов или продукты технологического проектирования), создатель, доказавший их выгоду (argumentum ad crumenam), получает карт-бланш. Винер, говоря об этике машин, определяет «греховность» (a sin — в оригинале [7, с. 52] не как возможное свойство или состояние самой машины (как, например, А. Гринбаум), а как ныне неотчуждаемое участие машины в процессе получения все большей и большей прибыли. На то же обращает внимание французский философ Гаспар Кёниг (новая книга которого, «Конец индивидуума. Путешествие философа в страну искусственного интеллекта» [11], вышла в издательстве «Индивидуум Принт» совсем недавно — в 2023 году). В этой работе Кёниг отмечает, что «ярлык “ИИ” стал волшебным словом, паролем, позволяющим продать любую идею инвесторам, которые не поспевают за скоростью этих преобразований» [11, с. 21]. «Мне недавно рекомендовали упомянуть ИИ в научном труде по философии, чтобы повысить свои шансы на успех», — добавляет Кёниг.

К тому же образу — образу голема — обращается и шведский философ Ник Бостром, правда, в перспективе связки ИИ и проблем трансгуманизма. В главе «Technological genies: AI, the singularity, nanotech, and uploading» труда «A History of Transhumanist Thought» Бостром рассматривает две традиции понимания голема, прослеживая историю становления этого сюжета; по Бострому, в раннем иудейском мистицизме голем — детище святого, обладающего частью божественной мудрости и силы. В этой версии легенды голем оказывается только слабой тенью и копией божьих творений: «Having a golem

servant was the ultimate symbol of wisdom and holiness» («Иметь голема в служении было высшим символом мудрости и святости». — *перевод мой.* — Е.Н). Поздняя версия легенды оформилась под влиянием ислама, более остро реагирующего на «демиургические» посягательства человека («Islamic concern about humanity's getting too close to God» [12, с. 7]). Так, в «эволюционировавшей» версии сюжета голем стал чудовищной и пугающей «ошибкой», и допустившего ее ждет неизбежное наказание за его богохульство (inevitably punished for blasphemy) [12, с. 8]). Обращение к этой легенде, следовательно, способно снять тот алармизм, который традиционно сопутствует разговору об ИИ в современном научном дискурсе и за его пределами: греховность не как данность, а как результат overreacting («overreaching mystics» [12, с. 8]) — слишком острой реакции на возможные будущие проблемы. В отличие от многих других философов и исследователей, Кёниг также пытается выйти к решению вопроса об этике *самой* машины, споря с Бостромом и его теорией ортогональности — в частности, с известным ментальным экспериментом про машину с ИИ, производящую скрепки и уничтожающую людей, так как они — люди — слишком мало приспособлены к этой задаче.

Дихотомия Бог//Его творение, сотворенное Богом (Человек) как отношение любого творца и творения представлена и в отечественных исследованиях. Н.И. Дерябин пишет: «Возьмем для примера автомобиль известной марки BMW. Кто лучше всех и все знает про эту модель? Естественно, завод-производитель, потому что у него все чертежи, технологический процесс, результаты испытаний и эксплуатации. И именно он является ее Творцом» [13, с. 232].

Так, отношения Бог-человек, например, могут стать универсальными, «*модельными*», *формами говорения* о любом творце вообще и о сотворенном им соответственно.

Такая стратегия говорения, судя по всему, может оказаться продуктивной для решения прикладных правовых вопросов о делегировании ответственности (по крайней мере, намечая пути к решению проблемы через определение статуса каждой инстанции: Творец — Сотворенное/Создатель — Пользователь и т. д.).

Понимание божественного через технологическое

Стратегия понимания и определения Бога через феномен ИИ (вернее, в «компьютерных» концептуальных метафорах) кажется, на первый взгляд, абсолютно контринтуитивной. Несмотря на все несходства, такой интеллектуальный ход, как представляется, уже не нов; как известно, продуктивной для исследований в области когнитивистики стала концептуальная метафора, часто обозначаемая как «компьютерная метафора». Иногда она описывается как — далее дословная цитата — «гипотеза, в которой предполагается, что функционирование человеческого мозга происходит по схожим с компьютером алгоритмам» [14, с. 104]. Не споря с этим утверждением в целом, отметим, что речь идет в первую очередь именно о *концептуальной метафоре*: не столько о предположении, что мозг так уж сильно напоминает компьютер в своем функционировании, сколько о возможности концептуализации мозга определенным образом.

Так, метафора «мозг как компьютер» (например, у Ричарда Рорти «Мозг как компьютер, культура как программа» [15] и в целом ряде других трудов) становится концептуальной метафорой, делающей возможным понимание неизвестного (и говорение о нем) через анализ известного. В последнее десятилетие говорение о мозге, сознании и продуктах сознания в кибернетических и/или компьютерных метафорах «взлома сознания», «нейрохакинга» и проч. становится крайне распространенным. По-видимому, такая риторика удобна тем, что снимает проблематику мозг-сознание и позволяет вообще отказываться от размышлений о том, «содержится» ли сознание в материальном субстрате мозга. Эта ситуация (неизвестное, но первичное через известное, но вторичное (вторичность — хотя бы хронологическая)) нам представляется сходной — с той лишь разницей, что в случае «божественное через технологическое» парадоксально происходит говорение о неизвестном через известное. Объяснить это можно подлинной или кажущейся управляемостью технологий — их априорной возможностью быть прозрачными (в смысле *transparency*) для человека.

Так или иначе, оформляется тенденция говорения о божественном в «компьютерных» метафорах. Сочетание двух оптик обеспечивает «неконвенциональное» прочтение самих библейских сюжетов. А.В. Подопригора пишет: «Иисус искупает грех как “программную ошибку” творения, вместе с тем — ошибку неизбежную и “предустановленную”» [16, с. 18]. Имеется в виду, что человек — «несовершенный продукт эксперимента Бога» [16, с. 18], неудачная программа, написанная Программистом с рядом неисправимых ошибок. Создание ИИ при этом является, по словам А.В. Подопригоры, «цифровым зеркалом» — лакмусовой бумажкой, которая становится индикатором не открывающихся непосредственно явлений: «Именно так создает сейчас человек ИИ — отражение и модель собственного сознания, которое в этом технологическом удвоении одновременно познается как цифровое “зеркало” метапрограммы бытия, а метафизически представляется распознанием человеком в самом себе небесного Антропоса» [16, с. 18]. Таким образом, в этом случае не наложение библейского на технологическое позволяет сделать выводы о последнем, а наложение логики технологического на библейское позволяет переосмыслить библейские сюжеты, а с их помощью — переосмыслить структуру мира в целом. Так, для Бострома, например, сам мир — вариант компьютерной симуляции.

В работах Н.И. Дерябина «сильный ИИ — своего рода инспекция Бога по проверке исполнения людьми его заповедей и персональных миссий» [13, с. 224]. Одну из глав монографии «Развитие науки, общества, образования в современных условиях» Н.И. Дерябин открывает наблюдением, согласно которому «гипотезы теологии хорошо коррелируются с кибернетическими подходами» [13, с. 224]. Однако, разумеется, если и соглашаться с этим выводом, то стоит учесть, что сходством могут обладать, по-видимому, только языки описания. Тем не менее подобное сопряжение языков (или логик) позволяет автору сделать вывод о том, что «Десять теологических заповедей (Декалог, Закон Божий) — это своего рода декларация о ценностях (руководящих принципах), установленных в глобальном кибернетическом интеллектуальном социуме. Они <...> являются вечными и обязательными для всех Творцов на всех уровнях иерархии» [13, с. 226]. Так, в этой работе «сильный ИИ, создаваемый

человечеством, становится стратегической обратной связью в глобальном кибернетическом социуме, реализующей проверку Богом соблюдения людьми его заповедей» [13, с. 234].

Когнитивную конструкцию «человек как результат программирования [Бога]» и ее «эволюцию» подробно рассматривает А.В. Подопригора: «<...> обозначается не только возможность сотворения человеком нового (цифрового, виртуального) мира при помощи квантовых компьютеров и программ, но и вероятность того, что социальная реальность и сам человек как разумная система являются продуктом программирования гораздо более высокого уровня, открывающегося в человеческой культуре трансцендентальным» [16, с. 12]. Аналогично в работах А.Л. Гусева «выдвигается гипотеза о том, что Человек является искусственным интеллектом по отношению к Богу» [17, с. 6], и даются «переозначенные» трактовки «таких понятий как человек, душа, информация, пространство и так далее» [17, с. 6]. Если человек создан по образу и подобию Бога (можно сказать, являясь его менее совершенным «дубликатом»), а алгоритмы созданы Человеком по своему образу и подобию (нейросеть может давать неправильные ответы на вопросы в той мере, в которой она дублирует логику *человеческого* ответа), то, с точки зрения автора работы, логично вытекает вывод о том, что и сам человек является неким вариантом ИИ по отношению к Богу. Отметим, что, как было сказано, нас интересует не правомерность подобных выводов, а сами эти выводы и им предшествующая логика, понятые как предмет анализа. Так, подобный интеллектуальный ход связан с логикой переозначивания и *переопределения* человека. Примечательно здесь следующее: в прошлых случаях отношения, с одной стороны, Бога и Человека и, с другой стороны, Человека и ИИ рассматривались как типы отношений, существующих в кардинально разных плоскостях. В этой теоретической модели равно онтологическим статусом обладают бытийствующие Бог, Человек и ИИ. При таком исходном допущении субъекты (или технологические объекты) попадают в схему бесконечной рекурсии: «Человек, как искусственный интеллект, умеет создавать другой искусственный интеллект. И как уже отмечалось, нейрокомпьютер (то есть искусственный интеллект) обучает другой компьютер (то есть порождает новый искусственный интеллект). И такая цепочка “искусственный интеллект — искусственный интеллект — искусственный интеллект — ...” может быть бесконечной по отношению ко всему Мирозданию» [17, с. 7].

Американский философ — представитель современной философии сознания — Дэниел Деннет сходным образом («рекурсивно») понимает человеческое тело, определяя человека в качестве робота, который тоже, в свою очередь, состоит из роботов, состоящих из роботов: «Мы являемся роботами, и мы созданы роботами — каждый из нас состоит из нескольких триллионов роботоподобных клеток» [18].

В ряде работ использование библейских образов и метафор (чаще — но не всегда — это труды богословов) позволяет формализовать и определенным образом фреймировать опасения, связанные с функционированием технологических объектов. Так, в работе «Богословский анализ искусственного интеллекта» И.А. Горюнов фреймирует ИИ как еще одну Вавилонскую башню: использование ИИ также «приводит людей к отрыву друг от друга» [19], что, в

свою очередь, чревато отпадением от Бога. Так понятия технологические объекты вообще могут быть помыслены в моделях искушения или испытания Богом человека.

Примечательно, что, напротив, в ряде работ обращение к библейским сюжетам (иногда — к тем же самым) конструирует не алармистские смыслы «ИИ-угроза», а тоpos «неготовности» человечества. В работе «Искусственный интеллект: философско-богословский дискурс» И.Ю. Привалова «неортодоксально» интерпретирует сюжет Книги Бытия о грехопадении как сюжет о «юном» [14, с. 102] человеке, который еще не готов к «встрече» с запретным плодом; говоря об использовании ИИ, автор заключает: «Человеку надо было повременить с вкушением данных плодов до момента своей зрелости...» [14, с. 102].

Итак, эвристический потенциал библейского метанарратива в исследовании проблем ИИ связан так или иначе с *производством различий* (творение/творец, созданное/создатель) и др.

Почему такой контринтуитивный тип риторики оформляется? Почему вообще оформляется тяготение к Θεός как структуре описания и метанарративу? Здесь мы также предлагаем две — впрочем, не исключающие друг друга — стратегии комментирования.

Шифт «продукт — объект — существо — особа — субъект»

Использование «библейских категорий» связано с производством еще одного типа различий. Иеромонах Мефодий (Зинковский), обращаясь к понятию интеллекта в Священном Писании, рассматривает два термина: «νοῦς» (греч. «ум») и «διάνοια» (греч. «критическое мышление» или «способность к размышлению») [20, с. 14]. Введение этих категорий позволяет иеромонаху Мефодию противопоставить человека как «человеческий ум» и ИИ как нечто, такового «ума» не имеющее. Нус и дианоия — категории античной философии, но библейским метанарративом активно «впитавшиеся»: активное обращение к понятиям «душа» (ψυχή), «ум» (νοῦς), «сердце» (καρδιά) и «мысль, мышление» (διάνοια) в авраамических религиях позволяет нам включить эти категории в логику наших размышлений. Актуальный вопрос о демаркации мыслящего/не мыслящего, живого/неживого, имеющего ψυχή и ее не имеющего, таким образом, вполне может быть решен авторами, избирающими такой способ концептуализации, путем наложения этих категорий.

Обращение к Θεός как структуре описания, как представляется, — это еще одна (или, может, первичная) попытка поставить точку в постоянном перепределении и переозначивании технологических объектов самих по себе.

В целом шифт, обнаруживающийся в *структуре говорения* об алгоритмизированных технологиях, — это шифт «цифровые продукты — цифровые объекты — цифровые субъекты — цифровые особы» и т. д. Очевидно, что каждое из этих понятий является результатом особого типа конструирования предмета исследования. Риторика последних тридцати лет идет по пути все большего и большего закрепления за технологическим статуса субъекта (большее придание субъектности). Если обозначения «цифровые продукты» и «цифровые объекты» актуализировали антропоцентрическое, субъект-объектное, измерение культуры, закрепляя привилегированный статус ἄνθρωπος в бытии

и познании, то новые понятия — воспользуемся формулировкой [21] французского философа Жана-Мари Шеффера — знаменуют «конец человеческой исключительности».

В ряде работ [22] активно используется «промежуточное» понятие *интеллектуального существа* (к таковым относят и ИИ), что актуализирует его неопределенный статус.

В работах ряда исследователей (Ю.В. Назаров, В.В. Попова [23], А. Гринбаум [4], Г.В. Потемкин [24] и др.) появляется формулировка «цифровая особа», выводящая из дуалистических предположений и человека, и ИИ. Сами кейсы десятых годов XXI века (получение гражданства Саудовской Аравии роботом Софией, произведенной гонконгской компанией «Hanson»; получение гражданства Бельгии и свидетельства о рождении усыновленного впоследствии Фрэна Пеппера, гуманоида, разработанного французской компанией «Aldebaran Robotics» и др.) говорят об отказе — как минимум декларативном — от дуалистического понимания таких объектов, как *вещи*. Применительно к последнему (Фрэнэ Пепперу и ему подобным) в СМИ появляются даже формулировки «цифровые люди» [25].

Ряд ведущих исследователей в области биоэтики, например специализирующийся на этике новых технологий, в частности ИИ, Уэнделл Уоллак (Йельский университет), вводят понятие искусственного (то есть созданного) морального агента «АМА»: «A computer system, robot, or android capable of making moral judgments would be an artificial moral agent (AMA)» [26]. Стоит добавить, что Уэнделл Уоллак является одним из целого ряда исследователей, пытающихся «научить» ИИ отделять добро от зла, — например, см. работу «Moral machines: teaching robots right from wrong» [27].

Сейчас при описании проблем этики ИИ именно АМА как artificial moral agent становится наиболее общим и как бы зонтичным термином, позволяющим на уровне языка отказаться от затруднительных решений о признании субъектности машины и прочих. Несложно увидеть, что представление ИИ в терминологической сетке агента и агентности, во-первых, снимает вопрос об онтологическом статусе ИИ и, во-вторых, вполне вписывается в логику представления *любых* действующих как агентов и — шире — в логику т.н. «темных» (нечеловеческих) и/или антикорреляционистских теорий (АСТ Брюно Латура, ООО Грэма Хармана или спекулятивный реализм Квентина Мейясу).

Теология без Бога

Другую стратегию объяснения актуализации Θεός-оптики предлагает Га-спар Кёниг в главе «Теология без Бога» уже цитируемой работы «Конец индивидуума». В этой главе Кёниг рассказывает о посещении музея Ван Гога в Амстердаме; удивительным для него оказалось то, насколько велико стремление человека *фотографировать* картины и игнорировать при этом уже не обязательную задачу их *созерцания*. Логика комментирования Кёнига представляется интересной — приведем ее практически без купюр: «Кто вообще будет смотреть эти фото? Но главное здесь — это накапливать, архивировать. Оставить след. Я увидел эту картину, и эта истина должна быть зафиксирована в вечности облака. <...> Не был ли изобретен всеведущий Бог для того, чтобы служить свидетелем наших действий, зрителем наших скромных судеб?»

Конечно, Он нас судит. Но самое главное, Он нас видит. А потому наша жизнь не бессмысленна, ведь малейшее из наших прегрешений, каким бы легкомысленным оно ни было, записано в Книге мира. Где-то на Небе есть совершенная копия нашей жизни, хранимая как драгоценность в ожидании Страшного суда. Библия повторяет одно и то же на разные лады: “И нет твари, сокровенной от Него, но все обнажено и открыто перед очами Его: Ему дадим отчет” (Послание к Евреям 4:13); “Ибо пред очами Господа пути человека, и Он измеряет все стези его” (Притчи 5:21); “Может ли человек скрыться в тайное место, где Я не видел бы его? — говорит Господь. Не наполняю ли Я небо и землю? — говорит Господь” (Иеремия 23:24) и т. д. Святой Августин хорошо понимал: ему нужно найти Бога в себе, Бога, который наблюдает не только за его действиями, но и за его чувствами, за самыми сокровенными помыслами. Не этим ли объясняется, почему религия так хорошо успокаивает нас? Не столько вечностью души, сколько записью самого нашего существования...» [11, с. 189–190].

В ситуации, когда, по словам Кёнига, «Бог если и не исчез, то по крайней мере перестал быть повседневным собеседником», человек вынужден искать функциональные и функционирующие заменители. Действия человека Гаспар Кёниг объясняет страхом небытия и страхом конечности. Какое место в этой в общем-то традиционной логике занимают технологии? По Кенигу, функции Бога в какой-то мере делегированы человеком машине: «Производить данные, как можно больше данных, — значит пытаться оставить след, отказываясь от абсурда существования, предоставленного самому себе. Поскольку Бог больше не смотрит на меня, я заменяю его самим собой, создавая виртуальную копию собственной жизни, загружая ее в облако и распространяя по социальным сетям. Я больше никогда не взгляну на фотографию “Автопортрета художника”, но тот факт, что я видел эту картину, останется навсегда (или по крайней мере пока хватит энергии для поддержания работы серверов). Машина воспроизводит божественное всезнание» [18, с. 190]. Логика взаимодействия с машиной в этом случае абсолютно изоморфна логике общения с Богом.

Хотя облачное хранилище было названо *cloud* по другим причинам, Кёниг сближает две логики: «Мы считали, что Бог умер, но сами же воскресили его в цифровой форме, подарили ему новое небо — *cloud*, облако. Человечество неисправимо в своей тяге к трансцендентному» [11, с. 64]. Так, по Кёнигу, тяготение к библейскому нарративу — результат универсального (и в каком-то смысле постоянного) стремления человека к трансцендентному. Аналогична и позиция Винера. Реконструируя позицию Винера, можно заключить, что говорение о машинах с использованием библейских метафор симптоматично: «Пусть силы машинного века на самом деле нельзя считать сверхъестественными, но все же они не укладываются в представления простого смертного о естественном порядке вещей» [6].

Используя формулировку А.В. Подопригоры, можно сказать, что библейская система координат, понятая как оптика, обеспечивает «синергию мистического переживания, мифологического моделирования и рационального познания» [16, с. 14], выстраивая, как было сказано, главным образом систему производства различий.

В заключение стоит сказать о перспективах дальнейшего изучения *библейского* как оптики и концептуальной схемы. Интересно увидеть,

сходны ли Θεός-оптики (и вообще — оптики) при рассмотрении проблем ИИ и более ранних проблем человека и техники; иными словами, насколько способы дискурсивного оформления разнообразных проблем техники и технологий разнятся в эпохи, традиционно определяемые как индустриальная и постиндустриальная. Это, однако, тема отдельного исследования.

Список литературы

1. Bainbridge W.S. *God from the Machine: Artificial Intelligence Models of Religious Cognition*. AltaMira Press, 2006. 188 p.
2. Sanz R. *Ethica ex machina. Exploring artificial moral agency or the possibility of computable ethics* // ZEMO. 2020. P. 223–239. doi: 10.1007/s42048-020-00064-6
3. Дератани Н. *Deus ex machina* // Литературная энциклопедия: В 11 т. Москва, 1929–1939. Москва: Ком. Акад., 1930. Т. 3. Стб. 223–224.
4. Гринбаум А. *Машина-доносчица. Как избавиться искусственный интеллект от зла*. Санкт-Петербург: Транслит, 2017. 75 с.
5. Müller Vincent C. *Ethics of artificial intelligence and robotics* // *Stanford Encyclopedia of Philosophy* / Ed. by E.N. Zalta. Palo Alto: CSLI, Stanford University, 2016. [дата обращения: 13.11.2023]. Доступ по ссылке: <https://plato.stanford.edu/entries/ethics-ai/>
6. Винер Н. *Творец и робот: Обсуждение некоторых проблем, в которых кибернетика сталкивается с религией*. Москва: Прогресс, 1966. 104 с.
7. Wiener N. *God & Golem, Inc. A Comment in Certain Points where Cybernetics Impinged on Religion*. The MIT Press, 1966. 99 p.
8. Кловайт Н., Ерофеева М. *Работа в эпоху разумных машин: зарождение невидимой автоматизации* // Логос. 2019. Т. 29, № 1(128). С. 53–84.
9. *Google's AlphaGo gets 'divine' Go ranking* // *Computer Sciences. PHYS.ORG*. 15.03.2016 [дата обращения 13.11.2023]. Доступ по ссылке: <https://phys.org/news/2016-03-google-alphago-divine.html>
10. *Preliminary study on the Ethics of Artificial Intelligence* [дата обращения 13.11.2023]. Доступ по ссылке: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000367823>
11. Кёниг Г. *Конец индивидуума. Путешествие философа в страну искусственного интеллекта*. Москва: Individuum, 2023. 352 с.
12. Bostrom N. *History of Transhumanist Thought* // *Journal of Evolution and Technology*. 2005. Vol. 14, N. 1. P. 1–10.
13. Дерябин Н.И. *Сильный искусственный интеллект Бога* // *Развитие науки, общества, образования в современных условиях: монография*. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2022. С. 224–237. EDN: CRSDXC
14. Привалова И.Ю. *Искусственный интеллект: философско-богословский дискурс* // *Экономические и социально-гуманитарные исследования*. 2020. №4(28). С. 101–106. doi: 10.24151/2409-1073-2020-4-101-106 EDN: OVAEKG
15. Рорти Р. *Мозг как компьютер, культура как программа* // *Язык и сознание: Аналит. и социально-эпистемол. контексты* / Под ред. И.Т. Касавина. Москва, 2013. С. 374–393.
16. Подопригора А.В. *Искушение демиурга. Гностические модели и парадигма искусственного интеллекта* // *Антиномии*. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 7–30. EDN: YFWKBV doi: 10.24411/2686-7206-2019-00006
17. Гусев А.Л. *Человек – это искусственный интеллект по отношению к Богу?* // *Символ науки*. 2019. № 9. С. 6–9.

18. Dennett D.C. The Fantasy of First-Person Science / Ed. by S. Wuppuluri, F. Doria. In: The Map and the Territory. The Frontiers Collection. Springer, Cham. 2018, P. 455-473. doi: 10.1007/978-3-319-72478-2_26
19. Горюнов И.А. Богословский анализ искусственного интеллекта // Сборник трудов Якутской духовной семинарии. 2021. № 13–14. С. 9–17. EDN: BZNAIH doi: 10.24412/2686-9497-2021-13-14-9-17
20. Мефодий (Зинковский), иером. Православное богословие личности и проблематика искусственного интеллекта // Христианское чтение. 2020. № 6. С. 10–24.
21. Шеффер Ж.-М. Конец человеческой исключительности / Пер. с фр. С.Н. Зенкина. Москва: Новое литературное обозрение, 2010. 392 с.
22. Алексеева И.Ю. Культ технологий и субъектность человека // VII Декартовские чтения. Глобальные угрозы развитию цивилизации в XXI веке: Материалы международной научно-практической конференции, Москва – Зеленоград, 11 марта 2021 года. Москва – Зеленоград: Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники», 2021. Ч. 1. С. 109–116. EDN: NPGIAT
23. Назаров Ю.В., Попова В.В. Инновации в дизайне одежды // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник РГХПУ им. С.Г. Строганова. 2022. № 2–2. С. 21–29. EDN: EBOEZK doi: 10.37485/1997-4663_2022_2_2_21_29
24. Потемкин Г.В. Smart citi: этический и технологический аспекты (анализ междисциплинарного дискурса): магистерская дис. ... по направлению подготовки: 42.04.01 - Реклама и связи с общественностью. Томск, 2018. [дата обращения 13.11.2023]. Доступ по ссылке: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vital:7650>
25. Коротинский Д. Первый в мире робот получил гражданство и свидетельство о рождении // Новости планеты. 2017. [дата обращения: 13.03.2024]. Доступ по ссылке: https://www.planetanovosti.com/ru/news/pervyj_v_mire_robot_poluchil_grazhdanstvo_i_svidetelstvo_o_rozhdenii/2017-02-04-15392
26. Wallach W., Allen C. EthicALife: A new field of inquiry. In: AnALifeX workshop. USA, 2006 [дата обращения 13.11.2023]. Доступ по ссылке: <https://clck.ru/36aQcj>
27. Wendell W., Allen C. Moral Machines: Teaching Robots Right from Wrong // Ethics and Information Technology. 2010. № 12(4). P. 359–361. [дата обращения 13.11.2023]. Доступ по ссылке: https://www.researchgate.net/publication/257560753_Wendell_Wallach_and_Colin_Allen_moral_machines_teaching_robots_right_from_wrong doi: 10.1007/s10676-010-9239-1

References

1. Bainbridge WS. God from the Machine: Artificial Intelligence Models of Religious Cognition. AltaMira Press; 2006. 188 p.
2. Sanz R. Ethica ex machina. Exploring artificial moral agency or the possibility of computable ethics. ZEMO. 2020:223–239. doi: 10.1007/s42048-020-00064-6
3. Deratani N. Deus ex machina. Literaturnaya enciklopediya. In 11 vol. Moscow, 1929–1939. Moscow: Kom. Akad; 1930. Vol. 3. Stb. 223-224. (In Russ.)
4. Grinbaum A. *The whistle-blowing machine. How to rid artificial intelligence of evil*. Saint Petersburg: Translit; 2017. 75 p. (In Russ.)
5. Müller Vincent C. Ethics of artificial intelligence and robotics. *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Ed. by E.N. Zalta. Palo Alto: CSLI, Stanford University, 2016. [cited 2023 Nov 13]. Available from: <https://plato.stanford.edu/entries/ethics-ai/>
6. Wiener N. God and Golem: a comment of certain points where cybernetics impinges on religion. Moscow: Progress; 1966. 104 p. (In Russ.)
7. Wiener N. God & Golem, Inc. A Comment in Certain Points where Cybernetics Impinged on Religion. The MIT Press, 1966. 99 p.

8. Klovait N, Erofeeva M. Rabota v epohu razumnih mashin_ zarojdenie nevidimoi avtomatizatsii. *Logos*. 2019;9(1):53–84.
9. Google's AlphaGo gets 'divine' Go ranking. *Computer Sciences*. PHYS.ORG. 15.03.2016 [cited 2023 Nov 13]. Available from: <https://phys.org/news/2016-03-google-alphago-divine.html>
10. Preliminary study on the Ethics of Artificial Intelligence [cited 2023 Nov 13]. Available from: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000367823>
11. Koenig G. *La Fin de l'individu. Voyage d'un philosophe au pays de l'intelligence artificielle*. Moscow: Individuum, 2023. 352 p. (In Russ.)
12. Bostrom N. A History of Transhumanist Thought. *Journal of Evolution and Technology*. 2005;14(1):1–10.
13. Deryabin NI. *Strong artificial intelligence of god*. Penza: Nauka i Prosveschenie; 2022. P. 224–237. EDN: CRSDXC
14. Privalova IYu. Artificial intelligence: a philosophical and theological discourse. *Ekonomicheskie i socialno-gumanitarnie issledovaniya*. 2020;4(28):101–106. doi: 10.24151/2409-1073-2020-4-101-106 EDN: OVAEKG
15. Rorti R. Brain as a Computer, Culture as a Program. *Language and Consciousness: Analytical and Socio-Epistemological Contexts*. Ed. by I.T. Kasavina. Moscow. 2013. P. 374–393. (In Russ.)
16. Podoprigora AV. Temptation of demiurge. Gnostic models and paradigm of artificial intelligence. *Antinomies*. 2019;19(4):7–30. EDN: YFWKBV doi: 10.24411/2686_7206_2019_00006
17. Gusev AL. Is Man an Artificial Intelligence in Relation to God? *Symbol of Science*. 2019;(9):6–9. (In Russ.)
18. Dennett DC. The Fantasy of First-Person Science. Ed. by S. Wuppuluri, F. Doria. In: *The Map and the Territory*. The Frontiers Collection. Springer, Cham. 2018. P. 455–473. doi: 10.1007/978-3-319-72478-2_26
19. Goryunov IA. Theological analysis of artificial intelligence. *Proceedings of the Yakutsk Theological Seminary*. 2021;(13-14):9–17. EDN: BZNAIH doi: 10.24412/2686_9497_2021_13_14_9_17 (In Russ.)
20. Methodius (Zinkovsky), hierom. Orthodox Theology of Personality and the Problem of Artificial Intelligence. *Christian Reading*. 2020;(6):10–24. (In Russ.)
21. Sheffer J.-M. The End of Human Exceptionality. Transl. from Fr. S.N. Zenkin. Moscow: New Literary Review; 2010. 392 p. (In Russ.)
22. Alekseeva IYu, Popova VV. The cult of technologies and subjectivity of human. VVII Descartes Readings. Global threats to the development of civilization in the XXI century: Materials of the international scientific-practical conference, Moscow – Zelenograd, March 11, 2021. Vol. 1. P. 109–116. EDN: NPGIAT (In Russ.)
23. Nazarov YuV. Fashion design innovation. *Decorative Art and environment. Gerald of the RGHPU*. 2022;(2-2):21–29. EDN: EBOEZK doi: 10.37485/1997_4663_2022_2_2_21_29
24. Potemkin GV. Smart citi: ethical and technological aspects (analysis of interdisciplinary discourse) [Master's dissertation] 42.04.01 – Advertising and Public Relations. Tomsk; 2018. [cited 2023 Nov 13]. Available from <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vital:7650> (In Russ.)
25. Korotinskii D. The world's first robot has been granted citizenship and a birth certificate 2017. [cited 2024 Mar. 13] https://www.planetanovosti.com/ru/news/pervyj_v_mire_robot_poluchil_grazhdanstvo_i_svidetelstvo_o_rozhdenii/2017-02-04-15392 (In Russ.)
26. Wallach W, Allen, C. EthicALife: A new field of inquiry. In: AnALifeX workshop. USA; 2006 [cited 2023 Nov 13]. Available from: <https://clck.ru/36aQcj>
27. Wendell W, Allen C. Moral Machines: Teaching Robots Right from Wrong. *Ethics and Information Technology*. 2010;(12):359–361. [cited 2023 Nov 13]. Available from: <https://www.researchgate.net/publication/257560753>. doi: 10.1007/s10676-010-9239-1

Информация об авторе

Екатерина Андреевна НЕЧАЕВА — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия. eLibrary SPIN: 1136-9508.

E-mail: ne4aevakaterina@yandex.ru

Information about the author

Ekaterina A. NECHAEVA – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, Samara, Russia. eLibrary SPIN: 1136-9508. **E-mail:** ne4aevakaterina@yandex.ru

Ненасильственный аспект проблемы идентичности

А.С. Лепина

Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

Поступила в редакцию: 15.09.23

В окончательном варианте: 09.10.23

■ Для цитирования: Лепина А.С. Ненасильственный аспект проблемы идентичности // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2024. Т. 6. № 1. С. 27–30. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.3>

Аннотация. Работа посвящена осмыслению нового спекулятивно-реалистского подхода к рассмотрению ненасильственного аспекта проблемы идентичности. Прослеживается тесная связь проблемы идентичности с более широкой из ей подобных — проблемой идентификации. Особое внимание обращается на эпистемологические принципы нового подхода и то, как они соотносятся с самой идеей идентичности. Основываясь на детальном рассмотрении этих принципов, происходит констатация роли и места принципа ненасилия в решении проблемы идентичности.

Ключевые слова: принцип ненасилия; идентичность; идентификация; объективные характеристики; субъективный опыт; спекулятивный реализм; критика корреляционизма; эпистемологические принципы.

Non-violent aspect of the problem of identity

A.S. Lepina

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Original article submitted: 15.09.23

Revision submitted: 09.10.23

■ For citation: Lepina A.S. Non-violent aspect of the problem of identity. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2024;6(1):27–30. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.3>

Abstract. The work is devoted to understanding the new speculative-realist approach to the consideration of the non-violent aspect of the problem of identity. There is a close connection between the problem of identity and a broader one of its kind — the problem of identification. Particular attention is drawn to the epistemological principles of the new approach and how they relate to the very idea of identity. Based on a detailed consideration of these principles, the role and place of the principle of non-violence in solving the problem of identity is stated.

Keywords: principle of non-violence; identity; identification; objective characteristics; subjective experience; speculative realism; criticism of correlationism; epistemological principles.

Под проблемой идентичности следует подразумевать проблему отождествления и обособления человека либо группы людей от каких-либо социальных, языковых, политических, гендерных, религиозных, культурных и других групп или общностей. Данная проблема имеет ярко выраженный ненасильственный аспект и соответствует вопросу о том, как возможна констатация присущих этим группам или общностям свойств на основании объективных признаков. Ненасильственный аспект проблемы идентификации обнаруживается как следствие сложностей, возникших вокруг попыток экспликации реальных признаков и свойств, которые принадлежат определенной группе субъектов и позволяют констатировать ее самость, а также обособления таких объективных характеристик от навеянных культурой субъективных представлений и образов.

До настоящего времени разрешение данной проблемы виделось исключительно в рамках области этического, однако современное знание предлагает нам новый ракурс рассмотрения вопросов, связанных с проблемой идентичности. Так, современное рассмотрение проблемы идентичности и ее ненасильственного аспекта может происходить в области проблемы идентификации, где под идентификацией подразумевается проверка схожести объектов по определенным объективным признакам. Такая позиция соответствует представлениям спекулятивного реализма и означает то, что любой вопрос, подразумевающий поиск реально соответствующих чему-либо или кому-либо свойств, может быть рассмотрен в одной и той же плоскости. Это значит, что и для этической проблемы идентичности субъекта, и для эпистемологической проблемы идентификации объекта может быть найдено общее решение. Обоснование данного подхода можно найти у родоначальника спекулятивного реализма К. Мейясу [1, 2] и Т. Мортонa [3], которые на примере объектов внешнего мира констатируют принципиально иной подход к вопросам идентификации разного порядка, наглядно обнажая проблему ненасилия в вопросе познания свойств объекта. Так, под ненасилием в данном контексте подразумевается эпистемологическая позиция, согласно которой объекту познания отводится активная роль в процессе познания, т. е. то, как являет себя объект, определяет то, чем он является. Или, иначе говоря: те свойства, которые обнаруживаются при непосредственном контакте с объектом, определяют его самость. Так, спекулятивный реализм награждает объекты возможностью быть опрошенными на предмет того, что они такое. Такая возможность предоставляется и объектам внешнего мира, и представителям социальных групп, в процессе познания одинаково попадающим в категорию объектов идентификации.

Основываясь на эпистемологии К. Мейясу [1, 2] и Т. Мортонa [3], следует выделить принципы данного подхода.

Во-первых, мышление в принципе способно прорваться к абсолютно автономной некоррелируемой реальности. Ни одно сущее не должно пониматься как коррелят аффектов, восприятий, представлений или любого другого субъективного или интересубъективного акта. Объект есть то, в качестве чего он себя заявляет, даже если спектр его свойств включает в себя конвенционально противоречивые. Так, проблема идентичности для представителей социальных групп и общностей находит свое разрешение в соответствии с предоставленной

личности возможностью самой заявлять о своей идентичности и причастности к тому или иному социальному феномену.

Вторым общим принципом является отказ от идеи нормы, восходящей к принципу достаточного основания. У объектов больше нет основания быть такими, а не иными. Реальные свойства объектов контингентны, т. е. обладают естественной способностью изменяться. В контексте проблемы идентичности это утверждение имеет такой смысл: отождествление и обособление человека либо группы людей на основании какого-либо конкретного перечня свойств и признаков некорректно. Идентификация любого порядка не может заключаться в фиксации и нормировании перечня свойств. Такая позиция ограничивает объект в самовыражении, так как нет никакого порога, определяющего границы достаточного эмпирического опыта, в пределах которого объект раскрывает себя полностью во всех своих реальных и потенциальных свойствах. Предшествующий опыт личности никогда не является для исследователя достаточным основанием достоверного знания о его идентичности, так как никакой личностный опыт не может быть исчерпывающим. Также как нет никакого основания утверждать о соответствии наблюдаемых свойств внутренним.

Третьим, также общим принципом является отказ от антиреалистской аргументации, которая отрицает абсолютное знание. К. Мейясу [1] отстаивает этот принцип в контексте критики корреляционизма, Т. Мортон [3] отстаивает этот принцип посредством разоблачения содержания термина природы, демонстрируя то, что оно не имеет никакого отношения к какому-либо реальному существу. Абсолютным является знание об абсолютно автономной от субъекта реальности, которая может быть помыслена субъектом. В данном контексте этот принцип имеет следующий смысл: есть некоторая проблема в самой формулировке проблемы идентичности, которая заключается в заложенной внутри ее самой исходной установки, что нечто может быть идентифицируемо в принципе, однако нет никакого основания утверждать, что то, что подразумевается под данным термином, реально существует. Само содержание термина «идентичность» уже предполагает наличие такой реальности, в которой есть якобы реальные основания для обособления феноменов, а также то, что возможное благодаря таким основаниям обособление имеет какое-то реальное значение. Спекулятивный реализм постулирует идею о том, что существует абсолютная реальность, которая противопоставляется расхожему представлению об объективной реальности, свидетельством чего и является несоответствие научных понятий наблюдаемым феноменам. Наблюдаемый феномен всегда оказывается шире, чем то, что предполагается содержанием соотносимого с ним понятия. Так, проблема идентичности существует потому, что содержание этого понятия и входящих в него других понятий не соответствует реальным феноменам.

Из этих трех принципов проистекает четвертый. Если есть некое реальное сущее, которое не определяется совокупностью своих проявлений и состояний, но обладает реальными интересами и правами, то единственной возможностью постичь его является констатация этих самых интересов и прав. В контексте проблемы идентичности это означает, что есть кто-то, идентичность кого невозможно определить на основании каких-то характеристик в настоящем (так как они изменчивы), прошлом (опыт не может быть исчерпывающим)

и внешне наблюдаемых свойств (так как нет оснований соответствия внутренним), но кто заявляет свой реальный интерес быть идентифицируемым, в то время как реальность и возможность самой идентификации находится под вопросом. Это вынуждает принять новые условия решения проблемы идентичности, в основе которых находится принцип ненасилия: идентификация должна происходить на основании опрашивания объекта о его идентичности, а ее значение объясняться исключительно потребностью опрашиваемого быть идентифицируемым.

Таким образом, проблема идентичности требует нового понимания и решения, которые должны восходить к принципу ненасилия, что обосновано с эпистемологической точки зрения. Спекулятивный реализм предлагает принципиально новый взгляд на саму идею идентичности и настаивает, прежде всего, на деконструкции данного понятия с целью поиска его реального содержания.

Список литературы

1. Мейясу К. Время без становления. Спекулятивный материализм [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gefeter.ru/archive/7657>. Дата обращения: 31.10.2022.
2. Мейясу К. После конечности: эссе о необходимости контингентности. Москва: Кабинетный ученый, 2015. 196 с.
3. Мортон Т. Экология без природы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://moscowartmagazine.com/issue/18/article/252>. Дата обращения: 31.10.2022.

References

1. Meiyasu K. *Time without becoming* [Internet]. Available from: <http://gefeter.ru/archive/7657>. Accessed: 31 Oct 2022. (In Russ.)
2. Meiyasu K. *After the Limb: An Essay on the Need for Contingent*. Moscow: Cabinetnyi uchenyi; 2015. 196 p. (In Russ.)
3. Morton T. *Ecology without nature* [Internet]. Available from: <https://moscowartmagazine.com/issue/18/article/252>. Accessed: 31 Oct 2022. (In Russ.)

Информация об авторе

Анна Сергеевна ЛЕПИНА — магистр философии, преподаватель Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь. **E-mail:** arlinanipel@maul.ru

Information about the author

Anna S. LEPINA — Master of Philosophy, lecturer at the Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus. **E-mail:** arlinanipel@maul.ru

Процесс формирования и социокультурная детерминация идентичности в современной культуре

К.В. Севастов

Республиканский институт высшей школы, Минск, Республика Беларусь

Поступила в редакцию: 15.09.23

В окончательном варианте: 19.10.23

■ Для цитирования: Севастов К.В. Процесс формирования и социокультурная детерминация идентичности в современной культуре // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2024. Т. 6. № 1. С. 31–37. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.4>

Аннотация. В статье анализируется феномен идентичности, а также процесс его формирования, основанный на первоначальном внутрисубъективном этапе различения. Описывается типологизация идентификационных составляющих, основанная на концепции совокупности субидентичностей личности индивида. Предлагается идея о цикличности процесса субъективной идентификации.

Ключевые слова: идентификация; идентичность; самоидентификация; субидентичность; процесс формирования идентичности.

The process of formation and socio-cultural determination of identity in contemporary culture

K. V. Sevastov

National Institute for Higher Education, Minsk, Belarus

Original article submitted: 15.09.23

Revision submitted: 19.10.23

■ For citation: Sevastov K.V. The process of formation and socio-cultural determination of identity in contemporary culture. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2024;6(1):31–37. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.4>

Abstract. The article analyzes the phenomenon of identity, as well as the process of its formation, based on the initial intra-subjective stage of distinction. The typologization of identification components is described, based on the concept of the totality of sub-identities of the individual's personality. The idea of the cyclic nature of the process of subjective identification is proposed.

Keywords: identification; identity; self-identification; sub-identity; the process of identity formation.

Феномен идентичности является проблемным полем на всех этапах развития философской мысли: от начала сократической традиции с концепцией самопознания, а также последующего развертывания этой концепции в философии эпикуреизма и стоицизма к философии средневековья со свойственным ей жанром исповедальной литературы, которая, в свою очередь, становится предтечей дальнейших философских течений и изысканий, не теряющих актуальность и сегодня. Так, например, ярким представителем современной философии феноменологического направления с опорой на католическое богословие является Ж.-Л. Марион.

Философия эпохи Возрождения характеризуется особым интересом к человеческой личности, так как философия того периода отличается рассмотрением человека уже в отрыве от католической религиозности. Ярким представителем того времени по праву считается М. Монтень; в философии Нового времени проблема не теряет своей актуальности и рассматривается с точки зрения рационалистической философии (Р. Декарт) и философии эмпиризма (Д. Юм); немецкая классическая философия формирует идеи, которые все более подходят под современное прочтение концепта личности: опираясь на формулировки И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля, можно проследить заимствование современной проблематизацией идентичности некоторых идей.

В свою очередь философия XIX–XX вв. становится своего рода плацдармом для исследований концепций личностного самоопределения. Так, это отражается в различных направлениях:

- *иррационализм*: А. Шопенгауэром провозглашается познание мира без участия разума;
- *экзистенциализм*: Ф. Ницше постулирует принцип того, что само существование человека предваряет его сущность, которую он впоследствии обретает. Важно отметить, что концепция сверхчеловека коррелирует с концепцией постчеловека;
- *феноменология*, в контексте которой Э. Гуссерль предлагает обращение к первоначальному опыту, а именно — к трансцендентальному, априорному Я;
- *герменевтика*, внутри которой подход к Я-концепции характеризуется П. Рикером неразрывно с опорой на контекстуальность и объективность.

Проблема самоидентификации глубоко рассматривается в работах таких советских ученых, как С.Л. Рубинштейн, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев.

Также идентификационные механизмы исследованы белорусским философом Н.Н. Беспамятных — он их рассматривает с точки зрения формирования этнонациональной идентичности.

Процессы персональной идентификации и концепции персональной идентичности активно исследуются в рамках психолингвистики и нейролингвистики без отрыва от философских обоснований такими современными учеными, как Д. Иглмен и Т.В. Черниговская.

М.А. Можейко, описывая понятие кризиса идентификации, акцентирует внимание на аксиологическом ацентризме современной культуры и приходит к заключению, что своего рода поиск идентификационной принадлежности и есть одно из основных направлений к преодолению кризиса

идентификации, и определяет этот этап как эволюционный в современной философии.

Так, феномен идентичности с точки зрения различных философских и научных представлений имеет дифференциальную как понятийную, так и хронологическую детерминацию.

Углубляясь в морфологию самого понятия, важно обратить внимание на то, что корневое составляющее несет в себе не что иное, как сравнение: быть идентичным — значит быть похожим, а то и вовсе — таким же, как кто-нибудь другой.

В случае же с персональной идентичностью (или личностной идентичностью, или самоидентификацией — в этом контексте понятия синонимичны) вопрос состоит абсолютно в другом, потому как не существует одинаковых идентичностей; своего рода *идентичные идентичности* не только невероятны, они попросту невозможны внутри реальности.

Так, в данном контексте субъект, обладающий идентичностью, наделен тем, что само по себе не может быть идентично чему-либо, но может быть идентично лишь самому себе.

На протяжении формирования и развития философской мысли идентификационная составляющая индивида всегда вызывала большой интерес, но так и не обрела финализацию в рассуждениях о своей собственной бесспорности и унификации, потому как истинность и естество могут быть определены лишь в сравнении, а в случае с идентичностью сравнение — не инструмент, потому как нельзя сравнить что-либо с самим собой, но можно — идентифицировать.

Тем не менее феномен идентичности рассматривается и описывается в различных дисциплинарных контекстах, что позволяет провести общую черту, а также проследить, как именно менялось само представление о феномене и о его формировании.

Перед тем как рассуждать о сущности феномена идентичности, важно определить дифференциацию таких близких на первый взгляд понятий, как *идентификация* и *идентичность*. И, забегая вперед, следует отметить, что начать нужно именно с идентификации.

Так, философский энциклопедический словарь предлагает следующее определение понятия идентификация: «...процесс эмоционального и иного самоотождествления индивида с другим человеком, группой, образцом <...> термин приобрел более широкое значение, обозначая, с одной стороны, имитацию, подражательное поведение, а с другой — особенно в исследованиях личности — эмоциональное слияние с объектом» [1, с. 199].

Также существует определение, что идентификацией «является промежуточное звено между актом различения и опознанием; состоит в сличении двух объектов или в сличении воспринимаемого объекта с эталоном, записанным в памяти, и установлении их тождества или различия» [2, с. 168].

Равно как под идентификацией подразумевается «признание сходства между какими-либо событиями, объектами или людьми <...>; отнесение индивидов к тому или иному классу в соответствии с определенными характеристиками <...>; процесс, посредством которого индивид приписывает себе, сознательно или неосознаваемо, характеристики другого человека или

группы <...>; процесс распознавания, опознания каких-либо объектов <...>; процесс, посредством которого ребенок моделирует свое поведение в соответствии с поведением одного из родителей того же самого пола, стараясь стать на него похожим, чтобы освободиться от собственной тревоги и ослабить внутренние конфликты» [3, с. 146].

Проанализировав представленные определения понятия идентификации, можно сделать вывод о том, что под идентификацией предполагается именно процесс или действие, которое по логике вещей должно привести к определенному результату. И в данном случае результатом этого процесса является не что иное, как идентичность.

Так, идентичность предстает в виде «осознания тождественности (постоянства) своего Я во всех существенных чертах в различные периоды жизни. <...> формирование зрелой идентичности происходит тогда, когда индивидом отвергаются различные ранние, более примитивные идентификации и влияния» [3, с. 147].

Соответственно, обретение личностью *своей собственной* идентификации является процессом самонаделения личности совокупностью различных типов идентичностей — своего рода *субидентичностей*, — которые впоследствии составят так называемый типологический каркас личностного самоопределения, который, безусловно, нестатичен и контекстуален, но тем не менее и составляет ту самую тождественность личности идентичности. И в данном случае будет немаловажным отметить типы идентичностей, которые определяют, с одной стороны, контекстуальность самого феномена, а с другой — достаточно широкую вариативность возможных детализаций.

Так, можно выделить следующие типы идентичностей:

Этническая идентичность — субъект идентифицирует себя с определенным народом или этнической группой (например: славяне, прибалты, фризы, скандинавы, коренные народы и др.).

Географическая или региональная идентичность — субъект соотносит себя с определенным географическим или региональным местом положения (например: европейцы, африканцы, островитяне, южане и др.).

Важно отметить, что и этническая, и географическая (региональная) идентичности могут пересекаться или вовсе объединяться, как, например, в случае с сицилийцами, которые одновременно определяются как этническая группа, живущая на острове Сицилия как части Италии, так и как группа, живущая в пределах одной локации — острова Сицилия; или как в достаточно парадоксальном (но все же более понятном) случае индейцев, когда под индейцами подразумеваются все коренные народы Америки как части света, включающей континенты как Северной, так и Южной Америки, и в то же время коренными американцами себя идентифицируют лишь индейцы территории США.

Социальная идентичность — субъект включает себя в определенную социальную группу (например: по общим интересам, мировоззрению, общественным проблемам и др.).

Культурная идентичность — субъект связывает себя с определенной культурой (например: по культурным ценностям, по культурным различиям, по культурному взаимодействию и др.).

Важно отметить, что культурная идентификация может как объединять субъектов внутри культурной общности, так и разобщать их.

Религиозная идентичность — субъект причисляет себя к принадлежности определенной религии (например: христианин, мусульманин, буддист и др.).

Важно отметить, что и принадлежность к определенной религии может дифференцировать и конкретизировать религиозную идентичность, например, конфессионально — православный, католик, протестант и др.; по направлениям — суннит, шиит и др.; по школам — тхеравада, махаяна, ваджраяна и др. Примечательна идентичность в контексте иудаизма, когда иудей — не только религиозная, но и одновременно с тем этническая идентичность субъекта (этнорелигиозная идентичность).

Политическая идентичность — субъект ориентирует себя в идейно-политическом комплексе (например: демократ, республиканец, коммунист, либерал, аполитичный и др.).

Профессиональная идентичность — субъект определяет себя в конкретную группу по профессиональному признаку (например: преподаватель, музыкант, юрист, ученый и др.).

Определенно, это далеко не полный перечень. Помимо описанных, существуют также возрастная идентичность, гендерная идентичность, классовая идентичность, расовая идентичность, национальная идентичность, субкультурная идентичность, межкультурная идентичность и др.

Уместно обратить внимание на то, что различные типы идентичностей не образуют своего рода градацию и не ограничивают идентификационную направленность субъекта: они могут наличествовать в большинстве и одновременно; их может быть одна или две, но они со временем смогут изменяться, замещаться, заменяться или вовсе отвергаться; в какой-то период жизни и ввиду определенных обстоятельств их может не существовать вовсе.

Превалирует же над всеми ними — в классическом понимании концепта идентичности — именно личностная идентичность субъекта, потому как, во-первых, исходя из предложенного определения, примитивные идентичности субъектом отвергаются (в данном случае под примитивными следует понимать своего рода типы идентичностей — контекстуальные и/или приобретаемые и/или заново сформированные); во-вторых — субъект не в состоянии отказаться от своего рода окончательно сформированной идентичности (когда достигается та самая тождественность личности идентичности), от своего Я, потому как это ставит под сомнение само существование субъекта.

Процесс формирования идентичности — процесс ресурсозатратный с точки зрения участия в этом процессе огромного количества культурных и социальных факторов, а также жизненных обстоятельств. Тем не менее процесс формирования идентичности — апогей всего экзистенциального пути субъекта.

Следует уточнить, что человек — сложноорганизованное существо, которое представляет определенную проблемность даже для анализирования самого себя, но тем не менее он «способен к радикальным трансформациям,

которые могут распространяться даже на такие экзистенциальные сферы, как сущностная идентификация» [4, с. 84].

Так, каждый субъект в определенные моменты жизни задается вопросом, кто же он на самом деле. Но перед тем, как найти ответ на этот вопрос — на вопрос об идентичности, — субъекту необходимо ответить на другой вопрос: я — как кто? я — какой? Другими словами, пройти определенную стадию сравнения и, как описывалось выше, пройти предшествующий процессуальный этап (идентификация) перед этапом результативным (идентичность).

Важно отметить тот факт, что оба этапа могут чередоваться, но не взаимозаменять свою функциональность. Данное чередование обусловлено лишь формированием своего рода субидентичностей, которые могут обретать и актуализировать свою значимость для субъекта в любой момент жизни.

Так, первоначально идентификация несет в себе функцию различения самого субъекта с окружающими объектами для сравнения, которые на разных этапах жизни занимают важное место в жизни индивида: у ребенка это может быть один из родителей; у подростка — кто-либо для подражания или кто-либо в статусе идеала; у взрослого — спектр сравнения широк и с течением жизни может быть даже абстрактным, т. е. сравнению подлежит несуществующий объект, например, кто-либо, кем субъект не стал и/или не станет вовсе.

Достаточно общим, но в то же время точным, является определение того, что развитие личности существует циклично и происходит постепенно. Так, Э. Эриксон определяет становление личности только поэтапно и на протяжении всей жизни. Также ученый провел немало рассуждений, посвященных таким понятиям, как идентичность и идентификация. Он указывает на то, что само понятие идентичности укоренилось исходя из протеста, то есть в тот момент, когда ее стабильность и нерушимость пошатнулась [5]. Здесь важно уточнить, что своего рода стабильность может меняться по причине смены актуальности среди субидентичностей или их совокупностей или же, проще говоря, смены жизненного ориентира субъекта.

Более того, формирование идентичности «является основополагающей категорией «обретения своего актуального бытия», поскольку идентификация человека самореализуется в процессе «постоянного возобновления выбора», то есть процесс самоидентификации — это поиск диалога. Вместе с тем, процесс реализации социальной жизни индивида всегда сопряжен с поиском своей референтной группы, когда его индивидуальное «я» встраивается в социальное «мы»» [6, с. 754]. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что самоцель формирования идентичности заключена в постоянном идентификационном компаративе.

Тем не менее в целом предполагается, что на определение индивида в мире как самого себя имеют влияние те же установки, которые интерферируют на его самосознание в целом. То есть самоидентификация является не чем иным, как частью самосознания: человек, не анализирующий самого себя, не способен к кризису идентичности [7]. Здесь же под кризисом следует понимать не общие социальные, культурные или философские

проблематизированные кризисные состояния; в данном случае кризис — своего рода переходный этап внутри постоянного процесса личностного самоопределения.

Таким образом, можно сделать вывод, что, во-первых, формирование идентичности — сложный индивидуализированный, хоть и зависящий от сторонних обстоятельств, процесс, а во-вторых — данный процесс цикличен и происходит на всех этапах жизненного пути субъекта.

Список литературы

1. Идентификация // Философский энциклопедический словарь. Москва, 1983. С. 199.
2. Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак; Москва: ОЛМА-Пресс, 2002. 633 с.
3. Свенцицкий А.Л. Краткий психологический словарь. Москва: Проспект, 2014. 512 с.
4. Макаренко И.М. Беларусь в контексте культуры пост-постмодерна: актуализация традиционных ценностей // Искусство и культура. 2014. № 2. С. 84–88. EDN: SNVABB
5. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. / под ред. А.В. Толстых. 2 е-изд. Москва: Флинта, 2006. 352 с. EDN: QXPMCL
6. Привалова В.М. Самоидентификация в культуре. Эмпирическое исследование // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. 2015. Т. 17, № 1. С. 747–754. EDN: UHLGZF
7. Тарновский К.Ю. Особенности самоидентификации личности в обществе постмодерна // Ценности и смыслы. 2016. № 3. С. 101–111. EDN: WEIIBB

References

1. Identification. In: Philosophical Encyclopedic Dictionary. Moscow, 1983. P. 199. (In Russ.)
2. Meshcheryakov BG, Zinchenko VP, editors. Large psychological dictionary. Saint Petersburg: Prime-Evroznak; Moscow: OLMA-Press; 2002. 633 p. (In Russ.)
3. Svetsitsky AL. Brief Psychological Dictionary. Moscow: Prospect; 2014. 512 p. (In Russ.)
4. Makarenko IM. Belarus in the context of post-postmodern culture: actualization of traditional values. *Iskusstvo i kultura*. 2014;(2):84–88. EDN: SNVABB
5. Erickson E. *Identity: Youth and Crisis*. Transl. from Engl. Ed. by A.V. Tolstoy. 2nd ed. Moscow: Flinta; 2006. 352 p. (In Russ.)
6. Privalova VM. Self-identification in culture. Empirical research. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2015;17(1):747–754. EDN: UHLGZF
7. Tarnovsky KYu. Problem of self-identification in postmodern society. *Values and meanings*. 2016;(3):101–111. EDN: WEIIBB

Информация об авторе

Кирилл Валерьевич СЕВАСТОВ — магистр искусствоведения, научный сотрудник Республиканского института высшей школы, Минск, Республика Беларусь. **E-mail:** kirillsevastov@gmail.com

Information about the author

Kirill V. SEVASTOV — Master of Art History, Researcher of the National Institute for Higher Education, Minsk, Belarus. **E-mail:** kirillsevastov@gmail.com

Идеи прошлого и их реализация в современном менталитете

Л.П. Пендюрина

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

Поступила в редакцию: 28.08.23

В окончательном варианте: 23.10.23

■ Для цитирования: Пендюрина Л.П. Идеи прошлого и их реализация в современном менталитете // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2024. Т. 6. № 1. С. 38–42. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.5>

Аннотация. В статье предпринимается попытка рассмотрения понятия прошлого как необходимого условия существования человека, анализируются сферы его реализации в исторической деятельности людей. Одним из аспектов прошлого является история идей, в которой важнейшее место принадлежит теологическим представлениям Платона, эксплицировавшимся в ментальности XX и XXI вв.

Ключевые слова: прошлое; менталитет; история идей; великая цепь бытия; эволюция; образование.

Ideas of the past and their implementation in the modern mentality

L.P. Pendyurina

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

Original article submitted: 28.08.23

Revision submitted: 23.10.23

■ For citation: Pendyurina L.P. Ideas of the past and their implementation in the modern mentality. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2024;6(1):38–42. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.5>

Abstract. The article attempts to consider the concept of the past as a necessary condition for human existence, analyzes the spheres of its implementation in the historical activity of people. One of the aspects of the past is the history of ideas, in which the most important place belongs to the theological ideas of Plato, explicated in the mentality of the 20th and 21st centuries.

Keywords: past; mentality; history of ideas; great chain of being; evolution; education.

Проблема прошлого является в настоящее время одной из основных теоретических и мировоззренческих проблем. Прошлое не просто определяет настоящее, оно является фактором, создавшим человека, его историю и культуру. В современной теоретической мысли прошлое осмысливается с различных позиций: как переоценка прошлого (прошлое нестабильно), как репрезентация прошлого в культуре, как явление коммеморации, как необходимость формирования общей культурной и исторической памяти, без которой невозможна самоидентификация личности, и т. д.

Для нашей попытки актуализации проблематики прошлого исходной позицией является его трактовка, предпринятая З.М. Оруджевем [1]. Прошлое невозможно рассматривать вне истории и жизни человека. Оно связано с деятельностным характером бытия человека и сформировалось в условиях исторического процесса его развития. Именно сохранение и накопление прошлого привело к такой особенности исторического развития человека, когда каждое новое поколение людей начитает не с того, с чего начинало свою деятельность предыдущее поколение, а с того, на чем оно остановилось. Поэтому история никогда не повторяется. В ней присутствуют аналогии и параллели, но события никогда не воспроизводятся в точности.

Прошлое реализуется в настоящем и проявляется в различных структурах человеческой деятельности. Во-первых, оно предметно, связано с вещами и явлениями, созданными людьми прошлых поколений и осуществленными во множестве культурных артефактов. Во-вторых, прошлое реализует себя в символах, которые необходимо понимать не как результат воздействия человека на природу, а как обозначение этого воздействия, как результат всего, с чем человек имел дело. Символы сохраняют прошлое, даже если оно не сохранилось в предметной форме. Без символа невозможна передача действия и предметности от одного времени к другому. В-третьих, прошлое не может существовать без идей. Оно существует в предметности языка, в деятельности мысли, в различных формах рациональности и закреплено в духовной жизни человека или, как об этом сказал философ А. Лавджой (1873–1962), в великой цепи бытия [2]. Лавджой — один из самых влиятельных американских философов, разработавший в XX веке новую дисциплину: историю идей — идей, которые определяют интеллектуальную деятельность многих поколений людей. Великая цепь бытия — это примерно одна из полудюжины наиболее могущественных и устойчивых предпосылок мысли, закрепляющих понимание основ устройства Вселенной и в этом качестве предопределяющих ход рассуждений по множеству других предметов. Одной из наиболее востребованных идей прошлого является идея ценности, блага, без которой невозможно понимание будущего как общественно-исторической способности развития. Но, когда мы говорим о таких идеях-единицах, надо также помнить, что они не являются единствами одного и того же рода. Их новизна заключается в том, какова «аранжировка» составляющих их элементов и к какой сфере общественной жизни они прилагаются. Идеи прошлого преходящи только в плане действия отдельного индивида. Человек может порвать со своим прошлым, но не с прошлым как таковым. История того, как человек сделался таким, какой он есть, сохраняется, и история идей показывает принципиальные следствия реализации их в настоящем.

Таким образом, прошлое как дискурсивная форма осмысления опыта человека выступает уже не только как объективированный мир культуры, но и как возможность осознания его каждым индивидом, т. е. выступает как некий нарратив его субъективного восприятия и описания. Это означает, что прошлое присутствует как определенная структура деятельности и мышления, предполагающая в качестве скрытых предпосылок те или иные представления, ценности, понятия, принципы и т. д. Все перечисленные обстоятельства формируют менталитет, присущий той или иной социальной группе.

Понятие менталитета прочно вошло в научный обиход и широко распространилось в философии, истории, культурологии, психологии последних десятилетий. Менталитет как базовую научную категорию ввели К. Леви-Брюль, Э. Кассирер, основатели школы «Анналов» Л. Лефевр и М. Блок. В современной литературе понятие «менталитет» и «ментальность» используют как взаимодополняющие и заменяющие друг друга термины. Мы не будем анализировать многообразные версии понимания менталитета в исследовательской литературе и остановимся на следующем определении данного понятия: менталитет — это некая интегральная характеристика людей, живущих в конкретной культуре, которая позволяет описать своеобразие видения этими людьми окружающего мира и объяснить специфику их реагирования на него, это совокупность представлений, воззрений общности людей какой-либо эпохи, географической области и социальной среды, особый психологический уклад общества, влияющий на исторические и социальные процессы [3]. Данное определение можно назвать синтезным, т. к. оно включает в себя эпоху, географическое положение, социальные отношения, психологические состояния, присущие человеку в конкретной культуре, с одной стороны, а с другой — наличие свойств, присущих не только отдельному индивиду, но и большой группе людей, объединенных общей культурой, традициями, обычаями, т. е. прошлым. Поведение человека, формы его существования есть накопленные человеком в прошлом формы его жизнедеятельности. То новое, с чем мы имеем дело в ментальности, формируется из элементов старого, создается как синтез уже существующего. Причем сам этот синтез также осуществляется по уже сложившимся схемам в сознании и действиях человека.

Лавджой указывает, что такими концепциями прошлого, составляющими основу и содержание жизни многих поколений, являются идеи Платона [2, с. 324]. Теологические идеи Платона, сформулированные им в диалогах «Государство» и «Тимей», привели к тому, что в менталитете западного человека присутствовали два аспекта понимания Бога. Первый — понимание Бога как Абсолюта. Его характеристики: потусторонность, самодостаточность, вневременность, трансцендентность. Мир низших существ ничего не может добавить к его извечному совершенству. Второй аспект — Бог, сущность которого предполагает наличие других существ, порожденных его силой. Его главным атрибутом является мощь творения, что можно видеть во временном и предметном разнообразии явлений и вещей. Платон это объясняет следующим образом: «...для начала надо разграничить вот такие две вещи: что есть вечное, не имеющее возникновения бытие и что есть вечно

возникающее, но никогда не сущее. То, что постигается с помощью размышления и объяснения, очевидно, и есть вечно тождественное бытие; а то, что подвластно мнению и неразумному ощущению, возникает и гибнет, но никогда не существует на самом деле» [4, с. 469].

Несовместимость этих двух идей была преодолена Платоном идеей Блага. Тот, кто устроил этот мир, был благ: «а тот, кто благ, никогда и ни в каком деле не испытывает зависти. Будучи ей чужд, он пожелал, чтобы все вещи стали как можно более подобны ему самому» [4, с. 470]. Благое столь совершенно, что «не может пребывать в себе самом», оно по необходимости порождает или изливается в то, что менее совершенно» [там же]. Благо определяет все: «...познаваемые вещи могут познаваться лишь благодаря благу; оно же дает им и бытие, и существование, хотя само благо не есть существование, оно за пределами существования, превышая его достоинством и силой» [5, с. 316]. Этот теологический дуализм, сформулированный Платоном, привел к дуализму ценностей: блага потустороннего и блага посюстороннего, признанию поклонения Богу вещей, как они есть, и желанию человека постичь этот мир, выявить его новые содержательные формы. Последнее понимание Бога все больше и больше становится посюсторонним, сливается с пониманием природы как бесконечно деятельной, бесконечно разнообразной во всех своих проявлениях.

В современной ментальности такое понимание Бога проявилось в идее эволюции, разрабатываемой естествознанием. В эволюции Бог предстает как ее этап и цель. Природа, жизнь развивается от низшего к высшему. Бог — это нереализованный конечный этап этого процесса. Исследователи и последователи теории эволюции опирались на попытку подчинить понятие вида исчислимым фактам. Они не просто апеллировали к ним, они исходили в своей концепции из определенных принципов рассуждения. Главным из них можно назвать принцип преемственности или всеобщности природных явлений. Он означал, что законы природы имеют универсальный характер и каждое новое открытие того или иного вида или формы имело то же самое объяснение, что и другие природные явления. При таком понимании эволюции человек с необходимостью занял одно из важнейших мест в природном порядке, а в самой эволюционной теории проблема происхождения человека стала центральной. Таким образом, теория цепи бытия, представленная Платоном, по мнению многих естествоиспытателей, не противоречит идее эволюции. Открытие новых форм и видов не является обнаружением разрозненных фактов природы. Они присутствуют как элементы общей систематической структуры, задуманной Творцом, и представляют собой эмпирическое доказательство истины.

Следующей идеей, занявшей важнейшую роль в реалиях духовной жизни, стала идея просвещения. Просвещение связано со знанием, а знание невозможно без постижения прошлого. Именно благодаря ему рождается новое: новые технологии, новые теории, новая реальность, в которой живет человек. Сущностным моментом просвещения является образование. Образование — это синтез старого и нового, сфера новой мысли, формирующаяся в настоящем. Образование невозможно без обучения. Важнейшим его элементом является овладение языком. Язык — это первичная знаковая система

культуры, без него нет ни прошлого, ни настоящего. Знание языка включает человека в контекст культуры, где старое и новое переплетаются и динамически взаимодействуют. Образование позволяет человеку эволюционировать за короткий срок, оказаться на вершине этой эволюции для того, чтобы начать дальнейшее движение вперед.

Таким образом, прошлое присутствует в коллективной мысли человечества и обнаруживает себя в настоящем как объяснение, понимание и преобразование себя и мира. Именно прошлое дает возможность не только закрепить и творчески переосмыслить имеющиеся структуры деятельности, но и обнаружить те закономерности и тенденции, без которых не может функционировать современность.

Список литературы

1. Оруджев З.М. Способ мышления эпохи. Философия прошлого. Москва: УРСС, 2009. 399 с.
2. Лавджой А. Великая цепь бытия. Москва: Дом интеллектуальной книги, 2001. 376 с.
3. Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 20–29.
4. Платон. Тимей. В кн.: Платон. Сочинения: в 4 т. Москва: Мысль, 1991. Т. 3. С. 455–542.
5. Платон. Государство. В кн.: Платон. Сочинения: в 4 т. Москва: Мысль, 1991. Т. 3. С. 89–454.

References

1. Orudzhev ZM. *The way of thinking of the era. Philosophy of the past.* Moscow: URSS; 2009. 399 p. (In Russ.)
2. Lovejoy A. *The great chain of being.* Moscow: Dom intellectualnoy knigi; 2001. 376 p. (In Russ.)
3. Dubov IG. Phenomenon of mentality: psychological analysis. *Voprosy psichologii.* 1993;(5):20–29. (In Russ.)
4. Plato. Timaeus. In: Plato. *Works.* In 4 vol. Moscow: Mysl; 1991. Vol. 3. P. 455–542. (In Russ.)
5. Plato. State. In: Plato. *Works.* In 4 vol. Moscow: Mysl; 1991. Vol. 3. P. 89–454. (In Russ.)

Информация об авторе

Людмила Петровна ПЕНДЮРИНА — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия и мировые религии» Донского государственного технического университета, Ростов-на-Дону, Россия; eLibrary SPIN: 5934-4223. **E-mail:** prinpet@mail.ru

Information about the author

Lyudmila P. PENDYURINA — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and World Religions, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia; eLibrary SPIN: 5934-4223. **E-mail:** prinpet@mail.ru

Амбивалентность аксиологических оснований техногенной цивилизации

И.М. Ратникова

Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники,
Минск, Республика Беларусь

Поступила в редакцию: 15.09.23

В окончательном варианте: 23.10.23

■ Для цитирования: Ратникова И.М. Амбивалентность аксиологических оснований техногенной цивилизации // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2024. Т. 6. № 1. С. 43–47. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.6>

Аннотация. Работа посвящена выявлению специфики цивилизационной динамики современности посредством теоретической реконструкции критической теории, ключевым предметом исследования которой выступают фундаментальные принципы техногенной цивилизации. Опираясь на концептуальные ресурсы новейшей версии данной исследовательской программы, на примере дискурса и практики толерантности раскрывается амбивалентность аксиологических оснований западной культуры, их фундированность логикой господства-подчинения. Эксплицируется эвристический потенциал критической теории в контексте преодоления патологий развития современной цивилизации.

Ключевые слова: аксиологические основания; техногенная цивилизация; критическая теория; Р. Форст; толерантность; право на обоснование; признание; эмансипация.

The ambivalence of technogenic civilization's axiological foundations

I.M. Ratnikova

Belarusian State University of Informatics and Radio Electronics, Minsk,
Republic of Belarus

Original article submitted: 15.09.23

Revision submitted: 23.10.23

■ For citation: Ratnikova I.M. The ambivalence of technogenic civilization's axiological foundations. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2024;6(1):43–47. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.6>

Abstract. The paper is devoted to identifying the specifics of civilizational dynamics of modernity through the theoretical reconstruction of Critical Theory, the key subject of which is the fundamental principles of Technogenic civilization. Based on the conceptual resources of the newest version of this research program, the ambivalence of the axiological foundations of Western culture and its foundation on the logic of domination-subordination is revealed on the example of the discourse and practice of tolerance. The heuristic potential of Critical Theory in the context of overcoming pathologies of modern civilization development is explicated in the article.

Keywords: axiological foundations; Technogenic civilization; Critical Theory; R. Forst; tolerance; right to justification; recognition; emancipation.

Трансформационные процессы современности характеризуются повсеместным возникновением кризисных явлений и точек напряжения фактически во всех измерениях антропосферы. Во многом это обусловлено технико-технологическим вектором развития цивилизационной динамики. Научно-технический прогресс сопровождается не только колоссальным повышением уровня жизни человека, но и вместе с тем продуцированием ряда серьезных проблем, поставивших сегодня под угрозу онтологическую перспективу *homo sapiens* и планеты в целом. Бифуркационный этап развития современной цивилизации детерминирует необходимость глубокого и всестороннего осмысления ее фундаментальных оснований.

В этой связи обращение к концептуально-методологическим ресурсам критической теории представляется сегодня чрезвычайно актуальным и продуктивным. Эта активно развивающаяся исследовательская программа современной гуманитаристики подвергает рефлексии аксиологические основания и ключевые принципы техногенной цивилизации, выявляя патологии в ее развитии и разрабатывая пути их преодоления. Уже классики критической теории в «Диалектике Просвещения» блестяще продемонстрировали амбивалентный характер ценностных ориентаций Запада как лидера цивилизационной динамики: стремление к разумности, свободе и прогрессу обернулось результатом, прямо противоположным ожидаемому. История техногенной цивилизации превратилась в череду катастроф, приведших к подавлению и преобразованию объективной и субъективной природы, консьюмеризму и утилитаризму во всех его возможных формах и проявлениях.

Современные представители критической теории продолжают и развивают ее основные интенции и традиции. Так, Райнер Форст, будучи одним из наиболее оригинальных и репрезентативных мыслителей новейшей разновидности данной исследовательской программы, делает центральным предметом своего рассмотрения осмысление фундаментальных оснований современной цивилизации. В соответствии с базовой установкой критической теории он не только осуществляет радикальную критику патологий и девиаций в развитии техногенной цивилизации, но и предлагает практико-ориентированную методологию решения возникших проблем. Данное обстоятельство, несомненно, актуализирует эвристический потенциал форстовской концепции в контексте разработки стратегии устойчивого развития.

В своих работах Р. Форст осуществляет систематическое исследование аксиологических ориентаций современной цивилизации, эксплицируя их амбивалентность и фундированность принципами господства-подчинения, имеющими ложные формы легитимации. При этом он подчеркивает, что происходящие сегодня трансформационные процессы детерминируют приоритетность темы толерантности как «визитной карточки» западной системы ценностей, причем как на локальном внутригосударственном уровне, так и на глобальном уровне «столкновения цивилизаций», признаки которого мы наблюдаем в настоящий момент.

Следуя традициям критической теории, заданным еще М. Хоркхаймером и Т. Адорно, он обращается к анализу дискуссий по данной теме времен эпохи Просвещения. Опираясь на богатый эмпирический материал, Р. Форст блестяще демонстрирует двойственную природу и изначальную противоречивость

устоявшегося дискурса толерантности: начиная с давних времен вплоть до настоящего времени, значение и практика толерантности, призывающая якобы к мирному сосуществованию в контексте взаимного признания и равенства, в действительности, обосновывалась принципами властных отношений, выражая доминирование и неуважение.

В качестве примера такой амбивалентности он приводит Нантский эдикт, признающий протестантов-гугенотов, длительное время подвергавшихся угнетению, в качестве граждан Франции. Вместе с тем, согласно данному эдикту, им лишь отводилось положение граждан второго сорта: предоставленная им свобода вероисповедания была ограничена определенным местом и временем, а также было прописано, какие государственные должности они могут занимать, где и какие образовательные учреждения могут посещать и т. д. Такое же представление о толерантности Р. Форст находит и в «Акте о веротерпимости» (1689 г.), и в «Эдикте о толерантности» (1782 г.) и др., где платой за частичную свободу, признание и безопасность выступала безоговорочная лояльность существующей власти.

Такие взаимоотношения между господствующим большинством и инакомыслящим меньшинством закрепляются, так называемой Р. Форстом, концепцией разрешения. В рамках данной концепции под толерантностью понимается разрешение представителям меньшинства жить в соответствии со своими убеждениями и ценностями только при условии абсолютного признания ими доминирующей позиции господствующей политической элиты и отказа претендовать на равный с большинством социально-политический статус. Таким образом, сущностные основания такого представления о толерантности определяются принципами господства-подчинения.

При этом Р. Форст акцентирует внимание на трех аспектах такой трактовки понятия «толерантность» в рамках концепции разрешения:

- 1) эмансипирующий аспект, который обусловлен явным улучшением положения меньшинства в сравнении с предыдущей политикой подавления и уничтожения;
- 2) репрессивный аспект, который связан с необходимостью смирения меньшинства со своим слабым и второсортным положением;
- 3) дисциплинирующий аспект в фукианском смысле, который раскрывается через производство таких форм исключаящей инклюзии, при которых за толерантное принятие надо было платить стигматизацией и подчинением, признанием «ненормальности» своей идентичности.

Р. Форст настаивает на том, что и современная практика толерантности не лишена этих особенностей: «толерантная власть теперь предстает как власть демократического большинства» [1, с. 221]. К примеру, в знаменитой немецкой дискуссии о распятиях ведущие гражданские и политические деятели пришли к выводу, что предоставление возможности нехристианским меньшинствам не отказываться от своих убеждений вполне допустимо. Однако предоставление им равного социально-политического статуса и устранение христианских символов являлось бы по своей сути антидемократичным и поставило бы под угрозу сами основы Германии, а значит, является недопустимым.

В противовес концепции разрешения Р. Форст разрабатывает качественно иное представление о толерантности, предпосылки которого он находит

в истории развития европейской цивилизации. Так, к примеру, в трудах нидерландских мыслителей XVI столетия провозглашается идея о том, что свобода вероисповедания является естественным, неотъемлемым правом по факту рождения и существования в качестве разумного субъекта и поэтому основным критерием политического равенства и справедливости. Такое представление о естественных правах человека в результате Утрехтской унии (1579 г.) привело к созданию нового правового государства, ставшего примером толерантности XVII столетия как общего правила гражданских взаимоотношений в рамках естественного права.

В такой трактовке Р. Форст усматривает предпосылки качественно иного представления о толерантности, которое он развивает в рамках разрабатываемой им концепции уважения. В соответствии с данной концепцией толерантность предстает как взаимоуважение граждан как равноценных членов демократического общества «в правовом и политическом отношении, даже если они сильно различаются в этико-религиозных представлениях о добре и истинном образе жизни» [1, с. 225]. Он подчеркивает, что только в таком значении толерантность следует логике освобождения и не подчиняется принципам властной модели взаимоотношений.

Опираясь на учение П. Бейля о толерантности, данный представитель современной критической теории полагает, что наличие общепринятых представлений о добре и зле является значимым, но вместе с тем недостаточным фактором мирного сосуществования в мультикультурном пространстве. Нормативным основанием разрабатываемой Р. Форстом концепции толерантности выступает уважение моральной автономии личности как разумного субъекта, атрибутивным свойством которого является право на обоснование.

Эта идея права на обоснование как основополагающего модуса человеческого бытия является несущей конструкцией всей форстовской философии. Данное право означает, что всякая норма, призванная легитимировать хотя бы малейшее вмешательство в жизненный мир человека, должна быть рационально и корректно аргументирована. Дискурсивная практика обоснования выражается в праве не повиноваться тем законам, правилам, институтам или субъектам, которые в полной мере не обоснованы и, следовательно, не могут быть признаны в качестве легитимного носителя власти.

В духе кантианской традиции критериями дискурсивной практики обоснования выступают принципы взаимности и всеобщности, предназначенные выявлять те аргументы, которые являются некорректными и, следовательно, подлежат отклонению. Взаимность реализуется на двух уровнях: 1) взаимность содержания (при обосновании своих требований ни одна из сторон не претендует на права или ресурсы, которых кто-либо лишен) и 2) взаимность оснований (при аргументации своих притязаний ни одна из сторон не проецирует собственные ценности, интересы или потребности на других). Всеобщность же предполагает, что условия для норм, являющихся предметом обоснования, должны быть доступны не только доминирующей стороне, но и тем, чьи интересы они затрагивают. Другими словами, если аргументы, обосновывающие то или иное суждение, не являются взаимно и в общем не отвергаемыми всеми сторонами, к которым оно имеют непосредственное отношение, то и, следовательно, стать основой общеобязательных правовых норм оно не вправе.

Таким образом, в противовес логике господства и потребления техногенной цивилизации должны укорениться новые ценностные ориентиры, основанные на взаимоуважении и равноправии. Приоритетным фактором перехода от репрессивной, вертикальной концепции толерантности как формы признания доминирующим большинством меньшинства в качестве второсортных, неравноправных идентичностей к демократической, горизонтальной концепции толерантности, основанной на принципах взаимоуважения и равноправия, является базовое право на обоснование. Практика обоснования интересна по своей природе. Формулируя суждения (моральные, религиозные, политические др.), люди должны самостоятельно осуществлять их критическое рассмотрение, рационально аргументировать свои действия и решения, а также коллективно обсуждать их возможные последствия. Реализация права на обоснование формирует благоприятную среду для утверждения легитимных норм, принципов и институтов, которым подчиняются все члены общества. Данная концепция предполагает дискурсивно обоснованное установление справедливого социально-политического порядка, аксиологическими основаниями которого выступают толерантность, признание и эмансипация.

Список литературы

1. Forst R. "To Tolerate Means to Insult" Toleration, Recognition, and Emancipation. In: Bert van den Brink, David Owen, editors. *Recognition and Power Axel Honneth and the Tradition of Critical Social Theory*. New York: Cambridge University Press, 2007. P. 215–237.

References

1. Forst R. "To Tolerate Means to Insult" Toleration, Recognition, and Emancipation. In: Bert van den Brink, David Owen, editors. *Recognition and Power Axel Honneth and the Tradition of Critical Social Theory*. New York: Cambridge University Press; 2007. P. 215–237.

Информация об авторе

Ирина Михайловна РАТНИКОВА — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники, Минск, Республика Беларусь. **E-mail:** volira_@mail.ru

Information about the author

Irina M. RATNIKOVA — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy of the Belarusian State University of Informatics and Radio Electronics, Minsk, Republic of Belarus. **E-mail:** volira_@mail.ru

Эскалация вооруженного насилия: проблема предела

Н.А. Балаклеец

Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

Поступила в редакцию: 15.10.23

В окончательном варианте: 23.10.23

■ Для цитирования: Балаклеец Н.А. Эскалация вооруженного насилия: проблема предела // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2024. Т. 6. № 1. С. 48–54. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.7>

Аннотация. В настоящей статье в рамках миметической модели военной деятельности рассматривается проблема эскалации вооруженного насилия. Автор выделяет конструктивный мимесис, направленный на укрепление социальной солидарности, и деструктивный мимесис, который является источником эскалации насилия. Если для классика военной теории К. фон Клаузевица предел насилия выступает в качестве умозрачительной фигуры, то в ядерную эпоху он приобрел четкие эмпирические контуры. В статье проанализированы лестницы эскалации, финальной ступенью которых является масштабная война с применением ядерного оружия. Сделан вывод о том, что современная рефлексия вооруженного насилия включает в себя феномен предела в качестве своего неотъемлемого горизонта и сопряжена с поиском инструментов самоограничения военной деятельности.

Ключевые слова: война; насилие; предел; граница; эскалация; мимесис; социальная реальность; политическая философия.

Escalation of armed violence: the problem of the limit

N.A. Balakleets

Samara State Technical University, Samara, Russia

Original article submitted: 15.10.23

Revision submitted: 23.10.23

■ For citation: Balakleets N.A. Escalation of armed violence: the problem of the limit. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2024;6(1):48–54. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.7>

Abstract. The article, based on the mimetic model of military activity, examines the problem of the escalation of armed violence. The author identifies constructive mimesis, aimed at strengthening of social solidarity, and destructive mimesis, which can be regarded as a source of escalation of violence. For the classic of military theory Carl von Clausewitz the limit of violence acts as a speculative figure, but in the nuclear era the absolute maximum of violence received clear empirical contours. The article analyzes escalation ladders, the final step of which is the large-scale war using nuclear weapons. It is concluded that modern reflection on armed violence includes the phenomenon of the limit as its integral horizon; it is further connected with the search for tools for self-limitation of military activity.

Keywords: war; violence; limit; border; escalation; mimesis; social reality; political philosophy.

Проблема эскалации и деэскалации насилия является одной из наиболее значимых и дискутируемых в политической и социальной философии. Теоретическому обсуждению подлежат вопросы об источниках насилия, причинах его интенсификации и способах его ограничения. Утопические представления о «вечном мире» как цели и конечном этапе человеческой истории разбиваются о суровые реалии социальной жизни, исполненной конфликтов и противоречий. По свидетельству одного из наиболее чутких диагностов современности З. Баумана: «Мир без насилия нам придется отнести к числу самых прекрасных и, увы, самых несбыточных утопий» [1, с. 29]. Апеллируя к знаменитой метафоре чеховского ружья, которое, будучи помещено на сцену, непременно должно выстрелить во время театральной постановки, Бауман приводит статистические данные, отражающие все возрастающие объемы производства и продаж оружия и военной техники в современном мире. Общество, развитие которого направляется прагматическими интересами, не ограничится чисто декларативной и декоративной стороной гонки вооружений: «Наивно ожидать, что большая часть из почти миллиона ежегодно выпускаемых стволов в тот же год ни разу не выстрелит» [1, с. 36]. Социальная жизнь не просто не может быть свободной от насилия, но нуждается в его необходимом минимуме («хорошем насилии», совершаемом службами правопорядка). Вместе с тем агенты «хорошего насилия» вынуждены перенимать у своих противников (агентов «дурного насилия», совершаемого ради подрыва существующего правопорядка) их инструменты и стратегию [1, с. 29]. Возникает модель спирали насилия, потенциально уходящей в бесконечность.

В настоящем исследовании автор исходит из миметической (подражательной) модели насилия, основы которой были заложены в работах К. фон Клаузевица [2; 3], Р. Жирара [4], В. Палафера [5], З. Баумана [1].

Мимесис (подражание) — один из ключевых философских концептов, обнаруживающих свой эвристический потенциал для исследования не только феномена политического [6], но и социальной жизни в целом. Характеризуя миметический характер социального взаимодействия, отметим, что любое социальное действие способно порождать зеркальные эффекты. Мимесис лежит в основе передачи социального опыта, формирования устойчивых каналов меж- и внутривоколенческого взаимодействия. Подражательные практики поддерживают тот смысловой универсум, который обеспечивает устойчивость и упорядоченность социальной реальности. Являясь одной из ключевых характеристик социальной жизни, мимесис вместе с тем не всегда служит источником мирного, бесконфликтного взаимодействия индивидов в обществе. Следует выделять конструктивный мимесис, направленный на укрепление социальной солидарности (таков, в частности, мирный характер обмена в архаических обществах, исследованный М. Моссом [7]), и деструктивный мимесис, приводящий к эскалации насилия. Именно на теоретическом анализе последнего феномена сфокусировано настоящее исследование.

Еще Э. Роттердамским были осмыслены социальные и политические риски, порождаемые исходным актом насилия. Как отмечал знаменитый гуманист: «Война порождает войну, месть влечет за собой месть» [8, с. 59].

Исходный акт насилия, получая симметричный ответ, в дальнейшем усиливается, подкрепляясь все более эффективными средствами и орудиями. Это заставляет соперника, в свою очередь, также разрабатывать надежные средства для достижения эскалационного доминирования. Таким образом, приводится в действие миметическая гонка, устремленная к крайности, в которой, как отмечал К. фон Клаузевиц, «каждый из борющихся предписывает закон другому» [2, с. 37]. Если в русле идей К. фон Клаузевица и Р. Жира-ра помыслить войну как миметическое соревнование, в котором каждый из соперников навязывает другому свои способы ведения военных действий, то мы приходим к необходимости обнаружения как предела вооруженного насилия, его финальной точки, так и тех границ (ограничителей), которые препятствуют или, напротив, способствуют достижению войной ее крайних форм.

Для Клаузевица процесс приближения войны к ее «абсолютному совершенству» связан с теми трансформациями, которые претерпели европейские войны начиная с 1793 года. Политическим фактором, который существенным образом трансформировал картину европейских войн, стала Французская революция. В результате революции произошло изменение методов государственного и административного управления. Изменения затронули характер правительства и положение народа. Выход на авансцену истории широких народных масс не мог не отразиться на характере войн: «разразилась стихия войны, освобожденная от всех условных ограничений, во всей своей естественной силе» [3, с. 127]. По свидетельству С. Хантингтона, который по сути воспроизводит выводы Клаузевица, в течение полутора столетий после заключения Вестфальского мира (1648) европейские войны велись преимущественно между правителями, движимыми интенцией расширения территорий своих государств. Начиная с Французской революции основные линии вооруженных конфликтов стали пролегать «скорее между нациями, чем их правителями» [9, с. 68].

Примеру Франции по обращению войны в «народное дело» (30-миллионный народ Франции превратился в мощнейшую силу войны) последовали другие государства Европы — Испания, Австрия, Россия, Германия. Таким образом, миметическое соревнование гигантских военных масс привело к приближению «действительной войны» к ее абсолюту [3, с. 126–127]. Подчеркнем, что речь не идет о достижении войной предельной, финальной точки своей эволюции (которая в теоретической модели Клаузевица является сугубо умозрительным конструктом). Абсолютный максимум или предел насилия в теории прусского генерала может быть уподоблен асимптоте, к которой приближается, но которой не может достичь действительная война.

Очевидно, что достижение насилем крайних форм сопряжено с угрозой дальнейшему существованию человечества, возможностью приведения его к небытию. Отчетливые эмпирические контуры данная возможность обрела в XX столетии после изобретения термоядерного оружия. В так называемых «лестницах эскалации», разработанных современными военными теоретиками, широкомасштабная ядерная война рассматривается в качестве финальной, предельной ступени, которой в принципе может достичь

военно-технологическая гонка [10, р. 39], [11, с. 221–222]. Лестница эскалации, которая была разработана Г. Каном, включает в себя 44 ступени. Согласно его выводам, политический конфликт развивается от «показного кризиса» («Ostensible Crisis») к «спазматической» или «бессмысленной» войне («Spasm or Insensate War») [10, р. 39]. Последняя ступень насилия предполагает неконтролируемые разрушения объектов противника с использованием всех доступных средств и массовые жертвы среди гражданского населения. Другой вариант лестницы эскалации, предложенный А.А. Кокошиным, содержит 10 ступеней и также воспроизводит логику интенсификации насилия. Российский военный теоретик рассматривает процесс эскалации насилия от начальной точки («нормального состояния» мировой политической системы) через политический кризис, гибридную и обычную войну к ядерному конфликту и последующему применению ядерного оружия. Наконец, пределом развертывания спирали насилия выступает «война с массивным применением ядерного оружия» [11, с. 222]. Обе приведенные лестницы эскалации исходят из возможности поэтапного распространения политического насилия не только на военные, но и на гражданские объекты. Оба автора показывают, как крайние формы войны из теоретической возможности могут стать действительностью.

Достижение насилием своего предела обесмысливает дальнейшее миметическое соревнование соперников. Военные действия с массированным использованием термоядерного оружия не могут развиваться по пути дальнейшей эскалации. Смысл конструируемых в военной теории лестниц эскалации заключается отнюдь не в том, чтобы довести политический конфликт до его катастрофической финальной точки, что привело бы человечество к небытию. Напротив, речь идет о выработке эффективных способов управления войной и оценке перспектив развертывания конфликта. Иными словами, участник вооруженного противостояния должен найти выход из дилеммы: пойти на уступки противнику, начав с ним переговоры, либо продолжать дальнейшую интенсификацию конфликта, стремясь к достижению эскалационного доминирования. Тем самым в военную стратегию закладываются механизмы сдерживания, ограничения вооруженного насилия, имманентные самой войне.

Следует отметить, что политико-философская и военно-теоретическая рефлексия о пределах вооруженного насилия далеко не всегда помещает его в линейную схему вызова и ответа. Военное противостояние не во всех случаях сопряжено с прогрессом в области военных технологий; эффективное противодействие сопернику может осуществляться с использованием оружия, которое далеко не всегда относится к техническим новшествам. Как отмечает Э. Люттвак, усилия военного противника направлены, прежде всего, на выработку контрмер против того вражеского оборудования, которое в текущий момент представляется наиболее опасным. Следовательно, менее успешное (и менее современное) оружие может обладать большим временным потенциалом полезности, нежели ультрасовременные разработки [12, с. 49–50]. Кроме того, серия победоносных операций одного из участников вооруженного противостояния не может продолжаться *ad infinitum* — необходимо учитывать такой фактор, как «кульминационная точка победы».

Люттвак раскрывает возможность достижения предела победоносных действий одним из противников и взаимообращения победы и поражения, апеллируя к событиям Второй мировой войны. Достигнув кульминационной точки победы к октябрю 1941 года, гитлеровская армия продолжила свое наступление в глубь территории Советского Союза и, нацеливаясь на центральном фронте на Москву, «неизбежно стала скатываться вниз по кривой» [12, с. 41].

Таким образом, эскалация вооруженного насилия не подчиняется жесткой линейной логике. Она сопряжена с постоянным чередованием статусов победителя и побежденного, а также предполагает наличие «побочных» рядов вооруженного противостояния, возможностей асимметричного ответа на вызовы противника. Эскалация насилия может быть спровоцирована вызовами со стороны более слабого в военно-техническом отношении актора — в данном случае действует так называемый парадокс Давида и Голиафа [13].

Эпоха высокотехнологичного вооруженного насилия не отменяет возможности возвращения войны к ее архаичным проявлениям — крайние формы насилия отнюдь не всегда тождественны его технически совершенным формам. Приведенное положение может быть подтверждено, в частности, экскурсом в историю Русско-японской войны. По свидетельству П.А. Кропоткина, необходимость находиться под ударами мощных артиллерийских снарядов, которые пронизывали театр военных действий, повергала участников боевых действий в «самое чудовищное, дикое состояние, какое представляет собой современная война»: «русские и японские солдаты катались в траншеях Порт-Артура, как дикие звери, колотя друг друга прикладами, ножами, вырывая куски мяса зубами...» [14, с. 511]. Предел эскалации насилия здесь связывается с крайним напряжением эмоциональных и волевых усилий, крайней степенью унижения человеческого достоинства.

Показательно, что прогноз о регрессе войны к ее примитивным формам делает один из наиболее авторитетных современных военных теоретиков М. ван Кревельд. Согласно выводам ученого, войны будущего обнаружат больше сходства «с войнами примитивных племен, чем с крупномасштабной традиционной войной с использованием обычных видов оружия» [15, с. 317]. Картина будущих войн, представленная Кревельдом, по сути представляет собой возвращение к естественному состоянию, описанному Т. Гоббсом. Она основана на неразличимости в будущем военных и гражданского населения, фронта и тыла. Акторами будущих войн станут отнюдь не роботы, которые покорят просторы космоса, но люди, действующие в сложной природной или рукотворной среде: «Это будет война подслушивающих устройств, заминированных автомобилей, мужчин, схватившихся врукопашную, и женщин, использующих свои сумочки для переноски взрывчатых веществ и наркотиков для их оплаты. Война будет затяжной, кровавой и ужасной» [15, с. 317].

Возвращаясь к проблеме поиска пределов насилия в ядерную эпоху, отметим, что плодотворным и эвристически значимым исследовательским приемом является рассмотрение крайних форм войны не в качестве ее финальной

точки, но как неотъемлемого горизонта либо исходного пункта рефлексии о войне, задающего ее вектор. Современные войны уже проходят под знаком крайности, которая из абстрактной категории, используемой Клаузевицем для описания войны как «идеального типа», трансформировалась в реальную возможность. И если в соответствии с выводами Клаузевица вооруженное насилие лишено имманентных механизмов ограничения («Введение же в философию самой войны принципа ограничения и умеренности представляет полнейший абсурд» [2, с. 36]), то симптоматично, что, согласно Люттваку, война может препятствовать собственному продолжению («...скорость, с которой война разрушает саму себя, обычно зависит от ее интенсивности и размаха» [12, с. 84]), а фактором, подогревающим военные действия, является перемирие, которое по сути является «замороженной войной» [12, с. 86].

Осознание реальной возможности ядерной войны как предела эскалации вооруженного насилия должно способствовать разработке эффективных стратегий ядерного и неядерного сдерживания, отысканию новых инструментов самоограничения военной деятельности.

Список литературы

1. Бауман З. Ретротопия. Москва: ВЦИОМ, 2019. 160 с.
2. Клаузевиц К. О войне: пер. с нем. Москва: Логос; Наука, 1994. 448 с.
3. Клаузевиц К. О войне (7–8): пер. с нем. Москва: РИМИС, 2009. 336 с.
4. Жирар Р. Завершить Клаузевица. Беседы с Бенуа Шантрон: пер. с фр. Москва: ББИ, 2019. 300 с.
5. Palaver W. Gewalt und Wechselseitigkeit. Über die Ursache zwischenmenschlicher Gewalt, Gewalteskalation und Wege aus der Gewalt. In: Gesichter der Gewalt. Beiträge aus phänomenologischer Sicht. Paderborn: Wilhelm Fink Verlag, 2014. P. 315–332.
6. Балаклеец Н.А. Феномен политического и границы насилия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2023. № 1. С. 97–106. EDN: IDUDGR doi: 10.18384/2310-7227-2023-1-97-106
7. Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. Москва: КДУ, 2011. 416 с.
8. Роттердамский Э. Жалоба мира, отовсюду изгнанного и поверженного. В кн.: Э. Роттердамский. Трактаты о вечном мире. Санкт-Петербург: Алетейя, 2003. С. 29–59.
9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Москва: АСТ, 2003. 603 с.
10. Kahn H. On escalation: metaphors and scenarios. New York: Praeger, 1965. 308 p.
11. Кокошин А.А. Вопросы прикладной теории войны. Москва: Изд. дом ВШЭ, 2019. 227 с. EDN: NVUFJX doi: 10.17323/978-5-7598-1944-8
12. Люттвак Э. Стратегия: Логика войны и мира: пер. с англ. Москва: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. 392 с.
13. Балаклеец Н.А. Субъект власти в условиях современных войн: стратегия Давида vs стратегия Голиафа // Социодинамика. 2021. № 6. С. 42–52. EDN: BPQWXA doi: 10.25136/2409-7144.2021.6.33184
14. Кропоткин П.А. Современная наука и анархия. В кн.: Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. Москва: Правда, 1990. С. 239–616.
15. Кревельд М. ван. Трансформация войны: пер. с англ. Москва: ИРИСЭН; Социум, 2015. 320 с.

References

1. Bauman Z. *Retrotopia*. Moscow: VTSIOM; 2019. 160 p. (In Russ.)
2. Clausewitz K. *On the War*. Transl. from German. Moscow: Logos; Nauka; 1994. 448 p. (In Russ.)
3. Clausewitz K. *On the War (7-8)*. Transl. from German. Moscow: RIMIS; 2009. 336 p. (In Russ.)
4. Girard R. *To complete Clausewitz. Conversations with Benoit Chantre*. Transl. from French. Moscow: BBI; 2019. 300 p. (In Russ.)
5. Palaver W. Gewalt und Wechselseitigkeit. Über die Ursache zwischenmenschlicher Gewalt, Gewalteskalation und Wege aus der Gewalt. In: *Gesichter der Gewalt. Beiträge aus phänomenologischer Sicht*. Paderborn: Wilhelm Fink Verlag; 2014. P. 315–332.
6. Balakleets NA. The phenomenon of political and border violence. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences*. 2023;(1):97–106. EDN: IDUDGR doi: 10.18384/2310-7227-2023-1-97-106
7. Moss M. *Society. Exchange. Personality. Works on social anthropology*. Moscow: KDU; 2011. 416 p. (In Russ.)
8. Rotterdam E. Complaint of the world, from everywhere expelled and defeated. In: E. Rotterdam. *Treatises on eternal peace*. Saint Petersburg: Aletheia; 2003. P. 29–59. (In Russ.)
9. Huntington S. *Clash of Civilizations*. Moscow: AST; 2003. 603 p. (In Russ.)
10. Kahn H. *On escalation: metaphors and scenarios*. New York: Praeger; 1965. 308 p.
11. Kokoshin AA. *Questions of applied theory of war*. Moscow: HSE Publishing House; 2019. 227 p. EDN: NVUFJX doi: 10.17323/978-5-7598-1944-8
12. Luttwak E. *Strategy: The Logic of War and Peace*. Transl. from Engl. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science; 2012. 392 p. (In Russ.)
13. Balakleets NA. The actor of power in the conditions of modern warfare: David's strategy vs Goliath's strategy. *Sociodynamics*. 2021;(6):42–52. EDN: BPQWXA doi: 10.25136/2409-7144.2021.6.33184
14. Kropotkin PA. Modern science and anarchy. In: Kropotkin PA. *Bread and will. Modern science and anarchy*. Moscow: Pravda; 1990. P. 239–616. (In Russ.)
15. Kreveld M van. *War Transformation*. Transl. from Engl. Moscow: IRISEN; Sotsium; 2015. 320 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Наталья Александровна БАЛАКЛЕЕЦ — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Самарского государственного технического университета, Самара, Россия; eLibrary SPIN: 9517-9438. **E-mail:** bnatalja@mail.ru

Information about the author

Natalia A. BALAKLEETS — Candidate of Sciences (Philosophy), Docent at the Department of Philosophy, Social Sciences and Humanities, Samara State Technical University, Samara, Russia; eLibrary SPIN: 9517-9438. **E-mail:** bnatalja@mail.ru

«Я» в пределах мерности

Н.В. Гоноцкая

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила в редакцию: 15.09.23

В окончательном варианте: 23.10.23

■ Для цитирования: Гоноцкая Н.В. «Я» в пределах мерности // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2024. Т. 6. № 1. С. 55–62. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.8>

Аннотация. Современность предоставляет нам большое количество технологий по самоидентифицированию. Мы встречаемся с ними как в псевдонаучном дискурсе (напр.: в астрологии — натальные карты, гороскопы), так и научном — в области психологии (классификация личностей В. Штерна, К.Г. Юнга, А.Ф. Лазурского и др.). Эти технологии по самоидентификации, модели личности зачастую превратно понимаются, отождествляются с процессом самосознания. Результатом такого отождествления является релятивизация образа «Я», соединения в «Я» различных ситуативных функций, социальных ролей, черт характера. Автор проблематизирует такой подход, при котором «Я» субстантивируется, наделяется качествами, подобно тому, как ими наделена вещь; разводит понятия «самоидентификация» и «самосознание»; поднимает вопросы, связанные с возможностью сохранения континуального единства «Я», с выстраиванием процесса конституирования «Я» во времени. В отличие от процедуры самоидентификации, которая может быть моделируемой, самосознание вписываться в шаблоны не может. Самосознание пластично, изменчиво, укоренено во времени, но при этом всегда принадлежит одному и тому же «Я».

Ключевые слова: самосознание; самоидентификация; темперамент; характер; дифференциальная психология; типология личности; «Я» и время.

"I" within measure

N.V. Gonotskaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Original article submitted: 15.09.23

Revision submitted: 23.10.23

■ For citation: Gonotskaya N.V. "I" within measure. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2024;6(1):55–62. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.8>

Abstract. Modernity provides us with a large number of technologies for self-identification. We meet them both in pseudoscientific discourse (for example: in astrology — natal charts, horoscopes), and scientific, in the field of psychology (classification of personalities by V. Stern, K.G. Jung, A.F. Lazursky, etc.). These technologies for self-identification, personality models are often misunderstood, being identified with the process of self-consciousness. The result of such identification is relativization of the image of the “I”, combination of various situational functions, social roles, character traits in the “I”. The author problematizes such an approach, in which the “I” is substanzified, endowed with qualities, just as a thing is endowed with them; separates the concepts of “self-identification” and “self-consciousness”; raises questions related to the possibility of maintaining the continual unity of the “I”, with building the process of

constituting the “I” through time. Unlike the procedure of self-identification, which can be modeled, self-consciousness cannot fit into patterns. Self-consciousness is plastic, changeable, rooted in time, but it always belongs to the same “I”.

Keywords: self-consciousness; self-identification; temperament; character; differential psychology; personality typology; the “I” and time.

Исследование самосознания, постановка вопроса о том, что есть «Я» в истории западноевропейской мысли напрямую связаны с созданием эталонов мерности. Попытки создания эталонов мерности «Я» известны со времен Платона и Аристотеля. Три части души у Платона являются основанием для деления людей на три сословия [1, 439b]. Аристотель в «Никомаховой этике» [2, 1105b] бросает все свои интеллектуальные усилия на то, чтобы определить меру: чем мужество отличается от безрассудности и трусости, а щедрость от расточительности, мотовства и скупости. Этические характеры Феофраста [3], верного друга и ученика Аристотеля, служат парадигматическим примером тому, как создается мерность. Характер — это определенный набор характеристик, присущий данному типу человека. Всего 30 характеров, которые представляют собой группировку людей по порокам — свойствам, которыми они наделены по природе, — такова «непреходящая» сущность (льстивость, пустословие, бессовестность, бестактность, суетливость, тщеславие и т. д.). «Подобно тому, как философы среди многообразия “текучих” вещей ищут какой-то неизменный принцип, так и Феофраст подмечает в человеке среди множества черт некую постоянную черту — “характер”» [4, с. 60–61]. «Для Теофраста каждый человеческий характер — это сумма душевных свойств, проявляющихся в поступках и словах. <...> Здесь, в этих определениях нужно оценить их этическую подачу: прогресс, по сравнению с фигозномическим и симонидовским портретом здесь в том, что характер рассматривается, как сумма психических свойств, а внешнее проявление характера как выражение этих свойств души в поступках и словах» [5, с. 138]. То, чем впоследствии, в XX в., будет заниматься дифференциальная психология, психологическая типология (В. Штерн [6], К.Г. Юнг [7], К. Леонгард [8] и др.), в древности составляло предмет этики. Это учение о душевном складе, нраве человека. На уровне физиологии эта работа по созданию эталонов была проделана Гиппократом и Галеном (четыре темперамента: холерик, сангвиник, флегматик, меланхолик) [9].

Определению души (или «Я»), данному Платоном¹ [10, 80b] необходимо предшествовал процесс самопроблематизации, именуемый в историко-философской литературе «*антропологическим поворотом*». Начало процедуре по расщеплению «монолитной» души положили софисты, в особенности величайший из них — Сократ. Греки были первыми, кто поставил вопрос, обращенный к самому себе, первыми, кто осмелился рассуждать самостоятельно, поставить под вопрос основания. К примеру, я могу действовать справедливо,

¹ «Божественному, бессмертному, умопостигаемому, единообразному, неразложимому, постоянному и неизменному самому по себе в высшей степени подобна наша душа, а человеческому, смертному, постигаемому не умом, многообразному, разложимому и тленному, непостоянному и несходному с самим собою подобно <...> наше тело». См.: Платон. Федон. 80b.

но я не знаю, *на каком основании* я так действую [11]. Поставить под вопрос самого себя — *это первый шаг* на пути к самопроблематизации. *Вторым шагом* станет попытка создать эталоны мерности. Если не будет этих эталонов, то остается то, что Ницше называл «прямой чувственностью». Трансцендентальная беспечность противостоит самосознанию.

Когда «прямая чувственность» уступает место сознанию со всеми отягчающими его присутствие в мире последствиями, тогда рождается и психология. Судьба или предназначение самосознания в том, чтобы стать познанным для самого себя.

Западноевропейская культура прошла долгий путь по выработке процедур самопознания, а значит, и усложнения субъектности. Сначала — создание эталонов мерности древними греками, затем в эпоху греко-римского эллинизма — формирование границ приватного и публичного пространства через «заботу о себе» (особые душевные практики стоиков, киников, эпикурейцев) [12]; христианская эра, создавшая вторую вселенную наряду с той, которая нам уже дана и частью которой мы являемся, — вселенную внутреннего мира с его рефлексией, чувством вины, осознанием греховности, покаянием, ожиданием спасения, желанием выйти за границы наличного бытия; далее — рождение клиники, изобретение психической болезни, формирование особого рода сферы заботы о душевнобольном — клинической психологии.

Побочный продукт сотворения «души самосознающей» — то, что Ницше называл «ресентиментом» [13]. Под ресентиментом подразумевается комплекс переживаний и эмоций, носящий отрицательный характер (саморазрушение) и требующий интерпретации: зависть, месть, неудовлетворенное напрямую желание, вытесненное в бессознательное и заявляющее о себе опосредованно соматически — как в случаях истерии, подробно описанных Фрейдом и т. д., — весь багаж негативностей, с которыми работают психоаналитики. Так процесс самопознания развернулся и стал увлекательным приключением по производству психологического мусора, приключением всей нашей жизни, верным и терпеливым попутчиком в котором теперь выступает не священник, учитель или родитель, но психоаналитик. Его миссия скромна — не очистить «Я» и вернуть ему его первозданную простоту (вернуться к «прямой чувственности» — что едва ли возможно), но при условиях сохранности сложности субъектности помочь обрести себя, прийти к тому, что обычно называют «гармоничной личностью».

Таким образом, эталоны мерности позволяют собрать в одну точку «Я», отделить «Я» от того, что ему не принадлежит и им не является. И пусть велики различия между тем, что мы понимаем сейчас под процессом самоидентификации, и тем, что об этом говорил, к примеру, Феофраст (современная психология владеет весьма обширным арсеналом типологий личностей, основанием для которых служит не этическая оценка действий, а самые разные конфигурации душевных экспликаций), суть остается неизменной: мы понимаем «Я» через соотнесение его со схемой, данной заранее. «Я» — это совокупность качеств.

Неоднократно предпринимаемые попытки создать универсальную систему по распознаванию сущностных черт характера, составляющих ядро личности, ее склонностей и способностей на основе физиологических и биохимических

реакций, в предыстории психологии являются продолжением пути развития, проложенного древними. Так, характерология, как предшественница дифференциальной психологии, представляла собой, по словам Штерна, «своеобразное слияние философских гипотез о сути и причинах человеческой природы (характера, темперамента) с эмпирическими исследованиями, ограниченными получением данных повседневного опыта или полудилетантскими подходами к рассмотрению психики» [6, с. 17]. Другое популярное в прошлом направление, психогностика, «наивная» или «любительская» психологическая диагностика, основывалась на идее корреляции внешнего и внутреннего, как если бы сама «душа» человека могла проявить себя, высказать себя через определенную телесную конституцию. Физиогномика постулировала связь между чертами и выражениями лица, обусловленными физиологическим строением и типом личности, характера; френология, как разновидность физиогномики, ставшая популярной в XIX в., основывалась на идее связи характера и индивидуальных способностей с формой черепа; графология — на идее связи между характером и почерком человека. Единодушные психологов в определении статуса психогностических учений — как «псевдонаучных» — позволило профессиональному сообществу отдать эти «эзотерические» учения на откуп шарлатанам от науки и невеждам-обывателям. Есть основания полагать, что идея реализовать универсальный подход по типологизации личности исчерпала себя. Так, в психологической науке сейчас принято считать наиболее работоспособной модель личности, основанной на самоопределении себя в отношении другого/других («Большая Пятерка» личностных качеств: 1) экстраверсия; 2) доброжелательность; 3) добросовестность; 4) нейротизм; 5) открытость опыту). Это диспозициональная модель личности, которая отражает восприятие людей друг другом. Однако операциональная и функциональная недостаточность диспозиционного подхода в моделировании личности человека, подтвержденная в ряде современных исследований ([14]¹, [15]²) свидетельствует о том, что

¹ Исследование американских ученых (2018) “A robust data-driven approach identifies four personality types across four large data sets” в рамках модели «Большой пятерки» полумиллиона испытуемых было призвано подтвердить возможность выделить типаж личности. Согласно этой модели, личность человека включает в себя пять автономных диспозиций. Как пишут авторы, «в отличие от черт личности, существование типов личности остается крайне спорным. Несмотря на различные предполагаемые типы личности, описанные в литературе, небольшие размеры выборки и отсутствие воспроизводимости наборов данных и методов привели к неубедительным результатам о типах личности» (пер. — Н.Г.). Авторы реализуют новый подход к определению типажей личности, однако в ходе исследования удалось выявить лишь склонности и некоторые черты. Испытуемые были распределены на четыре группы: 1) «примеры для подражания» — люди с низкой тревожностью и эскраверсивными наклонностями; 2) «самовлюбленные» — с противоположными показателями по сравнению с первыми; 3) «сдержанные» — с низкими показателями по всем пунктам теста; 4) «средняки» — те, у кого средние показатели по всем параметрам. Считать эту классификацию новым словом в дифференциальной психологии можно лишь с большими оговорками.

² Недавнее исследование американских ученых (2019) “Sixteen going on sixty-six: A longitudinal study of personality stability and change across 50 years”, посвященное изменению характера человека на протяжении жизни, показало, что характер с возрастом меняется, в то время как само усмотрение черт характера в качестве личностного ядра предполагает их неизменчивость, стабильность. Исследователи пришли к выводу о том, что «личность имеет стабильный компонент на протяжении всей жизни, как на уровне черт, так и на уровне профиля, и что личность в то же время податлива, и люди меняются по мере взросления» (пер. — Н.Г.). Таким образом, характер человека с возрастом меняется, но некоторые черты все же могут и сохраняться.

такой субстанциалистский подход к «Я» имеет ряд ограничений. Всякая типологизация основывается на идее о неизменности, сохранности «Я» во времени. С одной стороны, собирая «Я» и внося «Я» в регистр структурированных и заранее наполненных значением (не пустых) идентификационных карт, мы обеспечиваем измеримость и упорядоченность самосознания. С другой стороны, самосознание целиком и полностью не вписывается в рамки этих классификаторов.

Затруднение, с которым сталкиваются психологи, связано с отождествлением процесса самоидентифицирования с самосознанием. Это не одно и то же. *Самоидентификация — процесс, который может быть технологизирован. Самосознание — интуитивно-интерпретативная деятельность, а не дискурсивная.* Сознание — это всегда «сознание о». Сознание по своей природе интенционально. Изобретение субъекта требует предметности. Предметность — это всегда препятствие. Если нет предметности, если нет препятствия, сознания нет вообще. На одной стороне — полюс прямой чувственности (инстинкты), на другой — сознание. Сознание есть там, где есть и то, что ему противостоит, то, что нуждается в познании и что должно быть познано. Думать о себе как о чем-то определенном, обладающем некими характеристиками (скажем, как написано в гороскопах, если вы телец, то вы упрямы, или как показывает тест Айзенка, ваш темперамент меланхоличен, уровень конфликтности и степень психической устойчивости соответствует среднему, а экстраверсивность умеренна), значит субстантивировать сознание. Субстанциальный подход к «Я» требует от нас находить в «Я» нечто неизменчивое, сущностное, способное определять, оказывать влияние на другие качества личности. «Определенное» в смысле данное заранее, то, что могло бы послужить базисом для дальнейшего пристегивания к нему мутаций образов себя, неизбежно происходящих во времени.

Современность предоставляет различные технологии самоидентификации, но они создают упрощенный образ самосознания (самосознание понимается как некая вещь, наделенная определенными качествами). Недосток их не только в том, что они предлагают схематичное представление об индивидууме, — в их схему может уместиться если не все, то очень многое. Спектр современных эталонов мерности настолько широк, что создает иллюзию возможности сведения «Я» к различным ситуативным функциям, социальным ролям, чертам характера, темпераменту и т. д. В результате личность распадается на периоды жизни, роли, функции. Именно по этой причине необходимо проводить различие между процедурами по самоидентифицированию и процессом самосознания — он не поддается шаблонам. (Довольно полный обзор психологических концептов «Я» представлен Е. Белинской в ее исследовании, посвященном разработке проблематики динамических аспектов Я-концепции и идентичности в рамках общей, возрастной и социальной психологии [16, с. 1–51].)

«Я» постоянно меняется в различных ситуациях повседневной жизни. «Я» накапливает новые мысли, чувства, ценности, обнаруживая себя в хаосе различных житейских ситуаций. «Я» не может быть изъято из времени, а значит, временность должна быть вынесена в теорию «Я». Самосознание осуществляет работу по присвоению или отчуждению развертывающегося

во времени опыта, который «Я» считает своим собственным опытом. Но элементы опыта, вокруг которых разворачивается установление отношений собственности, наделены различной полнотой присутствия. К тому же содержание прошлого и возможного будущего опыта не остается неизменным. А это, в свою очередь, означает, что невозможно раз и навсегда «стать самим собой», «обрести подлинное “Я”», «найти себя». Отвечать на вопрос «Кто я?» означает устанавливать свое отношение не к тому, что есть сейчас, а к тому, что было и что может быть. Нужно искать себя каждый раз заново. Наличие «Я» не всегда гарантировано, как и наличие того, в чем «Я» ищет себя. Прошлому присуща возможность забыться, а будущему — возможность изменения ожиданий. В то же время процесс самосознания не является чистым творческим актом, в котором можно изобретать любое «Я», изобретать себя с нуля.

Единство самосознания каждый раз поддерживается новым усилием памяти, верности, терпеливого ожидания и настойчивого осуществления мечты. Сохранить себя можно лишь ценой немалых усилий, но не меньше усилий нужно и для того, чтобы измениться: сломить привязанность, избавиться от ностальгии, трезво взглянуть в лицо нереальным мечтам. На что будут направлены эти усилия — не предопределено. Найти себя — значит выбрать себя, вкладывая в этот выбор всю силу желания. Изменчивая, требующая выбора, произвольная идея «Я», несущая на себе отпечаток времени, может быть понята только как действие, но не как вещь. Получается, что субъектность не является качеством наряду с другими: силой, красотой, способностью к последовательным действиям и связной речи и т. д. Субъект вообще не проявляется ни в каких качествах — субъект не является вещью. Субъектность проявляется исключительно в том, что «Я» объявляет переживание своим или чужим. Благодаря этому распределению отношений собственности опыту сообщается подвижность, мерцание. Благодаря вмешательству субъектов безличное недифференцированное целое опыта делится на потоки, устремляющиеся в направлении множества центров, отличающихся друг от друга силой притяжения и отталкивания. Через попеременное присвоение/отчуждение опыта ему придается ритм. Субъект осуществляет мышление времени, в котором рождается «Я». Такова ключевая функция субъекта по отношению к опыту. Само «Я» есть только знак, имя, не соответствующее никакой реальной вещи. Истинность этого слова не в соответствии чему-то, что открывается взору беспристрастного наблюдателя, эксперта-психоаналитика, а лишь в убедительности, способности пробудить страсть и веру в «Другого».

Список литературы

1. Платон. Государство. Кн. 4. В кн.: Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. Москва: Мысль, 1994.
2. Аристотель. Никомахова этика. Кн. 2. В кн.: Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. Москва: Мысль, 1983.
3. Феофраст. Характеры. Санкт-Петербург: Наука, 2007. 130 с.
4. Стратановский Г.А. Феофраст и его «Характеры». В кн.: Феофраст. Характеры. Санкт-Петербург: Наука, 2007. С. 46–83.

5. Фрейденберг О.М. «Характеры» Теофраста // Ученые записки ЛГУ. Сер. филол. наук. 1941. Вып. 7. № 63. С. 129–141.
6. Штерн В. Дифференциальная психология и ее методические основы. Москва: Наука, 1998. 335 с.
7. Юнг К.Г. Психологические типы. Москва: Ювента; Прогресс–Универс, 1995. 715 с.
8. Леонгард К. Акцентуированные личности. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. 544 с.
9. Гиппократ. Этика и общая медицина. Санкт-Петербург: Азбука, 2001. 348 с.
10. Платон. Федон. В кн.: Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. Москва: Мысль, 1994.
11. Платон. Горгий. В кн.: Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. Москва: Мысль, 1994.
12. Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франсе 1981–1982 учебном году. Санкт-Петербург: Наука, 2007. 677 с.
13. Ницше Ф. К генеалогии морали. В кн.: Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. Москва: Мысль, 1996. Т. 2. 829 с.
14. Gerlach M., Farb B., Revelle W., et al. A robust data-driven approach identifies four personality types across four large data sets // *Nat Hum Behav.* 2018. N. 2. P. 735–742. doi: 10.1038/s41562-018-0419-z
15. Damian R.I., Spengler M., Sutu A., Roberts B.W. Sixteen going on sixty-six: A longitudinal study of personality stability and change across 50 years // *Journal of Personality and Social Psychology.* 2019. Vol. 117, N. 3. P. 674–695. doi: 10.1037/pspp0000210
16. Белинская Е.П. Динамика представлений человека о себе: история изучения и современное состояние проблемы // *Психолог.* 2013. № 4. С. 1–51. doi: 10.7256/2409-8701.2013.4.767

References

1. Plato. State. Book 4. In: Plato. *Collected works.* In 4 vol. Vol. 3. Moscow: Mysl; 1994. (In Russ.)
2. Aristotle. *Nikomakhova ethics.* Book 2. In: Aristotle. *Works.* In 4 vol. Vol. 4. Moscow: Mysl; 1983. (In Russ.)
3. Theophrastus. *Characters.* Saint Petersburg: Nauka; 2007. 130 p. (In Russ.)
4. Stratanovsky GA. Feofrast and his “Characters”. In: Feofrast. *Characters.* Saint Petersburg: Nauka; 2007. P. 46–83. (In Russ.)
5. Freidenberg OM. “Characters” by Theophrastus. *LSU Scientific Notes. Ser. Philol. sciences.* 1941;7(63):129–141. (In Russ.)
6. Stern V. *Differential psychology and its methodological foundations.* Moscow: Nauka; 1998. 335 p. (In Russ.)
7. Jung KG. *Psychological types.* Moscow: Juventa, Progress-Univers; 1995. 715 p. (In Russ.)
8. Leongard K. *Accentuated personalities.* Rostov-na-Donu: Feniks; 2000. 544 p. (In Russ.)
9. Hippocrates. *Ethics and general medicine.* Saint Petersburg: Azbuka; 2001. 348 p. (In Russ.)
10. Plato. Fedon. In: Platon. *Collected works.* In 4 vol. Vol. 2. Moscow: Mysl; 1994. (In Russ.)
11. Plato. Gorgiy. In: Plato. *Collected works.* In 4 vol. Vol. 1. Moscow: Mysl; 1994. (In Russ.)
12. Foucault M. *Hermeneutics of the subject: Course of lectures given at the Collège de France 1981–1982 academic year.* Saint Petersburg: Nauka; 2007. 677 p.
13. Nietzsche F. To the genealogy of morality. In: Nietzsche F. *Works.* In 2 vol. Vol. 2. Moscow: Mysl; 1996. 829 p.
14. Gerlach M, Farb B, Revelle W, et al. A robust data-driven approach identifies four personality types across four large data sets. *Nat Hum Behav.* 2018;(2):735–742. doi: 10.1038/s41562-018-0419-z
15. Damian RI, Spengler M, Sutu A, Roberts BW. Sixteen going on sixty-six: A longitudinal study of personality stability and change across 50 years. *Journal of Personality and Social Psychology.* 2019;117(3):674–695. doi: 10.1037/pspp0000210
16. Belinskaya EP. Dynamics of man’s ideas about himself: the history of study and the current state of the problem. *Psychologist.* 2013;(4):1–51. (In Russ.) doi: 10.7256/2409-8701.2013.4.767

Информация об авторе

Надежда Васильевна ГОНОЦКАЯ — кандидат философских наук, доцент кафедры философии гуманитарных факультетов философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; eLibrary SPIN: 8147-6335. **E-mail:** nadya360@mail.ru

Information about the author

Nadezhda V. GONOTSKAYA — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy of Humanities, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; eLibrary SPIN: 8147-6335. **E-mail:** nadya360@mail.ru

Война как явление и понятие

О.А. Бельков

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва, Россия

Поступила в редакцию: 15.09.23

В окончательном варианте: 25.10.23

■ Для цитирования: Бельков О.А. Война как явление и понятие // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2024. Т. 6. № 1. С. 63–70. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.9>

Аннотация. В статье анализируется феномен войны. Выделяются четыре порядка ее сущности: социально-политическое явление, продолжение политики, вооруженная борьба, сопровождение невоенными средствами. С опорой на классический труд К. Клаузевица и Военную доктрину РФ, формулируются восемь инвариантных (неизменных и обязательных) признаков войны. Указывается, что в последнее время все более широкое распространение получает альтернативная трактовка войны, в которой вооруженная борьба не является ее обязательным атрибутом. Раскрываются ее основные послышки, их теоретическая несостоятельность и практически-политическая контрпродуктивность.

Ключевые слова: война; вооруженная борьба; военное насилие; война без вооруженной борьбы; «невоенная война».

War as a phenomenon and concept

O.A. Belkov

Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow, Russia

Original article submitted: 15.09.23

Revision submitted: 25.10.23

■ For citation: Belkov O.A. War as a phenomenon and concept. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2024;6(1):63–70. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.9>

Abstract. The article analyzes the phenomenon of war. Four orders of its essence stand out: socio-political phenomenon, continuation of politics, armed struggle, support by non-military means. Based on the classical work of K. Clausewitz and the Military Doctrine of the Russian Federation, eight invariant (unchanged and mandatory) signs of war are formulated. It is indicated that recently an alternative interpretation of war has become increasingly widespread, in which armed struggle is not its obligatory attribute. Its main premises, their theoretical failure and practically political counterproductiveness are revealed.

Keywords: war; armed struggle; military violence; war without armed struggle; «non-military war».

Война — слово, знакомое каждому. О ней говорят все: власть и оппозиция, Генеральный штаб и церковь, трибуна и улица. Однако понимается и толкуется война по-разному. Сегодня, говорит Начальник Генерального штаба генерал армии В.В. Герасимов, «вопрос с определением сущности войны не закрыт, он актуален и требует постоянного изучения и тщательной проработки» [1]. В порядке отклика на это утверждение предлагаю несколько тезисов.

Тезис первый. Война — неизменная спутница человеческой истории. Война — общеславянское слово, образованное от существительного вой — «воин», известно с XI века. (Слово «вой» многократно встречается в русских летописях.) И на протяжении веков оно понималось однозначно в смысле вооруженная борьба двух или нескольких народов, государств.

Как таковая война занимает большое место в жизни человечества. До 95 % всех известных нам обществ прибегали к войне для разрешения внешних или внутренних конфликтов [2]. По очень приблизительным подсчетам, на протяжении 5300 лет (с 3600 г. до конца 20 в.) в том или ином районе ойкумены война полыхала свыше 15 000 раз; мир на всей планете торжествовал всего 292 года [3, с. 131]. Рекордным по масштабам и интенсивности военных столкновений, стал 20 в., когда прогремело более 250 войн. Их частота превысила среднюю частоту войн за всю известную историю человечества примерно в 1,5 раза [4, с. 13]. В настоящее время в мире насчитывается 61 продолжающийся вооруженный конфликт [5]. При этом, констатирует Концепция внешней политики РФ, повышается роль фактора силы в международных отношениях.

Тезис второй — сущностные признаки войны.

По К. Клаузевицу, война бывает настоящим хамелеоном, так как она в каждом конкретном случае несколько изменяет свою природу. Войны отличаются друг от друга организацией военной силы, оружием, тактикой, масштабом и интенсивностью военных действий, их пространственными и временными характеристиками, значениями других атрибутов. «Тут надо отрешиться от всех случайных, подверженных историческому развитию изменений в технике ведения войны и изготовления оружия» [6, с. 27].

Меняется явление, а не сущность. Сущность войны инвариантна и многогранна. Ее познание и определение строится на анализе не одного, а широкого набора атрибутов. Акцентирование на одной только грани дает искаженную картину. Поэтому правомерно выделять сущности разных порядков.

Сущность первого порядка: война — социально-политическое явление, состояние социума, противоположное миру.

Сущность второго порядка: война — продолжение политики, орудие политики, сама политика.

Сущность третьего порядка: война — двустороннее военное насилие, вооруженная борьба.

Сущность четвертого порядка: гибридность войны — вооруженная борьба сопровождается невоенными средствами воздействия на противника.

Сущность войны схвачена в ее понятии. К сожалению, в международных и отечественных официальных документах определение войны как социально-политического явления, как категории военной политологии и военного искусства отсутствует. Нет его и у признанных авторитетов военной науки.

К. Клаузевиц, например, писал: «Мы, не имея в виду выступать с тяжеловесным государственно-правовым определением войны» [7, с. 22].

В то же время в энциклопедиях, справочниках и словарях определение войны дается заузненное. В них фиксируется только один признак войны — вооруженная борьба, который не раскрывается.

У К. Клаузевица по тексту разбросаны характеристики войны, которые описывают ее существенные свойства. Военная доктрина Российской Федерации называет десять характерных черт и особенностей современных военных конфликтов. Эти источники позволяют назвать восемь инвариантных (обязательных и неизменных) признаков войны:

- разрешение социальных противоречий;
- введение на территории страны военного положения;
- перевод органов государственной власти и экономики страны на работу в условиях военного времени;
- применение конфликтующими сторонами оружия — технических средств физического насилия;
- двусторонние систематические и согласованные военные действия;
- специально организованные формирования (армии, частные военные компании, ополчение и т. д.);
- сопровождение вооруженной борьбы невоенными средствами и методами;
- цель войны — изменение (или сохранение) сложившегося политического и геополитического статус-кво.

На фоне специальной военной операции, проводимой Россией на Украине, обострился непростой вопрос о соотношении войны и вооруженной борьбы. Скажу об этом предельно кратко.

Всякая война — всегда вооруженная борьба, боевое задействование вооруженных сил. Война без боя, «невоенная война», в том числе разговоры об идущей третьей и даже четвертой мировой войне — сугубо умозрительные придумки, ничего общего с реальностью не имеющие.

Но не всякое задействование армии является вооруженной борьбой. Таковы, например, оккупация, военное присутствие, демонстрация силы, «вежливые люди» в Крыму в 2014 г. и т. д.

Военное насилие и вооруженная борьба — признак не только войны. Не являются войной односторонняя карательная акция, например, бомбардировки Югославии, участие армейских формирований в борьбе с терроризмом, миротворческая операция, в том числе принуждение к миру силой, демонстрация силы, военное присутствие, «вежливые люди» в Крыму в 2014 г. и др. В этой связи характерен тот факт, что Военная доктрина РФ рассматривает четыре вида вооруженного противоборства: крупномасштабные, региональные, локальные войны, а также вооруженные конфликты; в американских уставах в 1993 г. понятие «конфликт низкой интенсивности» заменено термином «военные операции, отличные от войны».

В этом ряду находится специальная военная операция — форма боевых действий, которые, по определению, проводятся ограниченным контингентом войск, преимущественно силами специального назначения на относительно небольшой территории и в короткие сроки. Видимо, так была задумана специальная военная операция против киевского режима. Однако вовсе

не по воле России она переросла, как заявил пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков, в «фактически войну между Москвой и коллективным Западом» [8].

Особый сюжет рассматриваемой темы — связь, соотношение военных и невоенных средств борьбы. Глобальная конкуренция и геополитическое соперничество, а вместе с тем конфликты, порождаемые ими, извечны в этом мире. В последние годы, после окончания холодной войны возрос удельный вес невоенных форм и способов противоборства. В этой связи говорят о «мягкой силе» как инструменте давления на геополитических антагонистов.

Тезис третий — поветрие нынешнего века — расширительное толкование войны.

На рубеже XX–XXI вв. в публицистике, науке и политике получает расширительное толкование войны, при котором собственный смысл этого термина подменяется его переносным значением (любое состояние вражды, острой конфронтации и противоборства между отдельными лицами, группами или институтами). При этом ревизии подвергаются все восемь сущностных признаков войны, как продолжения политики насильственными средствами.

Адепты модернистской концепции войны надеются концептуализировать понятие в духе призыва Е.Э. Месснера: «Отказаться от веками установившихся понятий о войне. Надо перестать думать, что война — это когда воюют, а мир — когда не воюют» [9, с. 140].

Таким образом, четкая качественная определенность войны в отечественном военно-политическом дискурсе не просто размывается, но многими авторами категорически отрицается. Вот уже и Начальник Генерального штаба в академическом стиле сообщает, что есть разные и как бы равноправные интерпретации понятия «война»: одни ученые и специалисты придерживаются классической трактовки; другие считают, что вооруженная борьба не является ее обязательным атрибутом [1]. Он не говорит, что обе по определению не могут быть адекватными: одна из них ошибочна. Правда, как бы оставаясь выше их противостояния, заявляет, что пока (?) целесообразно придерживаться традиционного определения термина «война», но в то же время задается вопросом (не отвечая на него), не являются ли события «арабской весны» типичной войной XXI века? [10]

Тезис четвертый — ревизия понятия «война» таит в себе многие проблемы в практически-политическом отношении.

Все основные постулаты новой концепции войны прямо противоречат реальности, здравому смыслу и логике, а также классической, традиционной парадигме войны, узаконенной в международном праве и отечественных документах стратегического планирования. Покажу это на нескольких примерах.

1. Стирание грани между состоянием войны и мира. То есть наступление вечной войны? Как в оруэлловском «Скотном дворе»: «Война — это мир»? (В Концепции внешней политики Российской Федерации предложена более реалистичная формула: стирание грани между военными и невоенными средствами межгосударственного противоборства.) Но, уже Геродот обозначил эту грань так, что стало понятно, ее невозможно стереть: «Когда мир, то дети хоронят отцов, а когда война, то отцы хоронят детей» [11]. Военные средства — это, прежде всего, оружие — «устройства и предметы, конструктивно

предназначенные для поражения живой или иной цели» [12]. И это их неустрашимое отличие от всех других средств, включая продукцию двойного назначения.

2. Появление новых сфер противоборства, смещение методов борьбы в сторону комплексного применения невоенных мер. Но, невоенные сферы и методы противоборства рождены не XXI веком. Они — данность извечных глобальной конкуренции и геополитического соперничества. О них, например, древнекитайский военный трактат «Тридцать шесть стратагем». Германию к капитуляции в Первой мировой войне принудило не военное поражение, а экономическая блокада. «Диванные стратеги» вольны называть применение невоенных мер войной. Однако Концепция внешней политики РФ предупреждает о «вероятности эскалации таких конфликтов и их перерастании в локальную, региональную или глобальную войну». И запрещенное Уставом ООН применение силы и угрозы силой относится не к ним.

3. Измененные подходы к применению военной силы. Ее открытое применение осуществляется в крайнем случае и под видом миротворческой деятельности и кризисного урегулирования. Исчезают «линии фронта», им на смену приходит «область ведения боевых действий», основным актором в которой выступают силы специального назначения. Вооруженные силы эффективны, когда решают задачи с минимальным задействованием военной составляющей. Но, военная доктрина характерной чертой войны называет массированное применение систем вооружения и военной техники на всю глубину территории противника. И специальная военная операция на Украине, перерастающая в войну, подтверждает верность этой характеристики.

4. Наступление эпохи войн с применением средств, не относящихся к военному насилию. «Под неклассической войной понимаются войны, в которых объектом поражения служат сознания индивида и общества с использованием нефизического насилия» [13, с. 35]. Но, К. Клаузевиц утверждал: «Бой всегда заключается в понятии войны, так как бой является начальным пунктом, от которого исходят все явления войны» [14, с. 67].

5. Представление о гибридной войне как если не единственной, то основной форме современного геополитического противоборства. Но, гибридность всегда была сущностной чертой войны и все войны в истории человечества являлись гибридными. Троянский конь тому подтверждение. Министр иностранных дел С.В. Лавров считает, что «на Украине война уже не гибридная, а почти настоящая, которую Запад долго готовил против России» [15], и, говорил он в другой раз, она грозит перерасти в полномасштабную войну.

Таким образом, то, что ныне объявляется неклассической войной, является конфликтом нового типа (новым по сферам жизни, целям, формам, средствам и т. д.). По своим последствиям он может быть сопоставим с войной, но от этого не становится войной.

Перенос на него устоявшегося названия другого феномена — отклонение от действующих языковых норм. Шведский естествоиспытатель Карл Линней утверждал: «Если не знаешь названий, пропадает и понимание вещей» [16]. Осмелюсь добавить: если вещь названа не своим именем, искажается понимание и ее, и вещи, именем которой она называется. Неправильное название предмета может определить неадекватность его понимания

и употребления. Если появились конфликты нового типа, им должно быть дано и новое название. Нельзя вливать новое вино в старые меха.

В лингвистическом плане новая трактовка войны обесмысливает, делает пустыми множество понятий, производных от слова война и связанных с ним: военная безопасность, воюющая сторона, военное положение, защита Отечества, оборона, законы военного времени, мирный договор, комбатант, военнопленный, гражданское население, агрессия, оккупация, военная политика, военная организация, армия, боевая подготовка и многие другие. Ведь создавать и содержать армию, предназначение которой — воевать, исключив эвентуальное ведение ею военных действий, не имеет никакого смысла.

Языковая новация, если будет взята в качестве руководства к действию, чревата трагическими последствиями. Объективно она является обоснованием свертывания какой бы то ни было военной активности государства, отрицания необходимости заботиться о своей военной безопасности. Ведь было время, когда министр иностранных дел А. Козырев утверждал, что «война между Востоком и Западом теперь немыслима и призрак ее ушел из Европы». В те годы, по словам В.В. Путина, казалось, «и армия нам не нужна и флот не востребован». Тогда на полном серьезе обсуждалась идея о замене армии милицией.

С удовлетворением можно отметить, что в настоящее время оценки и выводы военного новояза не торпедируют и не тормозят усилия государства по повышению боевой мощи армии и флота, разработке и оснащению Вооруженных сил новейшими видами вооружения, многие из которых не имеют аналогов в мире и определяют их нынешний облик.

Структуры и лица, ответственные за военную безопасность страны, исходят (скажу словами начальника Генерального штаба) из «устойчивого понимания войны как средства достижения политических целей исключительно на основе вооруженной борьбы... Основное содержание войн в современности и обозримой перспективе останется прежним. А их главный признак — наличие вооруженной борьбы».

Список литературы

1. Герасимов В.В. Мир на гранях войны. Мало учитывать сегодняшние вызовы, надо прогнозировать будущие // Военно-промышленный курьер. 15–21 марта 2017 г. № 10 (674).
2. Коннова Н.Б. Войны — неизбежный спутник человечества [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://multiurok.ru/files/voiny-nieizbiezhnyi-sputnik-chieloviechiestva.html>. Дата обращения: 10.08.2023.
3. Снесарев А.Е. Философия войны. Москва: Ломоносовъ, 2013. 288 с.
4. Серебрянников В.В. Социология войны. Москва: Научный мир, 1997. 398 с.
5. В мире насчитывается более полусотни активных вооруженных конфликтов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5580440>. Дата обращения: 10.08.2023.
6. Шмитт К. Понятие политического. Москва: Инженер, 2011. 291 с.
7. Клаузевиц К. О войне: в 2 т. Москва: Эксмо; Санкт-Петербург: Terra Fantastica, 2003. Т. 1. С. 22.
8. Специальная военная операция начиналась против Украины, но превратилась в войну с коллективным Западом [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/politika/18051409>. Дата обращения: 17.06.2023.
9. Месснер Е.Э. Всемирная мятежевойна. Жуковский; Москва: Кучково поле, 2004. 512 с.

10. Герасимов В.В. Ценность науки в предвидении. Новые вызовы требуют переосмыслить формы и способы ведения боевых действий // Военно-промышленный курьер. 27 февраля 2013 г. № 8 (476).
11. Цитаты известных личностей [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.citaty.net/tsitaty/477944-gerodot-nikto-ne-mozhet-byt-takim-bezumnym-chtoby-khotet-v/>. Дата обращения: 10.08.2023.
12. Об оружии. Федеральный закон от 13.12.1996 N 150-ФЗ. Режим доступа: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=449973#:~:text=%D0%BE%D1%82%2013.12.96%20N%20150%2D%D0%A4%D0%97>.
13. Курочко М.М. Неклассические войны современной эпохи: к постановке проблемы // Проблемы безопасности: Бюллетень научно-исследовательского центра «Наука-XXI». 2008. № 3. С. 35. EDN: QIRCLZ
14. Клаузевиц К. О войне: в 2 т. Москва: АСТ; Санкт-Петербург: Terra Fantastica, 2002. Т. 1. С. 67.
15. Лавров заявил о превращении войны Запада с Россией в «почти настоящую» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/23/01/2023/63ce6ceb9a794775412d1081>. Дата обращения: 23.01.2023.
16. Крылатые выражения ученых [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://citaty.su/category/krylatye-vyrazheniya-uchenyx>. Дата обращения: 11.01.2023.

References

1. Gerasimov VV. Peace on the edges of war. It is not enough to take into account today's calls, it is necessary to predict future. *Military-industrial courier*. No. 10 (674) for March 15, 2017. (In Russ.)
2. Konnova NB. War — the inevitable satellite of mankind. Available from: <https://multiurok.ru/files/voiny-nieizbiezhnyi-sputnik-chieloviechiestva.html>. Accessed: Aug 10, 2023. (In Russ.)
3. Snesev AE. *Philosophy of war*. Moscow: Lomonosov; 2013. 288 p. (In Russ.)
4. Serebryannikov VV. *Sociology of war*. Moscow: Nauchnyi mir; 1997. 398 p. (In Russ.)
5. There are more than fifty active armed con-flicts in the world. Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/5580440>. Accessed: Aug 10, 2023. (In Russ.)
6. Schmitt K. *The concept of political*. Moscow: Inzhener; 2011. 291 p. (In Russ.)
7. Clausewitz K. *On the war*. In 2 vol. Moscow: Eksmo; Saint Petersburg: Terra Fantastica; 2003. Vol. 1. P. 22. (In Russ.)
8. A special military operation began against Ukraine, but turned into a war with the collective West. Available from: <https://tass.ru/politika/18051409>. Accessed: June 17, 2023. (In Russ.)
9. Messner EE. *World Rebel*. Moscow; Zhukovsky: Kuchkovo pole; 2004. 512 p. (In Russ.)
10. Gerasimov VV. The value of science in foresight. New challenges require rethinking the forms and ways of fighting. *Military-industrial courier*. No. 8 (476). 2013, February 27. (In Russ.)
11. Quotes from famous personalities. Available from: <https://ru.citaty.net/tsitaty/477944-gerodot-nikto-ne-mozhet-byt-takim-bezumnym-chtoby-khotet-v/>. Accessed: Aug 10, 2023. (In Russ.)
12. On Weapons // Federal Law of 13.12.96 N 150-FZ as amended by 06.02.2023 N 14-FZ// Available from: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=449973#:~:text=%D0%BE%D1%82%2013.12.96%20N%20150%2D%D0%A4%D0%97>. (In Russ.)
13. Kurochko MM. Non-classical wars of the modern era: to the formulation of the problem. *Security problems: Bulletin of the scientific research center "Science -XXI."* 2008;(3):35. (In Russ.) EDN: QIRCLZ
14. Clausewitz K. *On the war*. In 2 vol. Moscow: AST; Saint Petersburg: Terra Fantastica; 2002. Vol. 1. P. 67. (In Russ.)

15. Lavrov announced the transformation of the war of the West with Russia into “almost real”. Available from: <https://www.rbc.ru/politics/23/01/2023/63ce6ceb9a794775412d1081>. Accessed: Jan 23, 2023. (In Russ.)
16. Winged expressions of scientists. Available from: <https://citaty.su/category/krylatye-vyrazheniya-uchenyx>. Accessed: Jan 11, 2023. (In Russ.)

Информация об авторе

Олег Алексеевич БЕЛЬКОВ — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Университета мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, Москва, Россия; eLibrary SPIN: 4328-2213. **E-mail:** belkovoleg@umail.ru

Information about the author

Oleg A. BELKOV — Doctor of Philosophy, Professor, Leading Researcher at the Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow, Russia; eLibrary SPIN: 4328-2213. **E-mail:** belkovoleg@umail.ru

Место предела в постнеклассических системах

А.В. Агапитова

Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Поступила в редакцию: 15.09.23

В окончательном варианте: 26.10.23

■ Для цитирования: Агапитова А.В. Место предела в постнеклассических системах // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2024. Т. 6. № 1. С. 71–75. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.10>

Аннотация. В статье комментируется теория постнеклассических систем с позиции гетерологии в вопросе о религиозном поиске и нахождении бога, абсолюта в условиях постнеклассической картины социального мира. В заключении делается вывод о способе ответа на вопрос через волевую коллективную остановку динамики социальных взаимодействий.

Ключевые слова: постнеклассические системы; гетерология; бог; предел; виртуальное; актуальное; социальное.

Limit location in post-classical systems

A.V. Agapitova

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Original article submitted: 15.09.23

Revision submitted: 26.10.23

■ For citation: Agapitova A.V. Limit location in post-classical systems. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*, 2024;6(1):71–75. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.10>

Abstract. The paper comments on the theory of post-non-classical systems from the position of heterology about religious search and finding God or absolute in conditions of post-non-classical view on a social world. At the end of an article is presenting a conclusion about the way of answer on the question by the volitional collective stop of the dynamics of social interactions.

Keywords: post-non-classical systems; heterology; god; limit; virtual; actual; social.

Религиозная составляющая в постнеклассике — это вопрос о месте абсолюта, божественного в современной социальной философии постнеклассических систем.

Теория постнеклассических систем описывает свой объект как «живые системы» [1], «постнеклассические системы характеризуются сложностью, неравновесностью и являются историческими структурами, хранящими в себе предшествующую эволюцию системы» [1], — пишет Н.В. Бряник (курсив автора). Изменение происходит через разрушение упорядоченностей системы посредством внесения изменений к хаосу, который затем мгновенно упорядочивается. Принцип функционирования элементов системы и сами элементы являются двумя составляющими теории.

В рассматриваемых концепциях всевозможные варианты изменения системы даны заранее, они заключены в пространстве некоего виртуального: «виртуальное полостью определено и обозначает генетические дифференциальные элементы» [2, с. 149]. Это пространство виртуального не является в общем смысле статичным. Оно представляет собой принципы функционирования, характерные для конкретной системы, но в своей характерности эти принципы фиксированы, предданы, определены. Динамика обращения элементов системы имеет свойственные уникальной системе черты, которые и фиксируют ее как пространство вариантов, как площадь всех возможных сингулярных точек, которые могут актуализироваться или нет. Эта множественность представляет собой фиксированную в своей характерности динамику виртуальностей. Виртуальные выборы образуют пару с их актуальными проявлениями, актуальное — сами элементы, существование этих элементов. У Дж. Агамбена актуальность актуальна, поскольку может не быть актуальной, то есть остаться только в виртуальном пространстве: «если каждая возможность заключает в себе возможность как бытия, так и небытия, то переход к действительности может произойти лишь благодаря привнесению (Аристотель называет это «спасением») в актуальное бытие присущей ему возможности небытия» [3, с. 38].

Через пару понятий актуальное-виртуальное постнеклассическая картина мира определяется как различающаяся, дифференциальная, как тождество различия: «виртуальное... конституируется различием и дифференциальными отношениями, и когда оно актуализируется, оно саморазличается, так что всякий процесс актуализации есть производство нового различия» [2, с. 149]. Различие разрушает метафизику и диалектику, тем не менее поиск предела имеет место. Предельность, абсолют в предлагаемой гипотезе обнаруживаются через понятия виртуальное-актуальное в альтернативу понятиям возможное-действительное. Вторая пара понятий определяет происхождение сущего как подобия, как прямое воплощение возможного в действительном, тогда как виртуальное-актуальное опосредуют происхождение сущего через различие, инаковость, дифференцию: «отрицание и противоречие принадлежат к сфере рефлексии, познания, тогда как гетеротетический принцип инаковости суть функция чистого полагания» [4, с. 198]. Это чистое полагание является допущением и признанием предельного, абсолютного, делает возможным его поиск без попытки описать его и охватить целиком, что противоречило бы тогда как его собственному статусу предела, так и предполагаемой

невозможности перейти этот предел. Тем не менее попытки предпринимаются: «эта трансцендентность обитает в каждом языке и основывает его, а вместе с ним и возможность бытия-вместе» [5, с. 220]. Положенность к пределу, присутствие запредельного объединяет находящихся по эту сторону от него.

Если элементы социальной системы актуальны, то они обладают действующей волей, посредством которой акторы участвуют в динамике, в «жизни» живой системы. Егоров, анализируя Ницше, комментирует его идею о «воле к власти» как «основной и единственный принцип всего совершающего, который лежит в основе всего многообразного мира» по Ницше [6, с. 194]. Власть в постнеклассических системах осуществляется через борьбу интерпретаций, предлагаемых акторами друг другу. Совершающие систему элементы наделены волей, они актуализируются как воля, взаимовлияние элементов системы — сообщение своей воли другому. Некоторые сообщения воли, которые препятствуют саморазрушению системы в попытке упорядочить ее, проявляются как насилие (насаждение интерпретаций) или как творчество (открытие новых, уникальных интерпретаций). Каждая из волевых актуализаций социальных систем увлекает за собой другие актуализации, «заражает» их собственными интерпретациями. Таким образом изначальная упорядоченность системы, единая преданность интерпретаций, конвенциональное соответствие слова и явления уничтожается. Предполагаемо существующий сверхчеловек Ницше, например, — это одна из таких волевых точек. По Ницше теория постнеклассических систем допускает так или иначе актуальности, которые собственной волевой инициативой стремятся кардинально изменить все другие актуальности, чтобы создать новое общество и новую мораль (предварительно разрушив старую): «мировая сила, существенная и фундаментальная основа устройства и состояния мира» [6, с. 194]. Сверхчеловеческое стремление к совершенству окончательно разрушает возможный потенциал к совершенству (потенциал к фиксации состояния системы после бифуркации, слома), этот неизбежный финал обусловлен бифуркацией, изменением критериев совершенства и отклонений от него, в том числе потерей сверхчеловеком собственного статуса. Однако воля как таковая и ее способность влиять на волю другого посредством насилия (посредством ограничения воли) или творчества (создание уникального) является пределом для актора. Воля и интерпретация воли других — единственная возможность участия в процессах системы. След, оставляемый волей в социальных системах в теории постнеклассики, нестираем, поскольку система необратима: «я (прощенный преступник) никогда не смогу отрешиться от совершенного мной преступления — ведь оно не “обращено вспять”, не отменено задним числом, не стерто» [7, с. 147]. Волевой выбор невозможно изменить, динамичность системы предполагает необратимость ее изменений. Финал изменений, бифуркация — момент абсолютного хаоса, обращающегося в абсолютный порядок, является моментом качественного слома системы посредством насилия или творчества. Волевой выбор детерминирован через различие динамическим виртуальным разнообразием, виртуальными принципами, эта детерминированность — предел для актора, место его прикосновения к пределу. Собственная воля для актора — абсолют.

Дж. Агамбен в «Грядущем сообществе» предлагает трактовку «Страшного суда» и негативную теологию как способ остановки движения системы, обусловленную также остановкой использования языка как опосредующего между акторами инструмента. Дж. Агамбен описывает «способ интерпретации негативной теологии: ни это и ни то, ни такое и ни иное, но существующее так как оно есть: со всеми его предикатами (ибо все предикаты не суть какой-то один предикат). Не иначе — делает невозможным, отрицает каждый предикат как присущее свойство (характеризующее сущность), но содержит их все в качестве не-свойств (в плане существования)» [3, с. 85]. Поскольку изменяющаяся система эволюционирует бесконечно (но циклично), то предел, конец, завершение — это остановка. Предельность остановки, определенность воли — третье насилие, если система изменяется посредством насилия, то есть от взаимодействия воли через слом системы (это второе насилие Р. Жирар назвал «катастрофической инверсией жертвоприношения» [8, с. 57]) к остановке (первое, второе и третье насилие). Остановка осуществляется через отказ от целеполагания, от проявления воли, подчиняющей или подчиняющейся: «таким образом, самое большое наказание — лишение возможности лицезреть Бога — оборачивается самой подлинной радостью: безвозвратно погибшие, они пребывают без печалей в забвении Бога» [3, с. 13]. Отказ элементов системы от действия по принципам этой системы, их незаинтересованность в обмене интерпретациями означает отмену самой системы. Отсутствие необходимости в интерпретации предела, в выражении воли посредством творчества или насилия является также и отказом от предела, от своего касания с ним. Отказ от попыток его интерпретаций приводит к беспредельности, отсутствию абсолютного. В этот момент абсолютное, свободное от трактовок и движения, через собственное отсутствие актуализируется в каждом акторе. Отсутствие воли означает окончание не только неактуализированного различием виртуального, но и всего виртуального вообще, которое также является пределом для актора в своей непознаваемости. Одновременно это означает актуализацию всего виртуального, поскольку неактуализированная через различие часть виртуального стерта, невозможна. Это означает остановку времени. Самозамкнутость в различии актуальных в момент «Страшного суда» отмененных воли, их отказ от интерпретаций собственной актуальности и всеобщей виртуальности единит их. Это может означать отмену постнеклассических механизмов, поскольку разворачивает элементы посредством единой воли от автономного разрушения к коллективному созиданию (то есть к созиданию всеми, любыми акторами абсолютной воли). У Агамбена этот намек на коллективность обоснован через радикализацию суждения о другом, радикализацию различия до степени отказа от использования языка. Язык больше не является подходящим инструментом для интерпретации другого, элементы системы теперь безоружны в своих волевых проявлениях и остаются самими собой, замыкаются на себе: «идея не имеет собственного названия или имени собственного, но выражается лишь анафорой *auto*: идея вещи есть сама вещь. Эта анонимия (безымянность) омонимов и есть идея» [3, с. 69]. Самозамкнутость элементов — время «Судного дня», поскольку отсутствие языка отменяет способность интерпретации для всех элементов

системы. Эта способность оставлена элементам вне системы, предельному. Для остановленных элементов это означает раскрытие содержания их пустой самости, своего второго, неволевого содержания, самозамкнутости, это означает приобщение к абсолюту: «ousia — единичный, невыразимый индивидуум, но в то же время — предпосланная субстанция, скрытая за предикатами» [3, с. 87].

Список литературы

1. Бряник Н.В. Философский смысл картины мира постнеклассической науки // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2014. № 14. С. 5–21. EDN: TRNPBT
2. Керимов Т.Х. Бытие и различие: генеалогия и гетерология. Москва: Академический проект; Фонд Мир, 2011. 256 с.
3. Агамбен Дж. Грядущее сообщество / пер. с ит. Дм. Новикова. Москва: Три квадрата, 2008. 144 с.
4. Современный философский словарь / под общ. ред. В.Е. Кемерова, Т.Х. Керимова. 4-е изд., испр. и доп. Москва: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2015. 823 с.
5. Деррида Ж. Письмо и различие / пер. с франц. В. Лапицкого. Москва: Академический Проект, 2000. 495 с.
6. Егоров А.В. Фридрих Ницше о воле к жизни как воле к власти // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2020. № 2. С. 190–200. EDN: YESIPM
7. Жижек С. О насилии. Москва: Европа, 2010. 184 с.
8. Жирар Р. Насилие и священное. Москва: Новое литературное обозрение, 2010. 448 с.

References

1. Bryanik NV. Philosophical meaning of the picture of the world of post-classical science. *Scientific yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2014;(14):5–21. EDN: TRNPBT (In Russ.)
2. Kerimov TH. *Genesis and distinction: genealogy and heterology*. Moscow: Akademicheskii proekt; Fond Mir; 2011. 256 p. (In Russ.)
3. Agamben J. *Coming Community*. Transl. from Ital. Dm. Novikov. Moscow: Tri kvadrata; 2008. 144 p. (In Russ.)
4. Modern Philosophical Dictionary. Ed. by V.E. Kemerov, T.H. Kerimov. 4th ed. Moscow: Academic project; Yekaterinburg: Business Book; 2015. 823 p. (In Russ.)
5. Derrida J. *Writing and Distinction*. Transl. from French. V. Lapitsky. Moscow: Akademicheskii proekt; 2000. 495 p. (In Russ.)
6. Egorov AV. Friedrich Nietzsche about the will to life as the will to power. *Crede Experto: transport, society, education, language*. 2020;(2):190–200. EDN: YESIPM
7. Zizek S. *On violence*. Moscow: Evropa; 2010. 184 p. (In Russ.)
8. Girard R. *Violence and the Sacred*. Moscow: New Literary Observer; 2010. 448 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Анастасия Вадимовна АГАПИТОВА — магистрант философского факультета Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.
E-mail: simka457@gmail.com

Information about the author

Anastasia V. AGAPITOVA — master's student of the Faculty of Philosophy, Ural Federal University.
E-mail: simka457@gmail.com

Геополитические аспекты национальной безопасности России

В.А. Тонких¹, А.В. Перепелицын²

¹ Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

² Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж, Россия

Поступила в редакцию: 15.09.23

В окончательном варианте: 27.10.23

■ Для цитирования: Тонких В.А., Перепелицын А.В. Геополитические аспекты национальной безопасности России // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2024. Т. 6. № 1. С. 76–81. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.11>

Аннотация. В работе рассматривается переход российской внешней политики от геополитической ориентации на страны Запада в сторону Востока, понимаемого не только как географический, но, прежде всего, как геополитический фактор. Переориентация российской внешней политики представляет собой важную черту национальной безопасности России.

Ключевые слова: Россия; геополитика; Запад; Восток; евразийство; дипломатия; национальная безопасность.

Geopolitical aspects of Russian national security

V.A. Tonkikh¹, A.V. Perepelitsyn²

¹ Voronezh State University, Voronezh, Russia

² Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia

Original article submitted: 15.09.23

Revision submitted: 27.10.23

■ For citation: Tonkikh V.A., Perepelitsyn A.V. Geopolitical aspects of Russian national security. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2024;6(1):76–81. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.11>

Abstract. The paper examines the transition of Russian foreign policy from a geopolitical orientation towards the countries of the West towards the East, understood not only as a geographical, but, above all, as a geopolitical factor. The reorientation of Russian foreign policy is an important feature of Russia's national security.

Keywords: Russia; geopolitics; West; East; Eurasianism; diplomacy; national security.

В современных условиях проблемы национальной безопасности России приобретают особое значение. Безопасность представляет собой одну из главных жизненных потребностей человека наряду с потребностями в пище, воде, одежде, жилище и т. п.

Современная цивилизация переживает ныне переход к качественно новому состоянию — «новому мировому порядку». Данный исторический период характеризуется резким обострением борьбы за ресурсы, что приводит к возрастанию напряженности в мире, развязыванию войн и вооруженных конфликтов в стратегически важных с точки зрения наличия природных ресурсов регионах. Настало время качественного переосмысления тенденций эволюции планеты Земля. Обострение глобальных проблем в перспективе будет только нарастать, поскольку мировая финансово-экономическая система находится в состоянии смены технологических циклов со всеми вытекающими из этого социально-политическими и духовно-нравственными последствиями.

В истории России проблемы безопасности всегда играли первостепенную роль. Нашей стране постоянно приходилось отражать агрессии со стороны различных государств. Так, русский народ за 234 года (1228–1462) участвовал в 160 внешних войнах, не считая не прекращавшихся кровавых междоусобиц в борьбе за власть. В XVI веке Россия воевала 43 года, в XVII веке — 48 лет, в XVIII веке — 56 лет [1, с. 45, 111; 2, с. 119]. В самой кровопролитной войне XX века — Великой Отечественной войне наша страна потеряла по официальным данным 27 миллионов человек [3, с. 171]. Потери поистине трудно восполняемы даже до настоящего времени.

Ведущую роль в проблеме международной и национальной безопасности играет сила. Сила в международных отношениях включает в свою структуру следующие компоненты: военные ресурсы (армия, флот); промышленный потенциал; природные ресурсы; численность населения; геостратегические ресурсы; духовно-нравственный потенциал (способность народа противостоять агрессии); дипломатия; уровень государственного руководства; энергетика народа.

Международная безопасность, на наш взгляд, представляет собой совокупность угроз и средств противодействия им с применением вооруженного насилия со стороны государств, по своим масштабам выходящих за пределы национальных границ. Структурно в категорию международная безопасность включаются военная безопасность, экономическая безопасность, продовольственная безопасность, экологическая безопасность, информационная безопасность, финансовая безопасность, энергетическая безопасность, социально-политическая безопасность, духовно-нравственная безопасность.

Начиная с рубежа XVII–XVIII веков, в период правления Петра I Российское государство стало на путь проведения политического курса, ориентированного на страны Западной Европы. Западничество, как политический курс и политическая стратегия, не принесло нашей стране особых дивидендов. Русская наука и культура развивались собственным путем, без особого влияния Запада и по своему влиянию на мировую цивилизацию им не было равных в мире.

Между Россией и странами Западной Европы возникали непримиримые противоречия, нередко приводившие к вооруженным конфликтам и войнам. России пришлось воевать с рядом стран Европы — Швецией, Польшей, Пруссией, Францией, Германией. Причины этих войн и конфликтов были различными, но отношение к нашей стране со стороны стран Запада всегда было настороженным и подозрительным. В XX столетии противоречия между Западной Европой и Россией (СССР) стали более глубокими по идейно-политическим причинам.

В начале XX века в России сложилось идейное течение, получившее название «евразийство». Мы полагаем, что предтечей евразийства выступил Ф.М. Достоевский, в ряде публицистических трудов которого звучала не только критика Западной Европы как чуждой России цивилизации, но и призыв к российским политикам обратить внимание на Восток. «Весь русский народ совершенно подтвердил новое назначение России и царя своего в грядущих судьбах всего Восточного мира» [4, с. 68], — писал Достоевский в очерке «Русский народ слишком дорос до здравого понятия о восточном вопросе с своей точки зрения».

Ведущими идеологами евразийства в начале XX века были Н. Алексеев, Г. Вернадский, Л. Карсавин, П. Савицкий, П. Сувчинский, Н. Трубецкой, Г. Флоровский и др. В конце XX столетия идеи евразийства отстаивал и пропагандировал Л. Гумилев, ставший видным представителем позднего евразийства. К причинам формирования евразийства как идеологической доктрины в начале 1920-х годов стало, на наш взгляд, возникновение Советского государства и попытка объяснить его происхождение не столько с географических, сколько с геополитических позиций.

Одним из первых заявил об идеях евразийства Н.С. Трубецкой в работе 1920 года. Автор, не отрицая значение романо-германской культуры, полагал, что она не может выполнять миссию общечеловеческой культуры. Подчинение народов европейской (романо-германской) культуре ведет к порождению противоречий в самом народе, подчиненном данной культуре. Трубецкой повторяет тезис Достоевского о недопустимости «обезьянничанья» русского народа перед Западом. Как и Достоевский, Трубецкой возлагал надежды на русскую интеллигенцию, способную противостоять влиянию Запада [5].

Видный идеолог евразийства Н.Н. Алексеев исходил из того, что географический и геополитический Восток являет собой положительный полюс, а романо-германский мир Запада вызывает неприятие и отторжение. Запад в его представлении есть мир вырождения и упадка, а Восток — мир традиции и верности принципам «золотого века» [6].

При определенных разногласиях по частным вопросам, все представители евразийства сходились в отстаивании тезиса о том, что Россия — особая страна со своим особым путем эволюции, соединившая в себе элементы Запада и Востока. Понятие «Евразия» понималось ими как особое пространство, как основа экономической и политической жизни народов России. Идеологи евразийства подчеркивали общность историко-культурного развития народов России и Евразии, религиозных идей и чувств. Октябрьскую революцию 1917 года идеологи евразийства оценивали как начало новой эпохи, открывшей России

путь выхода из чуждого западного мира и вступление на путь самобытного исторического развития.

В отличие от славянофилов евразийцы делали акцент на восточном («туранском») основании русской культуры, подчеркивали положительную роль для Руси монголо-татарского периода в противовес негативному воздействию идеологической и военно-политической экспансии Запада. По их мнению, евразийский культурный тип впервые как единое целое предстал в империи Чингисхана. Евразийская идея как основа общего мировоззрения должна стать руководством для действия народных масс.

В современных условиях сложились благоприятные условия для поворота российской политической стратегии на Восток. Эта стратегия вышла далеко за пределы географических границ евразийцев 1920–1930-х годов. Она включила в новое пространство Китай, Индию, страны Юго-Восточной Азии, Ближнего и Среднего Востока. Новая экономическая, политическая и культурная геостратегия требует новых оценок и подходов, отказа от прежних мифов и догм.

В процессе разворота России на Восток (не в географическом, а в геополитическом контексте) перед внешнеполитическим ведомством РФ возникают определенные трудности, связанные с различными культурно-цивилизационными типами и спецификой исторического развития социальных систем России и Востока.

Особые социально-политические и экономические отношения сложились у России с Китаем. КНР представляет собой древнейшую и самостоятельную цивилизацию, в последние десятилетия добившуюся значительного прогресса на пути превращения из отсталой страны в мощную экономическую державу. На XX съезде Коммунистической партии Китая в отчетном докладе Си Цзиньпина прозвучали данные об итогах социально-экономического развития Китая за прошедшие годы. Доля Китая в мировой экономике составила 18,5 %, что стало вторым результатом в мире [7]. На съезде прозвучали тезисы о строительстве социализма с китайской спецификой, о необходимости продолжения работы по осовремениванию марксизма и приспособлению его к условиям Китая.

Сложности отношений РФ и КНР состоят в том, что Китай рассматривает Россию в качестве партнера, обеспечивающего экономику Китая дешевыми сырьевыми ресурсами. Из младшего партнера России Китай постепенно превратился в старшего партнера, если сравнивать долю обеих стран в мировой экономике. Китай игнорирует существующие союзы, договоры, если они не отвечают стратегическим интересам Китая, и рассматривает собственную страну как центр мировой цивилизации, не считаясь с интересами других стран.

Иной аспект имеют отношения России с Индией. В истории взаимоотношений СССР и Индии после провозглашения независимости последней много положительных итогов. Наша страна и российский (советский) народ всегда с большой теплотой относилась к Индии и индийскому народу, а первый премьер-министр независимой Индии Дж. Неру был большим другом советского народа. Необходимо наращивать усилия во всех сферах для достижения дальнейшего прогресса в российско-индийском сотрудничестве, восстановления дружеских отношений между нашими странами на уровне 1950–1960-х годов.

Далеко не последнюю роль в современной российской геополитике играют страны Восточной и Юго-Восточной Азии: Индонезия, Вьетнам, Лаос, КНДР и др.

Значительный резерв в реализации современной геополитической стратегии принадлежит отношениям РФ со странами Африки. Советский Союз неизменно поддерживал стремление народов Африки к независимости, оказывал им всестороннюю помощь в строительстве независимой экономики. И в настоящее время мы имеем конструктивные отношения со многими государствами «черного континента»: Египет, Алжир, ЮАР, Эфиопия, Ангола, Мали, Центральнаяафриканская республика, Эритрея и другие страны Африки продолжают курс на дружеские отношения с нашей страной. Свидетельством тому стал Второй саммит Россия — Африка, состоявшийся в Санкт-Петербурге в июле 2023 года, на который прибыли делегаты почти всех африканских стран с представительством разных дипломатических уровней.

Одним из ведущих геополитических направлений внешней политики РФ является сотрудничество со странами Латинской Америки. Этот регион сравнительно недавно стал входить в орбиту российской внешней политики, в течение длительного времени оставаясь вотчиной США. Сегодня Россия имеет огромный потенциал сотрудничества с Никарагуа, Гондурасом, Аргентиной, Венесуэлой, Боливией и другими странами Центральной и Южной Америки. Положительным итогом усилий российской дипломатии следует считать возобновление конструктивных дружеских отношений с Кубой.

Таким образом, современные условия и новая обстановка в мире настоятельно требуют от российской дипломатии кардинальной переориентации внешнеполитической стратегии в сторону Востока. Перед российскими учеными стоит непростая задача, применяя доктрину евразийства, переосмыслить новую политическую доктрину в рамках идеологии евразийства-2.

Список литературы

1. Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Москва: Мысль, 1988. Т. 2.
2. Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Москва: Мысль, 1988. Т. 3.
3. История Отечества: Энцикл. слов. Москва: ЭКСМО; Большая рос. энцикл., 2003. 699 с.
4. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Ленинград: Наука, 1982. Т. XXIV.
5. Трубецкой Н.С. Европа и человечество [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns03.htm>. Дата обращения: 20.08.2023.
6. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sharlib.com/read_228661. Дата обращения: 20.08.2023.
7. Си Цзиньпин. Доклад на XX съезде Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 16 октября 2022 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://russian.cgtn.com/event/doc/ruS\]sd23-20221025.pdf](https://russian.cgtn.com/event/doc/ruS]sd23-20221025.pdf). Дата обращения: 30.08.2023.

References

1. Klyuchevsky VO. *Works*. In 9 vol. Moscow: Mysl; 1988. Vol. 2. (In Russ.)
2. Klyuchevsky VO. *Works/* In 9 vol. Moscow: Mysl; 1988. Vol. 3. (In Russ.)
3. History of the Fatherland: Encyclopedic Dictionary. Moscow: Great Russian Encyclopedia; 2003. (In Russ.)
4. Dostoevsky FM. *Complete Works*. In 30 vol. Leningrad: Nauka; 1982. Vol. XXIV. (In Russ.)

5. Trubetskoy NS. *Europe and humanity* [Internet]. Available from: <http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns03.htm>. Accessed: 20 Aug 2023. (In Russ.)
6. Alekseev NN. *Russian people and state* [Internet]. Available from: https://sharlib.com/read_228661. Accessed: 20 Aug 2023. (In Russ.)
7. Xi Jinping. Report at the XX Congress of the All-China Congress of the Communist Party of China on October 16, 2022. Available from: <https://russian.cgtn.com/event/doc/ruSjIsd23-20221025.pdf>. Accessed: 30 Aug 2023. (In Russ.)

Информация об авторах

Владимир Алексеевич ТОНКИХ — доктор исторических наук, профессор, профессор Воронежского государственного университета, Воронеж; ведущий научный сотрудник Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия; eLibrary SPIN: 2380-7710. **E-mail:** vladiton@bk.ru

Александр Викторович ПЕРЕПЕЛИЦЫН — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Воронежского государственного педагогического университета, Воронеж, Россия; eLibrary SPIN: 6634-1094. **E-mail:** avp64@mail.ru

Information about the authors

Vladimir A. TONKIKH — Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of Voronezh State University, Voronezh; Leading Researcher of Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia; eLibrary SPIN: 2380-7710. **E-mail:** vladiton@bk.ru

Alexander V. PEREPELTSYN — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia; eLibrary SPIN: 6634-1094. **E-mail:** avp64@mail.ru

Проблема политической составляющей постнеклассической науки и образования

В.М. Маслов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Поступила в редакцию: 09.08.23

В окончательном варианте: 18.10.23

■ Для цитирования: Маслов В.М. Проблема политической составляющей постнеклассической науки и образования // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2024. Т. 6. № 1. С. 82–87. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.12>

Аннотация. Работа посвящена осмыслению процесса политической вовлеченности современной науки и необходимости для постнеклассического научного сообщества становиться субъектом политической деятельности. В историческом плане речь идет об актуализации идей Ф. Бэкона о связи, приносящей пользу, новой науки с властью. Философское образование может служить основой формирования у будущих ученых и инженеров соответствующих политических компетенций.

Ключевые слова: постнеклассическая наука; типы научной рациональности; политика; образование; научное сообщество; Дом Соломона; практическая философия; социальные сети.

The problem of the political component of post-non-classical science and education

V.M. Maslov

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia

Original article submitted: 09.08.23

Revision submitted: 18.10.23

■ For citation: Maslov V.M. The problem of the political component of post-non-classical science and education. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2024;6(1):82–87. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.12>

Abstract. The work is devoted to understanding the process of political involvement of modern science and the need for the post-non-classical scientific community to become a subject of political activity. In historical terms, we are talking about the actualization of F. Bacon's ideas about the beneficial connection of a new science with power. Philosophical education can serve as a basis for the formation of appropriate political competencies among future scientists and engineers.

Keywords: post-non-classical science; types of scientific rationality; politics; education; scientific community; House of Solomon; practical philosophy; social networks.

Одной из фундаментальных разработок отечественной философии науки является теория типов научной рациональности (науки) В.С. Степина. Согласно этой концепции, история появившейся в ходе научной революции XVII в. новой науки — это история развития от классической к неклассической и современной, постнеклассической рациональности или науке. Теория В.С. Степина задает основу для общего видения сложного процесса исторического развития науки. Это важно для решения многих проблем философии науки, но особенно значимо для одной из главных — определения собственной специфики постнеклассической науки.

Качественные изменения в развитии науки отражаются в трех планах: онтологическом, гносеологическом, социальном [1, с. 18]. Соответственно, онтологической основой для становления постнеклассической науки является факт того, что наука приступила к изучению развивающихся, самоорганизующихся, уникальных систем, включающих, в частности, самого человека, и стала воспринимать мир в форме глобального эволюционизма. Все это — согласно принципу тождеств бытия и мышления — вносит существенные изменения в процесс и результаты научного познания, в частности, не отрицается возможность сосуществования различных теоретических представлений об одном и том же объекте исследования. Признается влияние вненаучных ценностей на процесс современного познания и его результаты.

Специфика ценностного своеобразия постнеклассической науки более точно определяется в контексте указания на то, что новоевропейская наука не просто познает мир, но способствует его преобразованию. В последнем случае наука приводит человечество к опасным качественным возможностям, например, военного уничтожения всего живого на Земле или формирования пост-вне-человеческой реальности [2]. Это абсолютно новая ситуация. В соответствии с этим ценностная составляющая становится определяющей для постнеклассической науки; все другие ее характеристики, в принципе, не выходят за рамки развития, углубления, усложнения традиционной для науки нацеленности на получение объективной истины.

Масштабность влияния постнеклассической науки на окружающий мир дополняется ростом возможности руководить общественным функционированием и развитием на основе фейков и постправды (современный «культурный разум не просто осведомлен о плюральности миров, но и убежден в возможности сознательного конструирования социальной реальности» [3, с. 41]). В этих условиях ценностная составляющая постнеклассической науки должна быть точнее конкретизирована или доведена до ее общественно значимой современной формы — носить политический характер, прямо заявляющей научное сообщество нести ответственность за дальнейшее общественное развитие, поскольку в основе последнего соответствующее научно-техническое развитие.

В современной литературе указывается на определенные проявления политической активности научного сообщества [4, 5]. Формирование политически ответственной науки, в целом, поддерживается современной философской мыслью. Об этом говорит самое пристальное внимание к гуманитарной экспертизе, возникшей в 1960-х годах форме общественного междисциплинарного обсуждения применения новейших революционных технологий, прежде всего,

в медицинской области. Определенным итогом этого положительного внимания является движение за трансформацию современной философии в сторону практической философии, нацеленной на непосредственную связь философской деятельности со жгучими и перспективными проблемами реальной жизни [6]. Но, в целом, можно утверждать, что целенаправленное ценностное, политическое влияние научного (научно-философского) сообщества на процесс общественной жизни носит минимальный характер, особенно сравнительно с реальным влиянием самого научно-технического развития.

Необходимость и проблемность обретения постнеклассической наукой политической субъектности конкретизируется при обращении к истории становления современной науки. Как известно, один из ее основателей, Ф. Бэкон, принципиально настаивал на том, что необходимая человечеству новая наука должна приносить очевидную практическую пользу, обеспечивая достойное существование людей. Создаваемая в конце жизни Ф. Бэкона утопия «Новая Атлантида» была призвана наглядно продемонстрировать эти реалии. Там же описывается «Дом Соломона», в который входили ведущие ученые и инженеры, обеспечивающие общество соответствующими научными открытиями и техническими разработками. Очевидно, что Дом Соломона обладал значительной политической властью в Новой Атлантиде. Но обычно историко-философская мысль не акцентирует этот момент. Анализ указывает две причины подобного. *Во-первых*, реальные представители новой науки не смогли стать значимыми политическими субъектами, оставив власть профессиональным политикам и бизнесменам. *Во-вторых*, достижения новой науки, несмотря ни на что, изменяли мир к лучшему [7]. Сегодня ситуация совершенно иная. Получаемые современной наукой результаты не ведут к очевидному благу, некоторые из них, например в области искусственного интеллекта, скорее, прямо функционально вызывают все большую тревогу. В этих условиях научное сообщество не может быть в стороне от политических решений в отношении развития тех или иных технологий. Другое дело, что, скорее всего, обретение политической субъектности научным сообществом в наше время еще более трудное предприятие, чем это было в эпоху Ф. Бэкона.

Для ответственной и практико-ориентированной философии способствовать формированию политически значимого научного сообщества — одно из приоритетных направлений деятельности. Предполагаем, что важным видом этой деятельности может стать процесс современного преподавания философии будущим ученым и инженерам.

Философское образование может служить основой формирования у будущих ученых и инженеров соответствующих политических компетенций в ходе системной организации следующих теоретических и практических действий. Прежде всего, нужно донести до обучающихся идею того, что современное общественное развитие требует политической ответственности от научного сообщества. Процесс перехода от данной теории к практике должен учесть следующие два момента. *Во-первых*, все должно происходить не за счет сокращения времени и ослабления внимания к основному материалу преподаваемой философии. *Во-вторых*, преподаватель не должен выступать в роли инициатора постановки конкретных политически значимых тем. Весь опыт образования говорит о том, что в этом случае нельзя избежать предвзятости со стороны

преподавателя и ощущения навязанности со стороны обучающихся — все это не позволяет получать надежные и долгосрочные положительные результаты. Соответственно, требуется подключить формирование политической ответственности, гражданской позиции обучающихся к объективному процессу совершенствования образовательной деятельности. Считаем, что все это может происходить в ходе поисков разрешения одной из важнейших проблем современного образования — обеспечения максимально оптимального вхождения выпускников в непосредственную профессиональную деятельность.

Общеизвестно, что молодые специалисты сталкиваются со значительными трудностями, начиная свою профессиональную деятельность. Базовым основанием этой проблемы выступает явная или неявная ориентация образования на модель «последовательной связи образования и профессиональной деятельности». Это модель традиционного, классического очного образования, которое становится излишне академичным в условиях общего интенсивного развития и повышения качества дистанционного образования. Модель «последовательно-параллельной связи образования и профессиональной деятельности» выступает формой диалектической адаптации современного образования к новым реалиям: образование в этом случае всегда должно быть открыто к непосредственной профессиональной деятельности, но не за счет потери своей глубины и теоретичности. (Указанные модели сравнимы со следующей трансформацией в области научно-технического процесса. Традиционная, индустриальная модель научно-технического процесса строилась последовательно: «фундаментальные исследования — целевые фундаментальные исследования — прикладные исследования — научно-конструкторские разработки — внедрение — производство — рынок». Современная, постиндустриальная модель выстраивается в параллельной форме: «весь набор функций технологической передачи выполняется *параллельно* в стартапах и других структурах мелкого и среднего наукоемкого бизнеса» [8, с. 151].)

Общая сложность модели последовательно-параллельной связи образования и профессиональной деятельности, скорее всего, будет вести к появлению целого спектра различных стратегий, форм ее конкретной реализации. Предполагаем, что одной из таких интересных форм работы может быть создание сопровождающего непосредственный учебный процесс интернет-ресурса, например, в виде страницы в социальной сети ВКонтакте. Главная цель этого интернет-ресурса — демонстрировать всему миру (и соответствующему профессиональному научному сообществу) все самые важные, интересные, красивые учебные достижения. Особо значительными должны считаться те из них, где учебный материал будет органично сочетаться с осмыслением, решением непосредственных актуальных профессиональных проблем. В максимально успешном случае все это должно способствовать смягчению проблемы оптимального вхождения выпускников в непосредственную профессиональную деятельность.

Полноценное функционирование подобного учебного интернет-ресурса будет способствовать актуализации множества профессиональных проблем, в том числе и политических, касающихся принципиальных вопросов научно-технического развития. Последнее не должно исходить от преподавателя, но он вправе — с учетом прогрессивного развития своего учебного курса — пойти навстречу пожеланиям обучающихся и помочь им в организации обсуждения

соответствующих политических вопросов. В ходе всего этого будущие ученые и инженеры — вполне корректно для образовательного процесса — будут формировать свои политические компетенции.

В заключение обратим внимание на следующее. Создание учебного интернет-ресурса потребует значительных усилий со стороны преподавателей. Эти усилия, по крайней мере, сравнимы с чисто теоретической работой, например, по написанию статей в научные журналы. Но сегодня последняя деятельность бюрократически оценивается намного выше. Для практической ориентированной философии эту ситуацию нужно менять.

Список литературы

1. Степин В.С. Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // Вопросы философии. 2012. № 5. С. 18–25.
2. Маслов В.М. Рецензия на монографию В.А. Кутырева «Человек технологий, философия фальшизма» // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5, № 1. С. 53–58. doi: 10.17673/vsgtu-phil.2023.5.6
3. Левицкий В.С. Рациональность в контексте дискурса о модерне // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 2019. № 4. С. 41–54. EDN: SEHXXT
4. Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю. Радикальная наука. Способны ли ученые на общественный протест? // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55, № 2. С. 18–33.
5. Касавин И.Т. Наука как политический субъект // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 3–14. EDN: EOGZGE doi: 10.31857/S013216250009293-5
6. Маслов В.М. Практическая философия: современные основы и необходимость // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, № 1. С. 25–29. EDN: SNZERP doi: 10.18500/1819-7671-2023-23-1-25-29
7. Маслов В.М., Сорокин Р.В. Ф. Бэкон в теории и истории научной рациональности и техногенной цивилизации // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2022. Т. 5, № 2. С. 125–139. doi: 10.32326/2618-9267-2022-5-2-125-139
8. Войтов В.А., Мирский Э.М. Неожиданные социологические проблемы современного этапа научно-технического прогресса // Общественные науки и современность. 2012. № 2. С. 144–154.

References

1. Stepin VS. Scientific rationality in technogenic culture: types and historical evolution. *Voprosy filosofii*. 2012;(5):18–25. (In Russ.)
2. Maslov VM. Review of the monograph by V.A. Kutyrev “Man of Technology, Philosophy of Falshism”. *Bulletin of Samara State Technical University. Philosophy series*. 2023;5(1):53–58. doi: 10.17673/vsgtu-phil.2023.5.6
3. Levitsky VS. Rationality in the context of the discourse on the Modern. *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*. 2019;(4):41–54. (In Russ.) EDN: SEHXXT
4. Barash RE, Antonovsky AYu. Radical science. Are the scientists capable of social protest? *Epistemology and philosophy of science*. 2018;55(2):18–33.
5. Kasavin IT. Science as a political agent. *Sociological research*. 2020;(7):3–14. EDN: EOGZGE doi: 10.31857/S013216250009293-5
6. Maslov VM. Practical philosophy: modern foundations and necessity. *Izvestia of Saratov University. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2023;23(1):25–29. EDN: SNZERP doi: 10.18500/1819-7671-2023-23-1-25-29
7. Maslov VM, Sorokin RV. F. Bacon in the theory and history of scientific rationality and man-made civilization. *Digital Scholar: philosopher’s lab*. 2022;5(2):125–139. (In Russ.) doi: 10.32326/2618-9267-2022-5-2-125-139

8. Voitov VA, Mirsky EM. Unexpected sociological problems of the modern stage of scientific and technological progress. *Social sciences and modernity*. 2012;(2):144–154. (In Russ.)

Информация об авторе

Вадим Михайлович МАСЛОВ — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия; eLibrary SPIN: 4313-5227.

E-mail: maclov@bk.ru

Information about the author

Vadim M. MASLOV — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia; eLibrary SPIN: 4313-5227. **E-mail:** maclov@bk.ru

Научный нарратив как фактор интенсификации коммуникативных связей системы «наука — общество»

Н.Н. Погожина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Поступила в редакцию: 01.09.23

В окончательном варианте: 18.10.23

■ Для цитирования: Погожина Н.Н. Научный нарратив как фактор интенсификации коммуникативных связей системы «наука — общество» // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2024. Т. 6. № 1. С. 88–92. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.13>

Аннотация. В статье предлагается анализ коммуникативного взаимодействия в современном академическом поле — среди отдельных исследователей, научных коллективов и групп в условиях высокой конкуренции на фоне экспонентного роста публикационной активности и цифровизации коммуникаций как внутри профессионального сообщества, так и с учетом усиления и прозрачности взаимодействий с публикой. Автор выдвигает рабочую гипотезу, согласно которой именно нарративный атрибут в репрезентации результатов научных изысканий может заключать в себе задел на эволюционную успешность в рамках системного характера коммуникации и обладать высоким потенциалом к формированию устойчивых связей подсистем науки и иных общественных акторов, таких как внешние наблюдатели-непрофессионалы.

Ключевые слова: системно-коммуникативный подход; научная подсистема; эволюционный успех коммуникации; нарратив.

Благодарности: Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФ № 22-28-00927 «Диагноз современности и глобальные общественные вызовы в социально-философской рефлексии».

Scientific narrative as a factor of intensification of communicative relations of the «science — society» system

N.N. Pogozhina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Original article submitted: 01.09.23

Revision submitted: 18.10.23

■ For citation: Pogozhina N.N. Scientific narrative as a factor of intensification of communicative relations of the «science — society» system. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2024;6(1):88–92. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.13>

Abstract. The article offers an analysis of communicative interaction in the modern academic field — among individual researchers, research teams and groups in conditions of high competition against the background of exponential growth of publication activity and digitalization of communications both within the professional community and taking into account the strengthening and transparency of interactions with the public. The author puts forward a working hypothesis, according to which it is the narrative attribute in the representation of the results of scientific research that can contain a reserve for evolutionary success within the framework of the systemic nature of communication and have a high

potential for the formation of stable links between subsystems of science and other public actors, such as non-professional external observers.

Keywords: system-communicative approach; scientific subsystem; the evolutionary success of communication; narrative.

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-28-00927: *Diagnosis of Modern Society and Global Social Challenges in Socio-Philosophical Reflection.*

Современность диктует существенное изменение коммуникативных связей как внутри научного сообщества, так и с позиции саморепрезентации подсистемы науки в структурном напряжении с иными социальными агентами. С одной стороны, мы наблюдаем мультипликацию в выработке научного знания по средствам продуцирования, в первую очередь, публикационной активности, с другой — сетевой характер интеракций в профессиональном сообществе, очевидно, формирует иное, параллельно развивающееся и наполняющееся интенсивными коммуникативными связями пространство для обсуждения и даже оценки научных результатов [1]. Также принципиальным выступает потенциальная возможность распространения узкопрофессионального знания и включение во взаимодействие и обсуждение широкой публики — непрофессиональных ученых, потребителей профильного медиаконтента, гражданских исследователей.

Системный взгляд на научную коммуникацию позволяет говорить об эволюционной успешности тех или иных интеракций в плоскости связей «наука — общество», выходя за рамки верификационной модели, ориентированной на процедуральный характер отсева научного/ненаучного, но не маркирующей коммуникативное, эмоциональную стратегию совместного переживания открытия знания как важного аспекта валидации нового знания [2]. Системно-коммуникативный анализ выявляет явственную зависимость «успешности» коммуникации, в том числе научной, от потенциальной возможности продолжения коммуникативного акта по средствам включения новых агентов, что хорошо демонстрирует современная сетевая модель коммуникации [3]. Научная коммуникация продолжает ориентироваться на коды истинности и ложности, однако за счет методологических усложнений критериального характера истинности возникает необходимость обращения к рассмотрению механизмов эволюционного отбора знания, оценки и его функционирования. В первую очередь, в качестве иллюстративного примера на ум приходят «внутринаучные» фильтры — публикации, индексация научных результатов, экспертиза в научном сообществе, дотации и грантовая поддержка [4]. Но говоря о расширении агентности, мы ориентируемся также на диалогическую модель коммуникативной соотнесенности ученых и общественности, которая формируется именно за счет совместного «переживания» научного знания и предполагает мотивацию, активное участие, определенный кредит доверия к конкретным исследователям и научным коллективам, а также понимание результатов исследований, основанное на эмоциональной связи, о которой ранее шла речь. Этот подход представляет собой альтернативу иерархичному взгляду и включает в себя активное взаимодействие между наукой и обществом. Ключевым элементом здесь выступает диалог, в рамках которого общество обращается

к ученым с вопросами, считающимися важными для общества. Эти вопросы становятся объектом публичных обсуждений, и создается общественный нарратив, в котором ученые, профессионалы из научного сообщества участвуют в обмене знанием и информацией с обществом. Данная модель развертывания коммуникации может быть более успешной с точки зрения укрепления связей между наукой и обществом и увеличения интенсивности обмена информацией по сравнению с более традиционной иерархичной моделью, в которой научное знание представляется как нечто отдаленное и недоступное для широкой публики. Однако несмотря на это стремление к диалогу, симметрия позиций между акторами (учеными и обществом) может быть нарушена, фактически знаменуя собой неравнозначность диалога, где одна из сторон (ученые, профессиональные эксперты) имеют более высокий статус и влияние, что может затруднить открытую и честную коммуникацию. Следовательно, принципиальной целью является попытка сбалансирования контрагентов коммуникации.

Для достижения этих целей в разрезе коммуникации ученых и публики может использоваться широкий спектр различных методов, в том числе создание интерактивного научно-образовательного контента (ресурс «ПостНаука»), опубликование узкопрофессиональной деятельности и привлечение внимания к личности исследователей, например, в рамках участия ученых в общественных дискуссиях, использование социальных медиа для установления более крепких связей с аудиторией без посредников, а также репрезентация исследовательского опыта в виде научного сторителлинга. Ориентируясь на дискурсивный характер коммуникации в науке, то есть опору на социальные, идеологические и иные контекстуальные характеристики, фактор научного толкования, подчиненного внутренней логике нарратива, выступает успешным связующим звеном в цепи фактологических и эмоциональных инструментов восприятия знания [5]. Структура нарратива фиксирует крепкую сюжетную основу — линию, которая будет удерживать внимание акторов коммуникации, но также позволит допущенные отклонения, сохраняя «сюжетную арку». Этот структурный прием допустим и для коммуникации подсистемы науки в публичном пространстве, поскольку эффективное использование нарратива, рассказывание историй может оказать значительное влияние на то, как акторы коммуникации воспринимают, анализируют, транслируют информацию, тем самым обеспечивая стабильность коммуникации, а значит эволюционный успех [6].

Цифровизация коммуникации безусловно оказывает фундаментальное влияние и на атрибутивные свойства научного нарратива в популяризации знания. В частности, характер новых медиа фиксирует альтернативность визуальных и иных возможностей, а также информационную вариативность [7, 8].

Дисциплинарная матрица исследований научной коммуникации с необходимостью существует в виде двух в значительной степени отдельных частей: с одной стороны, теоретически фундированные исследователи научной коммуникации, которые зачастую занимаются концептуальными изысканиями и гранд-теориями, за редким исключением «спускаясь» на средний уровень анализа эмпирических калькулируемых характеристик эффективности научной коммуникации, а также сущности и алгоритмов измерительных процедур; с другой стороны, практически ориентированные коммуникативные

агенты — популяризаторы науки, которые фактически берут на себя издержки диалоговой формы взаимодействия связи наука — общество. В этой связи очевидной является польза от синтеза указанных стратегий, в рамках которого одним из вариантов повышения эффективности является использование инструментария научного нарратива.

Список литературы

1. Антоновский А.Ю. Зачем науке лузеры? О перепроизводстве научного знания и его функции // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60, № 2. С. 75–93. EDN: NFERGG doi: 10.5840/eps202360226
2. Luhmann N. *Die Gesellschaft der Gesellschaft*. Frankfurt: Suhrkamp Verlag, 1998. 596 p.
3. Луман Н. Эволюция науки // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 52, № 2. С. 215–233. EDN: ZELRBL
4. Луман Н., Антоновский А.Ю. Истина, знание, наука как система. Москва: Логос, 2016. 408 с. EDN: WNSQPZ
5. Dahlstrom M.F. Using narratives and storytelling to communicate science with nonexpert audiences // *Proc Natl Acad Sci USA*. 2014. Vol. 111 Suppl 4, N. Suppl 4. P. 13614–13620. doi: 10.1073/pnas.1320645111
6. Miller S. So Where's the Theory? On the Relationship between Science Communication Practice and Research. In: *Communicating Science in Social Contexts. New models, new practices*. Brussels, Belgium: Springer, 2008. P. 275–287. doi: 10.1007/978-1-4020-8598-7_16
7. Storr W. *The science of storytelling*. London, U.K.: William Collins, 2019. 288 p.
8. Kaplan M., Dahlstrom M.F. How narrative functions in entertainment to communicate science. In: Jamieson K.H., Kahan D., Scheufele D.A., editors. *Oxford handbook on the science of science communication*. Oxford, U.K.: Oxford University Press, 2017. P. 311–319.

References

1. Antonovsky AYu. Why does science need losers? On the overproduction of scientific knowledge and its functions. *Epistemology and philosophy of science*. 2023;60(2):75–93. EDN: NFERGG doi: 10.5840/eps202360226
2. Luhmann N. *Die Gesellschaft der Gesellschaft*. Frankfurt: Suhrkamp Verlag; 1998. 596 p.
3. Luman N. Evolution of science. *Epistemology and philosophy of science*. 2017;52(2):215–233. EDN: ZELRBL
4. Luman N, Antonovsky AYu. *Truth, knowledge, science as a system*. Moscow: Logos; 2016. 408 p. (In Russ.) EDN: WNSQPZ
5. Dahlstrom MF. Using narratives and storytelling to communicate science with non-expert audiences. *Proc Natl Acad Sci USA*. 2014;111 Suppl 4(Suppl 4):13614–13620. doi: 10.1073/pnas.1320645111
6. Miller S. So Where's the Theory? On the Relationship between Science Communication Practice and Research. In: *Communicating Science in Social Contexts. New models, new practices*. Brussels, Belgium: Springer; 2008. P. 275–287. doi: 10.1007/978-1-4020-8598-7_16
7. Storr W. *The science of storytelling*. London, U.K.: William Collins; 2019. 288 p.
8. Kaplan M, Dahlstrom MF. How narrative functions in entertainment to communicate science. In: Jamieson KH, Kahan D, Scheufele DA, editors. *Oxford handbook on the science of science communication*. Oxford, U.K.: Oxford University Press; 2017. P. 311–319.

Информация об авторе

Наталья Николаевна ПОГОЖИНА — старший преподаватель философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;
eLibrary SPIN: 7515-0879. **E-mail:** nat60089784@yandex.ru

Information about the author

Natalia N. POGOZHINA — senior lecturer, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; eLibrary SPIN: 7515-0879. **E-mail:** pogozhinann@gmail.com

УДК 101.9, 165.0

DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.14>

Этический «поворот» в эпистемологии

Е.Л. Черткова

Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия

Поступила в редакцию: 31.08.23

В окончательном варианте: 19.10.23

■ Для цитирования: Черткова Е.Л. Этический «поворот» в эпистемологии // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2024. Т. 6. № 1. С. 93–100. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.14>

Аннотация. Работа посвящена вопросу расширения проблемного поля эпистемологии и переосмысления ее фундаментальных понятий в свете учета человеческой субъективности. Рассматриваются место и роль философской эпистемологии в комплексе современных исследований познания, ее характеристики: направленность на поиск взаимосвязи когнитивного и этического смыслов познания, соотносительность эпистемологических проблем и экзистенциальных вопросов бытия человека. Обосновывается отличие рациональности гуманистической от технократической.

Ключевые слова: философская эпистемология; гуманистическая и технократическая рациональность; истина; долг; совесть.

An ethical «turn» in epistemology

E.L. Chertkova

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Original article submitted: 31.08.23

Revision submitted: 19.10.23

■ For citation: Chertkova E.L. An ethical «turn» in epistemology. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2024;6(1):93–100. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.14>

Abstract. The work is devoted to the issue of expanding the problematic field of epistemology and rethinking its fundamental concepts in the light of human subjectivity. The place and role of philosophical epistemology in the complex of modern studies of cognition, its characteristics are considered: the focus on finding the relationship between the cognitive and ethical meanings of cognition, the correlation of epistemological problems and existential issues of human existence. The difference between humanistic and technocratic rationality is substantiated.

Keywords: philosophical epistemology; humanistic and technocratic rationality; truth; duty; conscience.

О профессоре В.Н. Борисове я слышала от своего коллеги по сектору теории познания М.А. Розова и читала о нем в его воспоминаниях, вошедших в книгу 2015 г. «Гносеология культуры», подготовленную и опубликованную Н.И. Кузнецовой. Приведу только его оценку работы кафедры философии НГУ под руководством Борисова: «Думаю, что кафедра философии НГУ была в то время одной из самых интересных в научном плане философских кафедр страны» [1, с. 452]. В личности Борисова как руководителя он отметил научную заинтересованность и идеологическую терпимость, незашоренность, широту взглядов и интересов [1, с. 452]. В статье В.Н. Борисова «К определению метода познавательной деятельности», открывающей книгу «Проблемы методологии в научном познании» 1968 года, я выделила несколько важных для меня положений: вопрос о специфике философской методологии и ее соотношении с развивающимися специализированными методологиями [2, с. 3–4]; понимание специфики философской методологии как знания нормативного, если пользоваться актуальной терминологией, в статье этот вопрос рассмотрен как знание-описание и знание-предписание [2, с. 5, 7]; его обращение к рефлексивной оценке научной деятельности, внимание к вопросам смыслового целеполагания как неотъемлемой части философского анализа методологии науки, ее «рефлексивно-ценностной ориентации».

Пролиферация эпистемологических исследований. Философская эпистемология. История эпистемологии, как и философии в целом, знает немало разных «поворотов», инициированных революционизирующими наше понимание мира открытиями и критической оценкой философских методов решения проблем путем размышлений и аргументации. В роли «поворотных» механизмов выступали физика, биология, логический и лингвистический анализ, социология, когнитивные науки. Начиналась эпистемология как гносеология, теория познания, в том числе и прежде всего научного. Но за последние полвека вырос целый комплекс наук, как естественных, так и гуманитарных, которые также занимаются изучением сознания и познавательной деятельности человека своими методами и концептуальными средствами. Да и сама эпистемология, опираясь на полученные наукой новые данные, превращается на наших глазах в довольно специализированные области исследований. На примере только Института философии могу сказать, что за последние 20–30 лет от сектора теории познания отпочковались уже два новых — эволюционной эпистемологии и социальной эпистемологии. Если бы М.С. Розову удалось прожить дольше, возможно, возник бы и еще один сектор — эмпирической эпистемологии или «теории социальных эстафет». Сейчас назрел уже вопрос и о дальнейшем процессе дифференциации на базе осмысления изучения сознания в когнитивных науках. Такое движение от общефилософских размышлений к специально-научным исследованиям столь же закономерно, как и обратное: вычленение из специально-научных знаний философски или мировоззренчески значимого содержания. При этом возникает опасность замещения собственно философских проблем вопросами специально-научного характера. Если ранее позитивистски ориентированные эпистемологические исследования были направлены на решение общеметодологических проблем, хотя и средствами конкретных наук (логико-математический и логико-лингвистический анализ, историческая реконструкция, эволюционно-биологическая модель и др.), то теперь изменения

происходят и в самой постановке проблем, по существу в подмене их другими, специально-научными — социологическими, экономическими, психологическими, нейрофизиологическими, информационными и т. д. Но решаются ли в этих новых дисциплинах присущие философии вопросы — об истине, объективности, о природе знания, о сознании и познании, о субъективности, свободе, рациональности, понимании и интерпретации, объяснении и предсказании, о границах и пределах знания, цели и смысле научного познания и т. д. Главные проблемы эпистемологии по существу элиминируются или предельно релятивизируются. Легитимизация науки идет как бы вне сферы познания. Это может быть проектирование, конструирование, коммуникация, интерпретация и многое другое. В стороне остаются именно вопросы, образующие каркас эпистемологии как философской дисциплины, которая, в свою очередь, составляет важнейшую часть, фундамент теоретической философии. Я бы назвала это философской эпистемологией. В отличие от «специальных» эпистемологий она занимается исследованием эпистемологических норм и проблем в единстве с осмыслением их общественного и культурного смысла и значения, теоретическая ценность не лишена здесь социальной и культурной релевантности. Укажу лишь на такие ее характеристики, как критичность, целостность, историчность, поиск взаимосвязи когнитивного и культурного смыслов познания, соотнесенность эпистемологических проблем с экзистенциальными вопросами бытия человека. Необходимость вычленения из комплекса эпистемологических исследований *философской* эпистемологии обусловлена изменением роли науки в современном обществе и местом человека в наукоцентричном мире. Современная наука в форме технауки все более становится фактором антропологической эволюции человека, входит в мир человека наравне с природой, как ее равноценная и равнозначная составляющая. Это уже не «вторая природа» как идеальный мир человека и его воплощение в культуре, а сама природа, преобразованная или созданная человеческим знанием и трудом. Человек выступает теперь как субъект эволюции природы, в том числе и своей. Вопрос в том, насколько современное знание о человеке, его сознании, может удовлетворить присущую человеку потребность понимания себя и своего места в мире? Может ли знание о человеке как объекте, а иначе наука его не изучает, служить достаточной основой для его понимания себя в качестве субъекта? Для философии это означает необходимость рассмотрения человека не только в перспективе достижений современной науки, но и в контексте возникающих при этом экзистенциальных проблем, прежде всего этических. Этическое измерение — то главное, что делает человека человеком, а науку объектом собственно философской рефлексии. И в этом плане сама современная наука является одной из главных экзистенциальных проблем. Стремительное развитие технической мощи при отсутствии ясных целей и понятных координат движения человечества ставит проблематизацию человека, его самопонимания в центр современной философии. Перед философией науки и эпистемологией стоят жизненно важные, экзистенциальные проблемы, непосредственно касающиеся бытия человека, такие как превращение человека в объект научного исследования и технологического применения, лишение его субъективности, осмысление влияния на жизнь человека цифровой реальности, способов превращения субъекта в профиль, средств в цели, ценностей

в продукты и т. п. Все это свидетельствует о необходимости расширения проблемного поля эпистемологии и переосмысления ее фундаментальных понятий в свете учета человеческой субъективности.

Эпистемология и этика. Нормативно-методологический анализ науки, сыгравший существенную роль в становлении научного типа мышления, шире — в утверждении научной рациональности как культурной ценности, в современной ситуации уже не может рассматриваться как исчерпывающий. Происходящие изменения роли науки в жизни общества, сайентификация образа жизни современного человека, его включение как элемента в формируемую технауку техносферу, включение человека в качестве объекта исследования в комплекс новых наук и появление возможностей радикальных преобразований природы, в том числе природы человека и его сознания, все это актуализирует вопросы аксиологии и нравственности, и эпистемология не может уже оставаться от них изолированной. В современных условиях, когда технизированная наука превратилась в саморазвивающийся объект, способный определять и подчинять себе другие аспекты жизни общества, вопросы доверия знанию (проблема истины) и согласования этого процесса с интересами общества и человека (этические аспекты эпистемологии, экзистенциальные проблемы) становятся первостепенными.

Философская эпистемология образует двунаправленный процесс. Ее внутренняя цель — выявление путем критической рефлексии воздействующих на познание вненаучных факторов и выработка способов защиты от них или их использование с помощью научных норм и методов (яркие образцы такой критики познания представлены в трудах Бэкона и Декарта, а еще ранее у скептиков и софистов). Другое направление рефлексии — поиск смысла эпистемологических норм и принципов в контексте целостной человеческой деятельности, т. е. выяснение обратного воздействия эпистемологии на мораль, социальное сознание и поведение. Ведь в конечном счете все революции в познании и науке — это не только когнитивные, но и духовные события. Так, первая революция в познании — переход от мифологического сознания к рационализму — наверное, самая важная для современной цивилизации революция духа. Аверинцев определил ее как переход от «мышления в мире» к «мышлению о мире» [3]. Такие события невозможно понять, если их рассматривать только как познавательные или только как духовные или социальные.

Наука преобразовывает не только материальную деятельность человека, снабжая ее новыми технологиями, она изменяет сознание, мировоззрение, нормы взаимодействия людей с природой и друг с другом. Так, наука Нового времени посредством сформировавшейся на ее основе философии науки существенно изменила сознание общества, распространив дух антидогматизма, критицизма, внимание к реальности вместо опоры на мифы. Отметим здесь интересную ситуацию: наука утверждает и защищает ценностную нейтральность знания, отгораживаясь от религиозного догматизма Средневековья и мифологического сознания Древнего мира, и в то же время внедряет в общественное сознание иные, не свойственные ему ранее ценности. То есть ценностная нейтральность рационального теоретического знания в ходе своего становления производила новую ценностную же интервенцию в жизнь общества. При всей важности методологического разделения фактов и ценностей,

на более глубоком уровне понимания они обнаруживают неразрывную связь и взаимозависимость. Это означает нераздельность гносеологии и этики, вопросов о сущем (каков мир?) и о должном (каким он должен быть?).

Для философского понятия рациональности первостепенным является вопрос о человеческом содержании научных знаний, в чем их значение для людей с их жизненными интересами, потребностями, целями, мечтами? Позитивные знания о фактах обретают дополнительные смыслы благодаря их синтезу со знанием гуманитарным. Такое единение, конечно, идеал, но, как и всякий идеал, он указывает направление наших усилий. Такое осмысление науки в единстве когнитивного и этического, понимание укорененности науки в системе гуманистического мировоззрения возникает уже в трудах провозвестников науки Нового времени. Истина как цель науки и Благо как высшая ценность еще сохраняют у них свое единство. Познавательным усилиям и страсти к исследованию придавалось не только когнитивное, но и нравственное значение. Иначе говоря, познание рассматривалось и как нравственное деяние. Гуманизм, рациональность и критицизм не противостояли друг другу. Все эти «плоды Просвещения» не потеряли своей ценности для нас, хотя предложенный ими идеал науки, особенно в его единстве с идеями гуманизма, сейчас кажется еще менее достижимым, чем тогда.

Бэкон и Лейбниц — гуманистический и технократический взгляд на науку. Единство эпистемологии и этики отличает рациональность *гуманистическую* от технократической. И истоки современного разрыва мы также можем увидеть в истории философского осмысления науки у двух великих мыслителей — Бэкона и Лейбница. В современном контексте и терминологии я бы сказала так: Лейбниц был защитником теоретической науки, а Бэкон — технонауки. На первый взгляд, у них много общего: оба восхищались новой экспериментальной наукой, стремились поставить ее на твердый методологический фундамент, вырабатывали для этого каждый свой новый органон, оба говорили о пользе науки для общего блага и для освобождения человека. Однако Бэкон видел в науке прежде всего производительную, техническую силу, увеличивающую могущество человека для преобразования природы в соответствии со своими потребностями. Он одним из первых стал рассматривать науку и знание в целом не как ценность культуры, но прежде всего как средство, как силу, власть (пока еще не политическую, а техническую, покоряющую природу). Ценность знания отождествлялась с его производительной мощью и пользой, а смысл научной деятельности состоял в изобретении средств для практических целей. Лейбниц, напротив, ценил в знании внутреннюю, духовную ценность, его самоценность как проявление силы интеллекта и пути совершенствования человека. Цель науки он видел в удовлетворении познавательного интереса, в получении нового знания, а смысл научной деятельности — в просвещении, обогащении человеческого ума, в создании целостной картины мира и человека как его части. Поэтому, в отличие от Бэкона, он стремился не столько к очищению от прежних знаний, сколько к сохранению всех достижений человеческой мысли, стремился найти место в своей системе всему лучшему, что произвел человеческий ум. И что особенно важно, хотя оба они сопрягали знание с человеческой свободой, но Бэкон — со свободой от внешних природных ограничений, Лейбниц — со свободой духа как пути к саморазвитию.

Свобода в системе бэконовского материально-практического образа науки — господство над вещами, а в гуманистической перспективе Лейбница — вещи больше не господствуют над нами. И несмотря на то, что Лейбниц своими научными достижениями продемонстрировал преимущество своего понимания целей науки, в отличие от научной несостоятельности Бэкона, так и не достигшего значимых научных результатов, пока побеждает бэконовская модель, к тому же существенно обедненная и искаженная потребительским сознанием, не ведомым в его время Бэкону. Нашим технократически мыслящим современникам, определяющим научную политику, хочется напомнить сказанное провозвестником технонауки Бэконом: «Богатства следует тратить для того, чтобы приобретать знания, а не употреблять знания на то, чтобы приобретать богатства» [4, с. 102]. По проторенному Бэконом пути, игнорируя его предупреждения и ограничения, стала развиваться наша цивилизация. А защищаемое Лейбницем движение мысли от утилитарного, материально-прагматического к осмыслению мира в его истине и целостности и о месте человека в этом мире как его устроителя и охранителя не получает поддержки тех, от кого зависит определение направления развития науки. В наши дни гуманистический образ науки выродился в триумф формально-технической рациональности. Движимая целью саморазвития, техническая рациональность не только не в состоянии создать новые гуманистические ценности, но и парализует проявления разумной человечности. Из науки оказывается выхолощен ее гуманистический смысл. Итог развития по пути «техногенной» линии подвел В.А. Лекторский словами о том, что «традиционное для всей европейской культуры, начиная с античности, понимание знания, прежде всего научного, как одной из величайших человеческих ценностей, как того, что освобождает человека и делает возможным создание гуманных социальных отношений и гармоничных отношений человека с природой, исчезает. Наука начинает рассматриваться как способ извлечения прибыли» [5, с. 29].

И все же неверно винить только науку в кризисе современной техногенной цивилизации. Диалектика движения от социокультурной обусловленности знания обратно к эпистемической детерминации социума состоит не только в средствах производства, но и в создании стиля жизни, новых потребностей и новых возможностей человека и общества. Наука поставляет обществу не только знания и технологии, но и ценности социальные и этические, прежде всего, такие как свобода, истина, рациональность. Эти темы и составляют предмет этически ориентированной философской эпистемологии.

Такая ориентация была реализована в русской философии в контексте концепции цельного знания. Сейчас эти мысли уже не кажутся слишком умозрительными, напротив, они стали актуальны именно для современности. Так, например, А.А. Ухтомский, великий физиолог, князь и академик, был сторонником цельного знания и считал, что «главнейшим физиологическим органом познания — предвидения является совесть. Этот конкретнейший аппарат цельного знания, который руководит нами обыденно и в мелочах, и в крупном» [6, с. 154]. Понятия истины и разума рассматриваются им в единстве с такими моральными категориями, как любовь и совесть. А другой князь, философ С.Н. Трубецкой источник единства познания и этики, сознания теоретического и нравственного видел в самой природе человеческого знания,

в его несовершенстве. В работе «О природе человеческого сознания» он писал: «В самой действительности нашего теоретического сознания, в самом его несовершенстве и лжи уже заключается, таким образом, этическая задача; самый разум должен пробуждать в нас совесть, теоретическое сознание — нравственное» [7, с. 590]. К подобным мыслям пришли и наши современники. Много размышлявший и писавший о науке академик Н.Н. Моисеев пришел к такому выводу: «Сегодня жизнь ставит нас перед новыми трудностями, требует иного поведения, изменения многих традиций, а может быть, и нравственных начал. И, естественно, возникают вопросы — какие новые нравственные принципы должно обрести человечество, как оно должно перестроить свой духовный мир, чтобы иметь шансы сохранить себя на Земле? С этих позиций я стал читать Священное Писание и другие аналогичные сочинения: может быть, нужные идеи уже высказаны и просто не получили необходимой интерпретации? И убедился, что это действительно так!» [8, с. 136]. И закончу цитатой из «Града обреченного» братьев Стругацких: «Совесть задает идеалы, разум ищет к ним дороги. Это и есть функция разума — искать дороги. Без совести разум работает только на себя, а значит — вхолостую». По-моему, лучше уже не скажешь.

Список литературы

1. Розов М.А. Гносеология культуры. Москва, Новый хронограф, 2015. 574 с.
2. Проблемы методологии научного познания: сборник статей / под ред. В.Н. Борисова. Новосибирск, 1968. 178 с.
3. Аверинцев С.С. Два рождения европейского рационализма и простейшие реальности литературы. В кн.: Человек в системе наук. Москва, 1989. С. 332–342.
4. Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук. В кн.: Ф. Бэкон. Сочинения: в 2 т. Москва: Мысль, 1971. Т. 1. С. 85–546.
5. Лекторский В.А. Достоинство знания как проблема современной эпистемологии. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 20–56.
6. Ухтомский А.А. Дневники // Человек. 2000. № 5. С. 153–170.
7. Трубецкой С.Н. О природе человеческого сознания. В кн.: Трубецкой С.Н. Сочинения. Москва: Мысль, 1994. 816 с.
8. Моисеев Н.Н. Нравственность и феномен эволюции. Экологический императив и этика XXI века // Общественные науки и современность. 1994. № 6. С. 131–139.

References

1. Rozov MA. *Gnoseology of culture*. Moscow: Novyi khronograf; 2015. 574 p. (In Russ.)
2. Problems of methodology in scientific knowledge. Sbornik statei. Ed. by V.N. Borisov. Novosibirsk; 1968. 178 p. (In Russ.)
3. Averintsev SS. Two births of European rationalism and the simplest realities of literature. In: *The person in the system of sciences*. Moscow; 1989. P. 332–342. (In Russ.)
4. Bacon F. On the dignity and multiplication of sciences. In: *F. Bacon. Works. In 2 vol*. Moscow: Mysl; 1971. Vol. 1. P. 85–546. (In Russ.)
5. Lektorsky VA. The self-Integrity of knowledge as a problem of modern epistemology. Materials of the “round table”. *Voprosy filosofii*. 2018;(6):20–56.
6. Ukhtomsky AA. Diaries. *Chelovek*. 2000;(5):153–170. (In Russ.)
7. Trubetskoy SN. On the nature of human consciousness. In: *Trubetskoy SN. Works*. Moscow: Mysl; 1994. 816 p. (In Russ.)
8. Moiseev NN. Morality and the phenomenon of evolution. Environmental imperativ and ethics of the XXI century. *Social sciences and modernity*. 1994;(6):131–139. (In Russ.)

Информация об авторе

Елена Леонидовна ЧЕРТКОВА — кандидат философских наук, старший научный сотрудник
Института философии РАН, Москва, Россия; eLibrary SPIN: 8272-0936. **E-mail:** eleon2005@yandex.ru

Information about the author

Elena L. CHERTKOVA — Cand. Sc. (Philosophy), Senior Researcher, Institute of Philosophy of the
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; eLibrary SPIN: 8272-0936.
E-mail: eleon2005@yandex.ru

УДК 167

DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.15>

Социальная синергетика как постнеклассическая методология в изучении социально-политического порядка

А.Н. Сулимин

Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Саратов, Россия

Поступила в редакцию: 15.09.23

В окончательном варианте: 09.10.23

■ Для цитирования: Сулимин А.Н. Социальная синергетика как постнеклассическая методология в изучении социально-политического порядка // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2024. Т. 6. № 1. С. 101–106. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.15>

Аннотация. Предметом исследования выступают концептуальные основы социосинергетической методологии для изучения социально-политического порядка. Автор рассматривает идеи Г. Хакена, который предложил синергетическую методологию для изучения социальных систем. В работе утверждается, что предметом социальной синергетики выступают такие нелинейные категории, как порядок, хаос, бифуркация, аттрактор, диссипативные структуры, которые успешно могут применяться для изучения становления социально-политического порядка.

Ключевые слова: социально-политический порядок; социальная система; хаос; социальная синергетика; диссипативная структура; бифуркация; аттрактор.

Social synergetics as a post-non-classical methodology in the study of socio-political order

A.N. Sulimin

Humanities Institute named after P.A. Stolypin — branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saratov, Russia

Original article submitted: 15.09.23

Revision submitted: 26.10.23

■ For citation: Sulimin A.N. Social synergetics as a post-non-classical methodology in the study of socio-political order. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2024;6(1):101–106. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.15>

Abstract. The subject of the research is the conceptual foundations of the sociosynergetic methodology for the study of the socio-political order. The author examines the ideas of G. Haken, who proposed a synergetic methodology for studying social systems. The paper argues that the subject of social synergetics are such nonlinear categories as order, chaos, bifurcation, attractor, dissipative structures, which can be successfully used to study the formation of socio-political order.

Keywords: socio-political order; social system; chaos; social synergetics; dissipative structure; bifurcation; attractor.

Выявление механизмов и факторов устойчивости, порядка и стабильности общества становится одной из ведущих проблем в современном мире. Современный мир представляет собой сложную систему, которая не имеет единого центра развития. Для успешной адаптации к изменениям и понимания его сути необходимо разработать закономерности, которые образуют основу синергетики. В этом контексте синергетика является важным теоретическим и практическим достижением современного научного сообщества. Она объясняет условия и способы возникновения «порядка из хаоса» и раскрывает основы порядка как формы бытия не только природных, но и общественных явлений.

Долгое время общественные науки опирались на позитивистскую парадигму, в основе которой лежали линейные и эволюционные принципы социально-политического развития. Государство, общество и человек рассматривались стационарными структурами, подверженными качественным изменениям под влиянием прогрессивных сил. Классическая наука, стремясь к эмпирическому знанию, опиралась на механистические представления ньютоново-картезианской физики, влияющие на развитие социальных и гуманитарных наук.

Во второй половине XX века социосинергетическая методология стала способом изучения многомерности развития человечества, объясняя, что развитие общества происходит не по линейным принципам, а через преодоление противоречий, кризисных состояний.

История собственно социосинергетической парадигмы начинается с концептуальных идей Германа Хакена, который предложил общие законы самоорганизации в рамках новой дисциплины — синергетики [1, с. 5]. Ключевым объектом синергетики выступает самоорганизация сложных динамических систем, резко меняющих свое состояние в периоды нестабильности. Подобные процессы происходят в результате воздействия флуктуаций в точке бифуркации, а после коротких периодов хаотического поведения происходит переход к стабильному состоянию системы.

Согласно теории синергетики, неустойчивость, дискретность, кризисы и нелинейность выступают универсальными формами развития сложных систем. Данная теория изменяет классическую науку, переосмысливая методологические подходы к изучению нелинейных процессов и переходных состояний в момент катастрофической перестройки системы. Нелинейная методология обращает особое внимание на структурную перестройку различных систем, включая социальные. Взаимодействие социума с окружающей средой является необходимым для его нормального функционирования и продуктивного исторического развития. Социальные системы отличаются от стационарных систем тем, что они способны воспроизводиться и развиваться только в результате этого взаимодействия. При этом социум извлекает необходимые материальные ресурсы, энергию и информацию из окружающей среды.

Феномен социальной бифуркации является следующим объектом изучения постнеклассической парадигмы, согласно которому малейшее колебательное воздействие извне может привести к глубокой трансформации общества. Подобная трансформация может оказать положительное влияние на упорядоченность структуры социума, повысить его устойчивость во внешней среде, привести к росту и прогрессу, но также повлиять и отрицательно — разрушив его структурную целостность и повергнув в упадок общественный порядок.

Поэтому применение синергетического подхода к общественным трансформациям показывает, что стабильность и устойчивость могут быть непостоянным состоянием социального процесса. Для социальной динамики характерны неожиданные перемены, кризисы, катастрофы, вплоть до состояния распада. В соответствии с этими закономерностями в общественных изменениях можно выделить добифуркационный, бифуркационный и постбифуркационный этапы трансформации, приводящие к становлению социально-политической упорядоченности

На добифуркационной стадии социальной динамики разные кризисные явления: экономическая депрессия, постоянные террористические акты, рост беспорядка и преступности, потеря доверия к государственной власти, — могут дестабилизировать политический порядок. Даже небольшая флуктуация способна привести к коренным социально-политическим изменениям [2, р. 15]. Замедление или перелом политического процесса, а также тупиковое состояние политических отношений в обществе могут быть результатом этой нестабильности.

Рассматривая применимость синергетической методологии в изучении человекообразных и общественных систем, необходимо отметить, что нелинейные процессы могут функционировать по-разному. В плюралистических политических системах социальные микробифуркации могут проходить достаточно часто, поэтому подобные общества привыкли к постоянным изменениям в системе власти и адаптации к новым условиям. Подобные тенденции позволяют избегать макробифуркаций, способных привести к крупным социально-политическим кризисам, катастрофам вплоть до разрушения существующего политического порядка. В условиях глобального мира плюралистические системы могут включаться в образования гораздо более высокого порядка — сверхобщества, тем самым претендуя на лидерство в мировом масштабе [3].

На бифуркационной стадии условием зарождения нового политического порядка выступает интенсивный обмен веществом, энергией и информацией с внешней средой, в результате которых возникают диссипативные структуры. Диссипативные структуры как продукт бифуркационного социума, как правило, неустойчивы и неравновесны. Однако после перехода точки бифуркации они приобретают более организованные свойства и их степень динамической активности увеличивается. По мнению С.А. Ключникова, «в диссипативных структурах уровень упорядоченности повышается в процессе иерархизации и снижается в процессе деиерархизации. При выходе из хаоса происходит интеграция и дифференциация во всех структурах жизнедеятельности системы» [4, с. 24]. Скрытые механизмы взаимодействия различных активных разносторонних акторов, конкуренции и кооперации, играют важную роль в диссипативных структурах. После точки бифуркации этот механизм определяет переход системы к более высокому или низкому уровню упорядоченности. Кроме того, он влияет на степень относительной устойчивости диссипативных структур и формирует качественные характеристики нового социально-политического порядка. Появление диссипативных структур также приводит к появлению альтернатив постбифуркационного социума, где субъективный фактор становится важным. Эти тенденции могут привести к формированию внутренних противоречий в системе.

Социальные аттракторы — другой объект изучения социальной синергетики. Существует множество точек зрения на сущность и типологию социальных аттракторов. Так, по мнению И.Н. Ионова, они представляют собой идеальные образцы будущего порядка, которые определяют ценностную систему и цели деятельности человека, а также влияют на его возможности [5, р. 131]. Другие исследователи видят в социальных аттракторах проекты исторического развития. Например, В.В. Василькова сравнивает аттракторы с социальными утопиями, отмечая, что утопии играют важную роль в формировании социального порядка и ориентиров для истории человечества [6, с. 411]. В этом контексте социальные аттракторы могут иметь идеологическую и ценностную окраску, выступая элементами социального проектирования.

Изучение феномена аттрактивности необходимо для выявления закономерностей управления социальной системой. В условиях социальной бифуркации общество ориентируется на перспективные идеи общественного устройства, которые заданы начальными условиями (традиции, природная и геополитическая среда, человеческий материал). Аттрактивность основывается на принципе подчинения и позволяет исключить большое число переменных, сводя задачу к поиску значений небольшого числа переменных, играющих роль параметров порядка, которые подчиняют себе систему [7].

Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов отмечали, что поведение элементов любой сложной системы определяется параметрами порядка, которые позволяют описать данную систему относительно простым образом [8]. Например, описывая эволюцию российской социально-политической системы, некоторые ученые выделяют параметры порядка, сохраняющие свою устойчивость в результате исторической динамики [9; 10].

В точке бифуркации политические события могут значительно ускорять свой ход благодаря резонансным явлениям при совпадении нескольких параметров порядка. В отечественной истории подобные явления происходили в период «триумфального шествия советской власти», когда лозунги большевиков совпали с ожиданиями большинства рабочих и крестьян, и в годы Перестройки, когда внедренные в бифуркационное общественное сознание лозунги «гласности и демократии» вступили в резонанс с изменившимися идеалами советского общества, что привело к распаду советской государственности

Важно отметить, что поведение отдельных субъектов социальной системы определяется не только параметрами порядка, но и вкладом каждого социального актора в определение параметров порядка в качестве динамических характеристик системы. В состояниях неустойчивости поведение отдельного человека может стать значимым и обуславливать формирование нового коллективного образца поведения.

Большое значение в синергетике имеет набор аттракторов, примыкающих к текущему состоянию системы. Развитие одной и той же системы может иметь совершенно разные и даже противоположные тенденции в зависимости от различных начальных условий и специфики движения системы к своему или чужому аттрактору. Для одной социальной среды бесполезными могут быть эффективные воздействия, которые могли быть полезными для другой социальной среды. Поэтому нельзя просто переносить опыт развития других стран на свою «среду», поскольку начальные условия (и возможно, сама среда) слишком различны.

Необходимо обратить внимание, что социальные аттракторы, игнорирующие социокультурные факторы, не всегда способны вывести систему на более высокий иерархический и эволюционный уровень. Такие аттракторы зачастую называют «странными» или стохастическими [11, с. 60]. Подобные аттракторы в социальных средах могут быть заданы управляющими параметрами, однако малейшие отклонения от заданных условий могут приводить к абсолютно иным результатам. Например, изучая состояние странных аттракторов в социально-политических системах, можно ответить на вопрос, почему в 1990-х гг. результат либеральных реформ в России не соответствовал изначальным замыслам и установкам. Применительно к состоянию российского транзитивного общества, Г.Г. Малинецкий отмечал, что реализация «чужих проектов» или «вписывание» в них не приведет к большим сдвигам, так как необходимы общие цели и ценности, общая картина будущего [7, с. 73].

Таким образом, синергетическая методология, основанная на математическом моделировании и философской рефлексии, имеет безусловный теоретический и практический потенциал в вопросах изучения социально-политического порядка. При анализе применимости синергетического подхода к анализу общественных явлений необходимо учитывать ряд условий. Во-первых, любой политический порядок носит динамический и иерархический характер, то есть для его поддержания необходимо, чтобы параметры порядка макроуровня и мегауровня социальной системы успешно противодействовали хаосу микроуровня (закон иерархических компенсаций). Во-вторых, социальные отношения, выстроенные иерархическим способом, наиболее восприимчивы к резонансным явлениям, поэтому необходимо иметь альтернативные способы перестройки этих отношений, без нарушения внутренней целостности системы. Развитые горизонтальные связи внутри общественной системы могут служить залогом ее устойчивости в случае ослабления государственных институтов. В-третьих, при поведении государственных реформ нельзя навязывать обществу чуждые ему социальные институты в качестве главной константы развития, а необходимо учитывать его исторические и культурные традиции.

Список литературы

1. Haken H. Synergetics: basic concepts. In: Meyers R., editor. Encyclopedia of Complexity and Systems Science. New York, NY: Springer, 2009. P. 5–30. doi: 10.1007/978-0-387-30440-3_533
2. Knyazeva N. Paradigm shift in the understanding of the creative abilities of consciousness // *Filosofiya-Philosophy*. 2019. Vol. 28, N. 1. P. 14–22. EDN: ZCHINV
3. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. Москва: Центрполиграф, 2000. 637 с.
4. Ключников С.А. Использование синергетического (бифуркационного) направления системного подхода для изучения социума // *Вестник Самарского университета. Экономика и управление*. 2018. Т. 9, № 4. С. 21–25. EDN: TLSJUC
5. Ionov I. Historical theories during the decline of the Soviet Union and in post-Soviet Russia // *Social Sciences*. 2018. Т. 49, N. 4. P. 105–119. EDN: HZKGKA doi: 10.31857/S013454860004088-4
6. Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: Синергетика и теория социальной самоорганизации. Москва: Лань, 1999. 478 с. EDN: RTAGWP
7. Попов О.Р. Способ поиска параметров порядка самоорганизующихся систем: информационный аспект // *Интеллектуальные ресурсы — региональному развитию*. 2020. № 2. С. 64–70. EDN: OYYQLO
8. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Конструктивная роль человека в процессах коэволюции [Электронный ресурс] // Сайт С.П. Курдюмова. Режим доступа: <https://spkurdyumov.ru/sokrat/konstruktivnaya-rol-cheloveka-v-processakhkoevolucii/>. Дата обращения: 15.08.2023.

9. Сулимин А.Н. Нелинейная динамика российских политических порядков сквозь призму исторического процесса // *Genesis: исторические исследования*. 2015. № 5. С. 338–364. EDN: VBJICD doi: 10.7256/2409-868X.2015.5.16617
10. Ельчанинов М.С. Российский социум: структуры, хаос, катастрофы: монография. Москва: КноРус, 2019. 296 с. EDN: GHMTLO
11. Khitaryan D., Stepanyan L., Oganyan K., et al. Social synergetics: synergetic historicism and humanism // *Wisdom*. 2022. Vol. 23, N. 3. P. 59–69. EDN: YZWJKW doi: 10.24234/wisdom.v23i3.717
12. Ахромеева Т.С., Малинецкий Г.Г., Посашков С.А. Новая реальность, самоорганизация и управление будущим // *Менеджмент в России и за рубежом*. 2019. № 3. С. 16–29. EDN: KIOSVI

References

1. Haken H. Synergetics: basic concepts. In: Meyers R, editor. *Encyclopedia of Complexity and Systems Science*. Springer, New York, NY: Springer; 2020. P. 5–30. doi: 10.1007/978-0-387-30440-3_5332020
2. Knyazeva H. Paradigm shift in the understanding of the creative abilities of consciousness. *Filosofiya-Philosophy*. 2019;28(1):14–22. EDN: ZCHINV
3. Zinoviev AA. *On the way to super-society*. Moscow: Tsentrpoligraf; 2000. 637 p. (In Russ.)
4. Klyuchnikov SA. Use of synergistic (bifurcation) direction of the systemic approach to the study of society. *Bulletin of Samara University. Economics and governance*. 2018;9(4):21–25. EDN: TLSJUC
5. Ionov I. Historical theories during the decline of the Soviet Union and in post-Soviet Russia. *Social Sciences*. 2018;49(4):105–119. EDN: HZKGKA doi: 10.31857/S013454860004088-4
6. Vasilkova VV. *Order and chaos in the development of social systems: Synergetics and the theory of social self-organization*. Moscow: Lan; 1999. 480 p. (In Russ.) EDN: RTAGWP
7. Popov OR. Method of searching for order parameters of self-organizing systems: information aspect. *Intellectual resources — regional development*. 2020;(2):64–70. (In Russ.) EDN: OYYQLO
8. Knyazeva EN, Kurdyumov SP. The constructive role of man in the processes of co-evolution [Internet]. *Site of Sergei P. Kurdyumov*. Available from: <https://spkurdyumov.ru/sokrat/konstruktivnaya-rol-cheloveka-v-processaxkoevolucii/>. Accessed: 15 Aug 2023. (In Russ.)
9. Sulimin AN. Nonlinear dynamics of Russian political orders through the prism of the historical process. *Genesis: historical research*. 2015;(5):338–364. EDN: VBJICD doi: 10.7256/2409-868X.2015.5.16617
10. Yelchaninov MS. *Russian society: structures, chaos, disasters: monograph*. Moscow: KnoRus; 2019. 296 p. (In Russ.) EDN: GHMTLO
11. Khitaryan D, Stepanyan L, Oganyan K, et al. Social synergetics: synergetic historicism and humanism. *Wisdom*. 2022;23(3):59–69. EDN: YZWJKW doi: 10.24234/wisdom.v23i3.717
12. Akhromeeva TS, Malinetsky GG, Posashkov SA. The New reality, self-organization and management of the future. *Management in Russia and Abroad*. 2019;(3):16–29. EDN: KIOSVI

Информация об авторе

Александр Николаевич СУЛИМИН — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры истории государства, права и международных отношений Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Саратов, Россия; eLibrary SPIN: 1565-8460. **E-mail:** Kratos84@yandex.ru

Information about the author

Alexander N. SULIMIN — Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State History, Law and Inter-National Relations of the P.A. Stolypin — Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Saratov, Russia; eLibrary SPIN: 1565-8460. **E-mail:** Kratos84@yandex.ru

Внеинституциональная модель социально-гуманитарных наук: к вопросу об импорте педагогических технологий

Г.Э. Шалагина

Казанский национальный исследовательский технологический университет,
Казань, Россия

Поступила в редакцию: 15.09.23

В окончательном варианте: 23.10.23

■ Для цитирования: Шалагина Г.Э. Внеинституциональная модель социально-гуманитарных наук: к вопросу об импорте педагогических технологий // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2024. Т. 6. № 1. С. 107–112. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.16>

Аннотация. В постмодерной реальности способы производства и трансляции научного знания трансформируются: наряду с академической моделью социально-гуманитарных наук существуют внеинституциональные каналы гуманистики, которые характеризуются собственными способами ведения интеллектуального диалога, педагогическими техниками и технологиями. В период социокультурной трансформации и комплексных вызовов, академическим гуманитариям важно осуществлять импорт технологий, методик, накопленных в области внеинституциональной гуманистики.

Ключевые слова: внеинституциональная гуманистика; информальное образование; педагогические технологии; расшколаивание.

Non-institutional model of social sciences and humanities: to the question of import of pedagogical technologies

G.E. Shalagina

Kazan National Research Technological University, Kazan, Russia

Original article submitted: 15.09.23

Revision submitted: 23.10.23

■ For citation: Shalagina G.E. Non-institutional model of social sciences and humanities: to the question of import of pedagogical technologies. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2024;6(1):107–112. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.16>

Abstract. In postmodern reality the methods of production and transmission of scientific knowledge are being transformed: along with the academic model of the social sciences and humanities, there are also non-institutional channels of humanities, which are characterized by their own ways of intellectual dialogue, pedagogical techniques and technologies. In the period of sociocultural transformation and complex challenges, it is important for academic humanists to import technologies and methods accumulated in the field of non-institutional humanities.

Keywords: non-institutional humanities; informal education; pedagogical technologies; deschooling.

Научное творчество всегда ведется в структурированном и определенном образом институционализированном комплексе социальных отношений. В текущей постмодерной реальности трансформируются привычные способы производства и трансляции знания: наряду с академической моделью социально-гуманитарных наук (СГН) существуют и внеинституциональные каналы гуманистики, со своими способами ведения интеллектуального диалога, педагогическими приемами передачи знания, техниками и технологиями.

Внеинституциональная гуманистика (ВГ) — это производство и трансляция гуманитарного знания за пределами социального института науки и образования, это знаниевый сектор за границей формального образования [1, с. 117]. «Социальный контракт» знания с социумом всегда направлен на воспитание человека под нужды культуры и общества. Поэтому уже в античности были школы долгой протяженности, нацеленные на распространение знания. Однако знание под эгидой сферы образования существовало не всегда: была уличная философия в эпоху поздней Античности, гуманитарное знание под эгидой церкви до становления университета, в контексте новой религиозности в эпоху Возрождения. Философы не всегда выбирали стандартный путь: иногда это ремесло шлифовальщика линз (Спиноза) или переписывание нот и участие в салонах-«квартирниках» (Руссо). С позднего Средневековья основной институциональный «порт» гуманитариев — это университет: схоластический (вплоть до начала XIX в.) и гумбольдтовский, который уже во времена Гегеля стал напоминать схоластический. И была альтернатива: образ жизни рантье (Шопенгауэр), служба в секретариате (Конт). Примеры существования знания за пределами образовательной сферы можно продолжать.

Сегодня помимо института образования есть надынституциональные формы «невидимого колледжа». Во внеинституциональном знаниевом секторе происходит разидентификация (разотождествление) с институтом формального образования, преобладают любительские и ретритные способы взаимодействия, отказ от дипломов в пользу рукопожатности и сообщества, возрождаются «квартирники» и интеллектуальные вечеринки, возникает консультационная активность в философской практике, ультраприкладном направлении современной философии на стыке с психологическим консультированием. Встречаются гибридные научно-популярные и образовательно-развлекательные формы edutainment (философские фестивали, балы психоаналитиков, визуальные исследования, прогулки и ужины с философами). Задействуются новые городские пространства (третьи места), интернет (если нет физических локаций, то это социальные сети, блоги). Процветает народная, любительская философия на видеохостингах, т. к. философия сегодня органично встроена в повседневную культуру. Наблюдается бум самиздата и эстетизация исследований (литература и др. художественные формы как «эзопов язык» и отдушина от бюрократии), есть явления на стыке с религиозностью, иногда с элементами коммерческого культа, практикуется информальное образование, о котором будет сказано ниже.

Указанные явления — это следствие дедифференциации культурных практик в эпоху постмодерна [2]. Гибридные формы на стыке институтов и сфер — частое явление сегодня. После кризиса «больших нарративов» модерна сложились новые смысложизненные нарративы, мировоззренческие миксты этики,

психотехник и религиозности с ведущей ролью этики. Рассматривая смысло-жизненное стратегирование с позиций конкуренции этих душевспомогающих дискурсов, нужно ставить вопрос о специфике и границах каждого из них, фиксировать «нарушения» и выходы за рамки дисциплинарного поля. Психология мигрирует в религию: возникают православная, католическая (христианская), мусульманская психологии. Философия движется к психологии, прибегая к телесным практикам, медитациям, дыхательным упражнениям. Сегодня даже фитнес-тренеры предлагают смысло-жизненное ориентирование, сформировав выражение «прокачать навык осознанности» (майндфулнес, «светская медитация», эмбодимент фасилитация). Подход с позиций дедифференциации иной и связан с происходящей растушевкой границ трех дискурсов. Практическая философия (этика) центрирует телесные, медицинские, духовные, новорелигиозные, спонтанно-образовательные, художественные практики. Информационная (высокомодернизированная) экономика усиливает запрос на смысло-жизненные стратегии: «мозг есть средство производства» [3, с. 52]. Точнее — культура, ментальность, духовность являются средствами производства постмодерного человека. Там, где лидирует творческий труд, повышен запрос на духовное развитие, и этот запрос не удовлетворяет формальное образование, нацеленное на сертификацию специалиста под конкретную отрасль народного хозяйства. Поэтому растет количество людей, вовлеченных в любительское творчество, и механизмы современной цифровой культуры благодаря ИИ облегчают вхождение в творческую сферу. Сказанное выше о нематериальных средствах производства особенно присуще предпринимателям, фрилансерам, самозанятым, представителям прекариата и «системы Д» (от фр. *se débrouiller* — «самостоятельно выпутаться из затруднения»). Эта социальная прослойка сегодня растет.

В период социокультурной трансформации и комплексных вызовов академическим гуманитариям важно осуществлять импорт технологий, методик, накопленных в области ВГ. Идея «импорта технологий», возможно, спорна, например, формальное образование с информальным не должно смешиваться. Формальное образование удостоверяется дипломом государственного образца, и о развлекательности, упрощении требований здесь речи быть не должно. Напротив, именно усвоенные на должном вузовском уровне базовые гуманитарные знания помогут человеку не стать клиентом философского, психологического, какого угодно иного консультирования в будущем. Первое образование формирует мировоззрение, поэтому оно должно быть фундаментальным. Но есть ли у современника шанс оказаться в неторопливой, стабильной ситуации? Сегодня досуг и возможность практиковать пифагорейскую созерцательность проблематичны: инновационизм и транзиторность постмодерна ускоряют бег социального времени. Специалитет (пять лет) сменился бакалавриатом (четыре года). Названия сегодня изменились, но суть прежняя. Первое образование утрачивает фундаментальность, а последующие просто примыкают к разомкнутой внаходимой идентичности современника. Поэтому стоит говорить об импорте технологий. Каких именно, рассмотрим на примере информального образования.

Информальное образование — это образование, осуществляемое в повседневности, оно не структурировано в плане целей, продолжительности, помощи

в обучении, нецеленаправленно, стихийно (спонтанно), непреднамеренно [4, с. 25–26; 5, с. 129]; осуществляется на рабочем месте, в семье, в сообществе, на досуге (например, в кафе или антикафе), без процедурных формальностей, в том числе не удостоверяется сертификатами, свидетельствами и дипломами. Иногда позиции обучающего и обучающегося (в привычном понимании) отсутствуют, имеет место совместная деятельность. Результатом являются *soft skills* и *wild skills* (мягкие и дикие навыки).

По сути, «учиться» у информалов преподавателю вуза нечему. То, что называется «философское кафе» — это просто хорошо организованный семинар. Казалось бы, разница в месте проведения: кафе (антикафе) или аудитория вуза. Но отличие в другом, в бюрократизме формального образования. Вынужденное пребывание в формальных рамках осмысливается как «зашколивание» учебного процесса, связанное с ориентацией на тестовую проверку знаний в ОГЭ и ЕГЭ в школах, со страхованием от претензий неуспешных студентов, которые апеллируют к формальным параметрам. Однако сегодня тенденцией становится «расшколивание» в ответ на зашколивание образования всех уровней¹. Расшколивание, помимо прочего, связано с последствиями пандемии COVID-19, когда обучение начало происходить вне стен учебных заведений, и намечает тенденцию к сближению формальных и информальных педагогических технологий.

Ниже на примерах преподавания философии представлены некоторые приемы, которые уже проникают в высшую школу и которые можно, с пониманием ограничений, применять.

1. Индуктивная логика вместо дедуктивной. Предпочтение этого подхода выражается в том, что мы идем от частного, от фрагмента текста, в противоположность традиционному дедуктивному подходу, рекомендациям сначала послушать курс лекций или прочитать учебник, который выстроит в голове обучающегося правильные, пусть пока и пустые «полки» для последующего размещения идей и смыслов. По индуктивной логике строятся сегодня и курсы философии в университетах: например, электив в ТюмГУ «Великие философские книги, изменившие цивилизацию» (вспоминается «Школа великих книг»)². Перечень рекомендуемых текстов при этом является аналогом образовательной программы (скрытый учебный план) и всегда может вызвать вопросы. Важно совмещать оба принципа: начинать с дедуктивного (лекции), но попутно знакомить студентов с фрагментами философских текстов, первоисточников. Иногда второй метод увлекает, программа оказывается полностью индуктивной, и педагог зачастую сам дает интерпретацию текста.

2. Особый подход к чтению первоисточников. У философа-любителя иные, в отличие от профессионального философа, ожидания от текста. Это рекреационное чтение, созерцание смыслов, медленное чтение вслух для активизации коммуникативных навыков и т. п. Отношение к тексту в курсе философии для

¹ Расшколивание надо встроить в образовательную программу школы [Электронный ресурс] // Информационно-образовательный портал DIDACTICUM. Режим доступа: <https://didacticum.ru/novosti/rasshkolivanie-nado-vstroit-v-obrazovatel-nuyu-programmu-shkoly/?ysclid=114vs0hmiy488470952>. Дата обращения: 10.08.2023.

² Великие философские книги, изменившие цивилизацию [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.utmn.ru/obrazovanie/iot/electives/1099592/>. Дата обращения: 10.08.2023.

студентов нефилософских специальностей (хотелось бы видеть их философами-любителями) основано на принципах: 1) чтение для познания предмета по программе (философа, эпохи, темы); 2) чтение для пользы в своей жизненной ситуации, профессии. Студентами чтение первоисточников воспринимается положительно, как «наслаждающаяся и вдохновляющая практика». Свободный обмен комментариями и впечатлениями в идеале стирает границу между учебой и досугом, что характерно для неформального образования, а преподаватель выступает консультантом, владеющим техниками индивидуального философско-практического подхода.

3. Неформальные приемы в дистанционной и очной работе преподавателя вуза. Например, экспертное включение знаменитой персоны или современного философа, что особенно легко осуществить в дистанционном формате. Или нестандартная организация консультаций без нахождения на рабочем месте — «завтрак с философом», «пробежка с профессором» посредством дистанционных ПО¹.

Дистанционные технологии и учебный процесс без нахождения в стенах вуза — оптимальное решение в условиях биологической угрозы, как произошло в пандемию COVID-19, хоть преподавателей порой и смущал такой формат. Другими образовательными технологиями в этот период могли бы стать уличные практики античной Стои или школы перипатетиков в теплое время года (философы Ликея прогуливались по дорожкам заброшенного стадиона), перенос учебных семестров в летний период, что практиковалось в пандемию испанского гриппа, использование вместо закрытых аудиторий, где не все благополучно с вентиляцией, уличных территорий вузов. Последнее — еще один прием, «урок» неформального образования. Реализация обучения на улице требует установок «вахты» на входе не в здание, а на территорию вуза, с тем, чтобы преподаватель, исполняющий должностную обязанность на рабочем месте, смог зафиксировать присутствие. Ограничение этого метода — сессия, необходимость соблюдать точность не только времени, но и места в расписании.

Сегодня можно говорить о заключении нового общественного договора знания с социумом. Растушевка границ между институциональной и внеинституциональной моделями СГН обладает эвристическим потенциалом, но и чревата опасностями: снижением академического уровня, другими факторами риска. Неизбежным является государственное регулирование внеинституционального СГН сектора: с 01.06.2021 в РФ работают законодательные нормы о просветительской деятельности. Но есть и возможность получать доход от налогов с деятельности ВГ (самозанятость, индивидуальное предпринимательство в креативных индустриях, будь то авторский туризм, философский досуг, самиздат). Ограничения в работе неформальной образовательной креативной индустрии сегодня побуждают импортировать удачные педагогические технологии из ВГ. Во времена внутренних и внешних вызовов гуманитарная культура продолжает предоставлять механизмы успешного существования СГН.

¹ Энди Уорхолл не про суп: позиционирование и саморепрезентация ВУЗа [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rectory.ru/events/tpost/ga5ofau3f1-endi-uorholl-ne-pro-sup-pozitsionirovani?ysclid=lsd8yk5pa4177026947>. Дата обращения: 10.08.2023.

Список литературы

1. Шалагина Г.Э. Внеинституциональная гуманистика, философская практика, информальное образование: контуры образовательной креативной индустрии // Социум и власть. 2021. № 1(87). С. 116–126. EDN: LYQAZQ doi: 10.22394/1996-0522-2021-1-116-126
2. Лэш С. Постмодернизм как культурная парадигма. В кн.: Контексты современности — I: актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. С. 83–88.
3. Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые меняют будущее / пер. с англ. А. Константинова. Москва: Классика–XXI, 2011. 432 с.
4. Гончарук Н.П. Развитие интеллектуальной компетентности и профессиональной мобильности научно-педагогических кадров в условиях информационного общества. Казань: Изд-во МОиН РТ, 2011. 224 с.
5. Нефедова Г.М. Специфика интеграции формального, неформального и информального образования // Научно-педагогическое обозрение. 2017. № 3(17). С. 127–133. EDN: ZBLZFH doi: 10.23951/2307-6127-2017-3-127-133

References

1. Shalagina GE. Non-institutional humanism, philosophical practice, informative education: contours of the educational creative industry. *Society and power*. 2021;(1(87)):116–126. EDN: LYQAZQ doi: 10.22394/1996-0522-2021-1-116-126
2. Lash S. Postmodernism as a cultural paradigm. In: *Contexts of modernity — I: current problems of society and culture in Western social theory*. Kazan: Kazan University Publ.; 2000. P. 83–88. (In Russ.)
3. Florida R. *Creative class. People who are changing the future*. Transl. from Engl. A. Konstantinov. Moscow: Classica–XXI; 2011. 432 p. (In Russ.)
4. Honcharuk NP. *Development of intellectual competence and professional and onal mobility of scientific and pedagogical personnel in an in-formation society*. Kazan: Ministry of Education and Science of the RT; 2011. 224 p. (In Russ.)
5. Nefedova GM. Specifics of integration of formal, informal and informal education. *Pedagogical Review*. 2017;3(17):127–133. (In Russ.) EDN: ZBLZFH doi: 10.23951/2307-6127-2017-3-127-133

Информация об авторе

Гульнара Эдуардовна ШАЛАГИНА — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и истории науки Казанского национального исследовательского технологического университета, Казань, Россия; eLibrary SPIN: 4187-2385. **E-mail:** galanova@rambler.ru

Information about the author

Gulnara E. SHALAGINA — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Department of Philosophy and History of Science, Kazan National Research Technological University, Kazan, Russia; eLibrary SPIN: 4187-2385. **E-mail:** galanova@rambler.ru

Идеологическое проектирование: некоторые аспекты методологического анализа ментальных войн

М.Е. Соколова

Институт Соединенных Штатов Америки и Канады имени академика Г.А. Арбатова РАН, Москва, Россия

Поступила в редакцию: 15.09.23

В окончательном варианте: 23.10.23

■ Для цитирования: Соколова М.Е. Идеологическое проектирование: некоторые аспекты методологического анализа ментальных войн // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2024. Т. 6. № 1. С. 113–118. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.17>

Аннотация. В статье рассмотрен ряд теоретико-методологических подходов к проектированию образа России будущего (живая система мифологем (Н.А. Сергеев, Е.Г. Никитенко), анализ ключевых цивилизационных архетипов (М.А. Макаренков), теоретико-методологический анализ проекта системного идеологического мировоззрения на основе «Концепции внешней политики Российской Федерации» (Е. Макаров)). Подчеркивается важность для современного идеологического проектирования методологического аппарата, предлагаемого в книге А.Д. Сухова «Идеологические ориентиры в истории русской философии» (2023).

Ключевые слова: ментальные войны; идеологии; российская идеология; идеологические ориентиры русской философии.

Ideological design: some aspects of the methodological analysis of mental wars

M.E. Sokolova

Georgy Arbatov Institute for the U.S. and Canada Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Original article submitted: 15.09.23

Revision submitted: 23.10.23

■ For citation: Sokolova M.E. Ideological design: some aspects of the methodological analysis of mental wars. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2024;6(1):113–118. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.17>

Abstract. The article considers a number of theoretical and methodological approaches to designing the image of Russia of the future, among them a living system of mythologems (by N.A. Sergeev and E.G. Nikitenko), an analysis of key civilizational archetypes (M.A. Makarenkov), a theoretical and methodological analysis of the project of a systemic ideological worldview based on the «Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation» (E. Makarov). The importance of methodological support on the analysis of the national history of the ideological trends studied in the book «Ideological landmarks in the history of Russian philosophy» by A.D. Sukhov (2023). The importance of the methodological apparatus proposed by the author for modern ideological design is emphasized.

Keywords: mental wars; ideologies; Russian ideology; ideological landmarks in the history of Russian philosophy.

Понятие ментальных войн в рамках проблематики информационных войн появилось относительно недавно — несколько лет назад. Речь идет о различии цивилизационных общекультурных, философских, идеологических, ментальных ориентиров, смыслов и ценностей¹. Таким образом, понятие ментальных войн постепенно входит в научный оборот, и в этой перспективе важен вопрос об идеологической программе и «образе будущего» для России.

Хотелось бы отметить, что важным здесь является как содержание предлагаемых идеологических проектов, так и сами методологические подходы к идеологическому творчеству («проектированию») — созданию образа будущего России. Методологический анализ различных подходов дает возможность выделить их теоретические предпосылки и философскую подоснову.

Рассмотрим несколько позиций/проектов авторов, предлагающих свои проекты будущего России, чтобы обрисовать диапазон таких методологических подходов.

Как считают Н.А. Сергеев и Е.Г. Никитенко, «образ желательного будущего» для России и в долгосрочной и в краткосрочной перспективе не может быть сформирован без адекватной ее исторической миссии государственной идеологии. Основой российской культурно-цивилизационной безопасности должен стать идеологический проект, созданный на иерархически упорядоченной мифологической основе — как «живая система множества связанных между собой эмоционально нагруженных мифологем, обладающих своим ролевым составом, развертывание событийного ряда в которых происходит в соответствии с типовыми волшебными сценариями» [4, с. 53].

Под *государственной идеологией* Сергеев и Никоненко понимают работающий, в том числе и на бессознательном уровне, психологический механизм, который позволяет, используя самые современные и постоянно совершенствуемые информационно-психологические технологии, решать на планетарном уровне фундаментальную для текущего времени задачу управления психической активностью больших масс людей [4, с. 54]. Речь идет о новой глобальной по охвату идеологической эсхатологической доктрине, которую авторы предлагают называть доктриной «Судного дня». Она опирается на гипотезу о начавшемся более столетия назад спасительном для России и мира естественном планетарном процессе инициации-перехода, который в случае успеха приведет к появлению «людей будущего» (человека индиго). Именно они будут проектировать и создавать новый преобразенный посткапиталистический мировой порядок. Среди идейно-теоретических источников, на которые опираются Сергеев и Никоненко: концепция «соперничества/сотрудничества локальных цивилизаций», основоположником которой считается русский мыслитель Н.Я. Данилевский, идеи сверхчеловека Ницше и появления людей «новой расы» П. Успенского, ученика мистика Г. Гурджиева [4, с. 54].

¹ Евгений Макаров дает следующее определение ментальной войны: это контроль ценностей и смыслов целых народов, этносов, групп [Макаров 2023].

Другой автор — М.А. Макаренков — рассматривает и сравнивает образы мифологических героев в американской и российской культурах — супермена и трех богатырей — с точки зрения различия ключевых цивилизационных архетипов, что, по его мнению, дает возможность объяснить причины экзистенциальной противоположности цивилизационных проектов коллективного Запада и России.

Макаренков подчеркивает, что сегодня происходит не просто противостояние экономических или политических систем — активизируется противостояние интегральных образов будущего в целом, идет слом или глубокое реформирование цивилизационных проектов. Идет «война за реальность» — борьба за ключевые цивилизационные образы, которые будут определять саму реальность общества, его морально-психологическое и эмоциональное состояние, формирование выгодных той или иной стороне реакций и моделей поведения его членов. А это, в свою очередь, является одной из основных целей любой информационной войны [2, с. 93].

С точки зрения Макаренкова, в настоящее время нужно говорить не о «западном» и «восточном» проектах, а о противостоянии северного, опирающегося на архетипы целых народов и их общностей цивилизационного проекта, зародившегося примерно в начале XIX века, и внационального проекта «корпоративной цивилизации». В целом, основой северного проекта должна служить идея Сверхчеловечества, постоянно развивающегося и непрерывно совершенствующего свои творческие силы, духовный и физический потенциал. Еще одна основа, на которую опирается северный цивилизационный проект — это конечность противостояния Добра и Зла и итоговая победа Добра [2, с. 97]. При разработке идеи северного проекта Е. Макаренков обращается к идеям Н.Н. Федорова, посвященным идее «Общего дела» и возвращению в реальную явную, проявленную жизнь всего человечества, во всей его совокупности, включая умерших, ряда других русских космистов, а также философско-этическим идеям великого русского ученого и философа Ивана Антоновича Ефремова [2, с. 95].

Макаренков подчеркивает, что поиски национальной идеи цивилизационного проекта в России не должны быть ориентированы только на преодоление внешнего давления, внешнего врага. Нацеленный на развитие цивилизационный проект не может опираться только на оборонительную идеологию. Кроме этого, поиски идей новой идеологической программы не должны быть обращены только в прошлое — при конструировании нового цивилизационного проекта нужны новые идеи и лозунги, создающие будущее и основанные на глубоком изучении смыслов и архетипов, лежащих в основе уже реализованных проектов. «Русскому миру необходим полностью самостоятельный, наступательный, а точнее осваивающий окружающую реальность, формирующий ее проект», — констатирует этот автор [2, с. 97].

Опираясь на *«Концепцию внешней политики Российской Федерации»* [1], свой проект будущего России предлагает Евгений Макаров: «Если описать простыми словами наш проект в образах, в соответствии с нашей идеологией, то он мог бы выглядеть так: вовлеченное участие масс (солидарность + интерес) на всех уровнях (социальные лифты) в пространственном освоении (экономика исследования и освоения = земля + космос) и построение собственного

социально-культурного (традиции) пространства с ответственным использованием новых инженерных и информационных технологий (техно-оптимизм будущего)» [3]. Под идеологией он понимает систему идеалов и ценностей, целеполагания, императивов общественной жизни, механизмов контроля и средства реализации целей (политические доктрины и оформляющие их указы и законы) [3].

Свою задачу Е.Б. Макаров видит в разработке целостного теоретико-методологического аппарата для создания проекта идеологического и системного мировоззрения на основе положений «Концепции внешней политики Российской Федерации» [3]. Он предлагает следующие базовые методологические принципы, выражающие направления проектирования будущего России: Суверенитет — принцип независимости и невмешательства для самовыражения и планирования; Саморазвитие — принцип обращения воли внутрь, а не во вне — это комплексное развитие человека и пространства в противовес эгоистическому развитию индивида; Солидарность — основоположный принцип взаимоотношений внутри суверенного сообщества. Или в виде следующей краткой формулы: «Суверенитет + Солидарность → Саморазвитие» [3].

Все рассмотренные выше подходы к идеологическому проектированию демонстрируют опору на широкий идейный спектр (от мифологизации и архетипического подхода, обращения к идеям различных, в том числе и отечественных, мыслителей до опоры на государственные документы) и разнообразие методологических подходов, что способствует концентрации интеллектуальных ресурсов на проблематике ментальных войн и идеологического конструирования. Безусловно, к решению этих важных проблем должно быть приковано сейчас самое пристальное внимание и сконцентрированы исследовательские усилия.

Но пока ни один из рассмотренных подходов не опирается на широкий системный анализ истории эволюции отечественного идеологического поля как в дореволюционный, так и в советский период развития страны, на изучение взаимовлияния, преемственности этих двух этапов в рамках единой матрицы национальных традиций.

Между тем опора на историю становления идеологии/идеологий в России представляется тем важным аспектом, без которого немислимо идеологическое проектирование будущего России, создание какого-либо широкого идеологического проекта.

Одна из таких попыток системного подхода к отечественным идеологическим традициям в их соотношении с русской философской традицией предпринята ведущим научным сотрудником сектора истории русской философии Института философии РАН А.Д. Суховым в недавно вышедшей книге «Идеологические ориентиры в истории русской философии» (2023). Мир становления российских идеологий, в соотношении с философией, предстает на страницах этой книги в виде естественно развивавшегося идеологического поля, пронизанного и направляемого интересами различных социальных групп, составлявших российское общество. Это живой развивающийся универсум, углубиться в историю которого интересно, поучительно и продуктивно для специалистов, занимающихся проектированием идеологии будущего. Автор рассматривает в своей книге становление идеологического поля в соотношении

с развитием русской философии как сложный, диалектический и системный процесс, охватывающий несколько столетий. Он опирается на понятие *идеологических комплексов*, компонентами которых являются *политические воззрения, правовые установки, нормы морали*. Идеологические конструкции формируются под воздействием экономических структур, воздействуют на религию и философию, которые концентрируют в себе их содержание и, становясь их своеобразными составными частями, оказывают на них в свою очередь обратное влияние [5, с. 9–10].

Кроме исторического изучения возникавших и сменявших друг друга в соответствии с запросами времени и стоявшими на повестке дня интересами различных социальных групп идеологических комплексов (православный религиозный фактор, императорский и просвещенный абсолютизм, консерватизм/либерализм в их преломлении во взглядах социальных групп (доктрина «официальной народности», славянофильство и западничество), демократическая идеология в формах ненасилия и революционной идеологии, евразийство, социалистическая идеология (включая христианский социализм)), автор вводит понятие идеологической дихотомии. Идеиное целое складывается из двух разнородных частей, каждая из которых способна развиваться самостоятельно, но в диалектическом взаимодействии и взаимоотталкивании/взаимовлиянии, как, например, Просвещение и абсолютизм, славянофильство и западничество. Идеологии эволюционируют, охватывают различные социальные группы и многое воспринимают у противоположной ветви, как отмечает А.Д. Сухов (например, появление наряду с охранительным консерватизмом охранительно-либерализма в 1850–1860 гг.) [5, с. 18].

Системно изложенная история становления идеологий в России естественным образом должна стать интеллектуальным источником и методологической опорой идеологического творчества.

Список литературы

1. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). Режим доступа: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>. Дата обращения: 27.04.2023.
2. Макаренков М.А. Сверхчеловечество против супермена: битва образов в войне за реальность // Информационные войны. 2022. № 4(64). С. 93–97. EDN: GRILVL
3. Макаров Е.Б. Методология образования идеологии «Образ будущего России» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dzen.ru/a/ZF9ZrCUGsnJ5qmx3/>. Дата обращения: 20.08.2023.
4. Сергеев Н.А., Никитенко Е.Г. Цивилизационная безопасность России во второй четверти XXI века: информационно-психологический аспект // Информационные войны. 2023. № 1(65). С. 53–65. EDN: UYWRWB
5. Сухов А.Д. Идеологические ориентиры в истории русской философии. Москва: Канон-плюс; Реабилитация, 2023. 160 с.

References

1. The concept of foreign policy of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on March 31, 2023). Available from: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>. Accessed: 27 April 2023. (In Russ.)
2. Makarenkov MA. Superhuman versus superman: a battle of images in the war for reality. *Information Wars*. 2022;(4(64)):93–97. EDN: GRILVL

3. Makarov EB. Methodology of education of ideology «Image of the future of Russia». [Internet]. Available from: <https://dzen.ru/a/ZF9ZrCUGsnJ5qmx3/>. Accessed: 20 Aug 2023. (In Russ.)
4. Sergeev NA, Nikitenko EG. Civilization security of Russia in the second quarter of the 21st century: information and psychological aspect. *Information wars*. 2023;(1(65)):53–65. EDN: UYWRWB
5. Sukhov AD. *Ideological guidelines in the history of Russian philosophy*. Moscow: Kanon-plyus; Reabilitatsiya; 2023. 160 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Марианна Евгеньевна СОКОЛОВА — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института Соединенных Штатов Америки и Канады имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук, Москва, Россия; eLibrary SPIN: 1625-8544. **E-mail:** mariamva@yandex.ru

Information about the author

Marianna E. SOKOLOVA — Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher, Georgy Arbatov Institute for the U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; eLibrary SPIN: 1625-8544. **E-mail:** mariamva@yandex.ru

Ценности миростроевской культурной традиции

Е.А. Тюгашев

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет,
Новосибирск, Россия

Поступила в редакцию: 04.09.23

В окончательном варианте: 26.10.23

■ Для цитирования: Тюгашев Е.А. Ценности миростроевской культурной традиции // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2024. Т. 6. № 1. С. 119–130. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.18>

Аннотация. В статье дана аксиологическая характеристика миростроевской культурной традиции как одной из магистральных традиций, определяющих цивилизационное развитие России. Основными ценностями данной традиции являются самовластие, взаимное почитание, живость, поновление, хитроумие.

Ключевые слова: Россия; цивилизация; традиция; ценности; жидовствующие; западничество; либерализм; стригольники.

Values of the world-building cultural tradition

Е.А. Tyugashev

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Original article submitted: 09.09.23

Revision submitted: 26.10.23

■ For citation: Tyugashev E.A. Values of the world-building cultural tradition. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2024;6(1):119–130. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.18>

Abstract. The article gives an axiological characteristic of the world-building cultural tradition as one of the main traditions that determine the civilizational development of Russia. The main values of this tradition are autocracy, mutual veneration, liveliness, renovation, cunning.

Keywords: Russia; civilization; tradition; values; judaisers; westernism; liberalism; strigolniki.

Демаркация миростроевской традиции

Термин «миростроевский» употребляется крайне редко. В истории античной философии известны трактаты Демокрита «Большой мирострой» и «Малый мирострой», посвященные устройству космоса (или мирового порядка). В истории России как миростроевскую я предлагаю обозначать культурную традицию, наиболее мощной манифестацией которой стало западничество. Последнее генетически восходит к Демокриту как одному из основоположников либерализма.

Термин «мирострой» сопряжен с названием трактата «Домострой». Последний воспринимался в XIX веке как знамя славянофильства [5, с. 428] и был объектом критики со стороны западников [18, с. 104]. Поскольку уже во время данной полемики было признано существование многовековой домостроевской культурной традиции, то справедливо говорилось и о многовековой западнической традиции [19, с. 246–318], восходящей к призванию варягов. Насколько справедливо считать ее знаменем «мирострой», покажет последующее изложение.

В связи с этим предполагается, что существо миростроевской традиции отнюдь не состоит в ориентации русской культуры на Запад. Если домостроевская традиция передает свод мудрости по управлению домашним хозяйством, то горизонт миростроевской традиции определяется переустройством миропорядка. Вместе с тем «западничество» является важным феноменологически фиксируемым маркером данной традиции, отличающим ее, скажем, от русского космизма. Кроме того, западничество связывается с вольнодумством и свободомыслием, ориентацией на демократизацию общественной жизни. Разумеется, ценности миростроевской традиции не должны ограничиваться идейно-политической областью, а должны представлять собой образцы массового поведения.

При погружении в прошлое русской культуры западническая традиция прослеживается от П.Я. Чаадаева к масонам XVIII века, более или менее интенсивному западничеству русских самодержцев вплоть до Ивана III, ереси жидовствующих и стригольникам. Истоки западнической (и миростроевской) традиции локализуются в Великом Новгороде. Примечательно, что и домостроевская традиция укоренена в новгородской культуре. Таким образом, еще раз проявляется сопряженность домостроевской и миростроевской культурных традиций.

Если западничество XIX века представлено прежде всего личностью П.Я. Чаадаева, то в Великом Новгороде одной из таких фигур является мыслитель XII века Кирик Новгородец [16]. Иеродиакон Антониевского новгородского монастыря Кирик известен как первый русский математик («статистик мироздания») и характеризуется исследователями как западник и эгоцентрист, дерзкий ироник и энциклопедист, природоцентрист и рационалист, представитель традиции демократизма, веротерпимости и свободомыслия.

Не раз отвергнутая традиция?

Восхождение к Кирику как к авторитетному представителю миростроевской традиции представляется проблематичным. Повод для такой проблематизации

дают некоторые оценки известного историка древнерусской мысли В.В. Милькова. В учении жидовствующих он видит отвергнутую традицию [13]. Ересь стригольников, вопреки общему мнению исследователей, он связывает с патриархальным язычеством, а не с последующими еретическими учениями XV–XVI веков [14, с. 43]. В отношении Кирика и его связи с предшествующей ирландской христианской традицией он писал, что «обогнавший свое время Кирик стал последним выдающимся представителем по достоинству еще не оцененной традиции, которая в новых реалиях превратилась в отсохшую ветвь на стволе древнерусского христианства» [15, с. 37].

Думается, что не совсем так. Например, В.В. Мильков соглашался с выводом Н.К. Гаврюшина о том, что восходящая к Кирику космоциклическая традиция пользовалась на Руси неизменным влиянием [16, с. 161]. Кроме того, «Вопрошание Кирикова» включалось в состав Кормчих книг.

Важно также подчеркнуть, что Кирик Новгородец не был одиноким интеллектуалом. Он являлся выходцем из заморской по происхождению общины Антониева монастыря, которая отличалась западничеством, независимостью и демократизмом. Круг общения Кирика составляли числолюбцы, риторы и мудрецы — круг ученой молодежи, в среде которой присутствовала состоятельность.

Как западник характеризуется покровительствовавший св. Антонию, основателю Антониевского монастыря, новгородский епископ Никита (1096–1108 гг.) [16, с. 63]. Нечуждый интереса к иудейской «книжной премудрости», он проявлял религиозный либерализм и обвинялся в ереси. По заключению исследователей, он способствовал появлению в Новгороде носителей мощного интеллектуального потенциала, создавших благоприятную среду для развития местных талантов [16, с. 63].

Еще одним представителем церковного западничества в Новгороде был епископ Иоанн Попьян (1110–1130 гг.). «Оба новгородских владыки представляли веротерпимое, лояльное к наукам и некоторым западнохристианским традициям направление в древнерусской церкви», — пишут исследователи [16, с. 63].

Западное влияние шло не только через торговые контакты, но и через родственные англосаксонские связи матери новгородского князя Мстислава — Гиды Гаральдовны [16, с. 76]. В частности, в Новгороде утвердилось литургическое чествование ряда западных святых [16, с. 63].

Таким образом, в своих умонастроениях Кирик не есть непонятый одиночка. По оценке С.И. Смирнова, Кирик — это тип, а его мировоззрение «имело на Руси распространение более обширное по времени и месту» [24, с. 130].

Кроме западничества, сходство воззрений партии Кирика с последующими умонастроениями, относимыми нами к миростроевской традиции, проявляется в отрицательном отношении к мздоимству [6, с. 160] и в симпатии к Ветхому Завету [24, с. 126]. Эти признаки едва ли свойственны кирилло-мефодиевской традиции, к которой, по мнению В.В. Милькова, принадлежит Кирик [16, с. 170].

Показательно, что, как и творчество Кирика, ересь жидовствующих и полемика с нею стали «сильнейшим импульсом едва ли ни для всей интеллектуальной деятельности XVI в.» [25, с. 407–408]. Несмотря на разгром ереси жидовствующих, связанная с нею книжность продолжила свое существование в виде единого комплекса и во второй половине XVI в. [25, с. 409].

Аналогичный импульс русской общественной мысли придали «Философские письма» П.Я. Чаадаева.

Следовательно, миростроевская традиция если и исчезала время от времени, то только из виду. Уходя из фокуса общественного внимания, эта традиция продолжалась (прежде всего, элитами) на социально-практическом уровне.

Самовластие

Это первая ценность, которая бросается в глаза при описании различных исторических проявлений миростроевской традиции. Она манифестирована в первой строке «Лаодикийского послания» Федора Васильевича Курицына, главы московского кружка еретиков-жидовствующих: «Душа самовластна, заграда ей вера...» [цит. по: 11, с. 142].

В православной ортодоксии самовластие означает дарованную человеку Богом способность выбирать между добром и злом, т. е. свободу воли. Так, в «Слове о самовластии», содержащемся в сборнике «Измарагд» (XV век), говорится: «Самовластии Богом сотворени есмы, или спасемся или погибнем волею своею» [цит. по: 11, с. 136]. Бог и дьявол не могут принудить человека к выбору между добром и злом, но могут помочь, когда определенный выбор сделан.

На протяжении XVI века в общественно-политической публицистике шел спор о самовластии. По оценке А.И. Клибанова, «“самовластная душа” была душой русского культурного процесса, его идейной осью, по обе стороны которой велась борьба...» [11, с. 147]. Самовластие трактовалось и как самовластие души, и как самовластие ума, и как самовластие человека в целом. Самовластие понималось как свобода — свобода выбора, свобода мысли, свобода воли и душевных порывов. Представление о самовластии человека вело к утверждению о «его субстанциональности, его монадности при сохранении всех его связей, отношений, зависимостей в мире предлежащем и посястороннем и с миром ... потусторонним» [11, с. 152–153].

В связи с этим возникали проблемы соотношения самовластия и бесчинства, самовластия и своеволия, возможно, дьявольской природы самовластия «монадной» личности и необходимости отказа от свободы воли и возвращения к рабской и слепой покорности авторитетам, властям, традициям. Как справедливо отмечал А.В. Черняев, в XVI веке идея самовластия породила целый спектр истолкований — от проектов социального переустройства до отрицания какого-либо блага в самовластии у иосифлян. «Иосифлянская концепция получила завершение и применение в теории и практике Ивана Грозного, с точки зрения которого все людское самовластие персонифицировано в фигуре православного царя, — пишет он. — Таким образом, идея самовластия прошла в русской средневековой культуре логический цикл. Если сначала образ личного Бога способствовал духовному и социальному раскрепощению человека, то в XVI в. образ Небесного царя был соединен с образом царя земного, что содействовало утверждению авторитаризма и, по словам Андрея Курбского, “затворению свободного естества человеческого”» [29, с. 259].

Можно согласиться с мнением о том, что самочувствие новгородца определяли «свобода, независимость и связанная с ним ответственность за личное спасение» [7, с. 144], тогда как человека Руси Низовой характеризовали

«дисциплина, послушание и служение» [7, с. 144]. Но примечательно, что Кирик, с его независимостью и свободолюбием, не высказывал прореспубликанских пристрастий, а был приверженцем идеала самовластия в варианте единой державы [16, с. 33–34]. Аналогично В.Г. Белинский, критически оценивая дремучий лес абстрактных умствований ложно понятого «русского европеизма» и апеллируя к фактам истории России, обоснованно утверждал: «В царя наша свобода, потому что от него наша новая цивилизация, наше просвещение, так же, как от него наша жизнь» [2, с. 247].

Итак, самовластие человека проявляется не только в свободе, но и в самоволии и своеволии. Нормальными в рамках самовластия являются неопределенность и неустойчивость воззрений, сумятица и противоречивость мысли, шаткость ума и постоянная смена точек зрения («ничуть не более», как заявлял Демокрит). «Ну, так что ж! — восклицал П.Я. Чаадаев. — Я это признаю, ибо я — не из тех, кто добровольно застывает на одной идее, кто подводит все — историю, философию, религию под свою теорию, я неоднократно менял свою точку зрения на многое, и уверяю вас, что буду менять ее всякий раз, когда увижу свою ошибку» [28, с. 158]. И к этому непостоянству надо быть готовым тем, кто принадлежит к другим культурным традициям.

Взаимное почитание

Утверждалось, что Бог сотворил самовластие духовное, предобрейшее и преподобнейшее. Поэтому самовластие божественно [11, с. 139]. Последующий текст «Лаодикийского послания» в изложении, предложенном А.И. Клибановым, гласит следующее: «Оградой самовластия, чтобы оно не превратилось в бесчинство, служит вера, учителем которой является пророк» [11, с. 144]. А.И. Клибанов заключает: «“Лаодикийское послание” возвело в достоинство наивысшей духовной ценности пророческий дар, сопряженный с мудростью <...> Идеологи и руководители ереси видели собственное предназначение в том, чтобы выступать как пророки своего времени» [11, с. 145]. Наряду с доступным каждому индивидуальным профетизмом получает основание «возможная претензия человека на равнобожие, и не в силу божественной благодати, а благодаря раскрытию сил самовластной души и самовластного ума» [11, с. 153].

Наблюдение А.И. Клибанова о профетизме и равнобожии относимо ко всей миростроевской традиции.

Так, сам имевший репутацию пророка П.Я. Чаадаев был убежден в том, что «пророк и его истолкователь в умственной иерархии расположены на одной линии» [27, с. 451]. Понимающий пророка сам является пророком.

В отношении поведения Кирика отмечалась его независимость в отношениях с епископом Нифонтом, а следовательно, принадлежность к традиции, чуждой иерархическому этикету и строгому единоначалию [16, с. 67]. Первоначально Антониев монастырь был независим от новгородского епископа. Отношения выходца из Рима Антония, вообще не имевшего церковного сана, и новгородского епископа Никиты выстраивались на основе равенства и взаимного почитания, испрашивания друг от друга на коленях благословения и молитвы [16, с. 66].

В Антониевом монастыре существовали отношения общинного равенства. В росписях Рождественского собора Антониева монастыря проводилась идея равенства святителей и монахов [16, с. 70], а монашеское служение уподоблялось апостольской и святительской миссии [16, с. 64].

Известно, что Никита отказывался изучать Евангелие, но изучил иврит и знал наизусть все книги Ветхого Завета. Он стал пророчествовать еще в Киево-Печерском монастыре, до назначения на новгородскую кафедру.

Функция пророчества социально-практически реализовывалась в прогно- стике, в частности, в расчетах пасхалий, времени пришествия Христа и време- ни ожидаемого конца света.

Важными представляются размышления Ю.М. Лотмана о послепетров- ской культуре в ее связи с христианством и освободительной традицией [12]. Согласно Ю.М. Лотману, в этой литературе: а) высшим авторитетом и судией выступает грозный ветхозаветный Бог, а его чертами может наделяться закон природы или народ; б) писатель получает статус пророка; в) пророческий ста- тус подтверждается мученичеством и жертвенностью.

Феномен мирского или секулярной святости [1; 17] симптоматичен для миростроевской традиции, а почитание (*cultus*) проявляется в культе отдель- ных личностей (Петра I, М.В. Ломоносова, декабристов и др.), классов (напри- мер, пролетариата) и профессиональных групп (летчиков, полярников, физи- ков и др.), культе народа или отдельных эпох в его развитии (допетровской Руси) и т. п. Почитание не ограничивалось уважением и идеализацией, а на- ходило продолжение в поклонении и служении.

Живость

В миростроевской традиции мир воспринимается в динамике. «Взгляни- те вокруг, — писал П.Я. Чаадаев. — Разве что-нибудь стоит прочно? Можно сказать, что весь мир в движении» [27, с. 323]. И только Россия, как полагал он, живет «среди плоского застоя» [27, с. 325]. По его убеждению, продви- нуть русское общество вперед смогут только люди принципиальные: «Пло- дотворен один лишь фанатизм совершенства, страсть к истине и красоте» [27, с. 473].

В отношении ереси жидовствующих констатировалось, что для нее ха- рактерно динамическое восприятие мира как длящегося творения [7, с. 15]. В противоположность еретикам Иосифу Волоцкому свойственно статиче- ское восприятие мира — как данности, исполненности и завершенности [7, с. 15].

В отношении Кирика отмечается, что в его «Учении о числах» «мир рас- сматривается в динамике, тогда как образ сотворенного мироздания в христи- анских описаниях обычно статичен» [16, с. 161].

В движущемся мире естественной является подвижность. Антоний Рим- лянин писал о себе, что он не давал покоя ни себе, «ни братии, ни сиротам [писцам — Е.Т.], ни zde крестьянам досажая» [6, с. 160].

Такую модель поведения А.С. Демин определяет как живость [9, с. 105– 127]. Рассматривая феномен живости применительно к изображению геро- ев в русской литературе XVII века, он фиксирует постоянную подвижность персонажей, подробность описания действий, энергичность и насыщенность

действий. «Оживление» героев литературы он объясняет возросшей бытовой «живостью», требованиями деловитости и энергичности.

П.Я. Чаадаев считал, что «необходимо стремиться всеми способами оживить наши верования и наше воистину христианское побуждение» [27, с. 334]. Маркерами такого оживления стали обличения застоя и «мертвых душ», призывы к живым душам и живым дарованиям, поиски живого дела и живых слов, живых мыслей и живого знания (живой религии, живой науки, живого искусства и т. п.).

Как проявления живости человека приветствовались его беспокойность и бескомпромиссность, мучительная страстность и неистовость, искренность и пламенность, пребывание в перманентном нравственном возбуждении. Примечательна в этом отношении характеристика А.И. Герцена: «“Колокол” был более чем слаб. Он скорее мог сбить с толку и правительство и общество, нежели указать какой-либо определенный путь. В нем выражался весь Герцен, огненный, порывистый, нетерпеливый, раздражительный, полный блеска и ума, но кидающийся в крайность и не умеющий оценить существующие условия жизни» [30, с. 389–390].

Поновление

Динамичность мира означает его незавершенность, несовершенство и необходимость его улучшения и даже переделки.

Как напоминает И.А. Герасимова, в Ветхом Завете имеются места, свидетельствующие о периодическом очищении мира от безобразия (нарушений морального порядка) и восстановлении благообразия, образа Божия [3, с. 130]. Она упоминает также Иоанна Златоуста, который, размышляя над этими местами Священного Писания, рассуждал о пользе всемирного потопа, землетрясений и других крушений вселенной в деле полного очищения ее и обновления стихий.

Кирик известен концепцией циклического (через определенное количество лет) поновления земли, моря, небес, воздуха. Отмечалось, что данный циклизм «настраивал на выявление источника обновления, дающего приток свежих сил в мире и обеспечивающего гармонию мироздания» [16, с. 161].

Ориентация на новь бытия проявилась в новаторских архитектурных решениях, принятых при постройке храма Рождества Богородицы Антониева монастыря [16, с. 53–54]. Отмечается и новаторство «Вопрошания» Кирика [16, с. 351].

Ценность обновления актуализировалась в послепетровской России в связи с задачей формирования новой породы человека, новых людей как возможного источника обновления. П.Я. Чаадаев жаловался, что, когда «весь мир перестраивался заново, а у нас ничего не созидалось; мы по-прежнему прозябали, забившись в свои лачуги, сложенные из бревен и соломы» [27, с. 332].

Согласно А.И. Герцену, природа обновляется в непрерывном движении, в повсюдных переменах [4, с. 24]. Но в истории обновление составляло проблему. Он не видел другого средства обновления Европы и старого буржуазного мира, чем социализм. Впрочем, другой западник В.Г. Белинский заявлял:

«Царская власть всегда была живым источником, в котором не иссякали воды обновления...» [2, с. 246].

Хитроумие

Надежды на единодержавие не случайны для представителей мироостроевской традиции. Так, и программа жидовствующих была в конечном счете реализована самодержавием [23].

По-видимому, справедливо замечание о том, что, например, для П.Я. Чаадаева — при его личной склонности к аристократии — форма правления вообще не имеет значения [26]. Для поновления мира и оживления человечества могут быть использованы любые средства, допускаемые верой.

В связи с инструментальным отношением к окружающему обратим внимание на ряд аспектов поведения представителей мироостроевской традиции.

В отношении «Вопрошания Кирикова» отмечалось, что, обращаясь к высокопоставленным лицам, широко эрудированный вопрошатель «продуманно задавал тематику собеседования, избегая прямых суждений, тонко расставлял оценочные акценты в записи беседы» [16, с. 42]. В некоторых вопросах Кирика «крылся определенный подвох» [16, с. 207]. Кирик, придерживаясь собственной и вполне оригинальной точки зрения и нуждаясь в сановитом и знающем толкователе казусов церковной жизни, «подталкивал собеседника на поиск непростых для ситуации того времени решений» [16, с. 36]. А для беседовавших с ним епископов Кирик выступал «в роли сподручника по прояснению уставных положений церковной практики» [16, с. 45].

Еретики-стригольники, будучи двоеверцами, по-язычески поклонялись Земле и Небу. Но отрицание посредничества священнослужителей в общении с Богом они подкрепляли авторитетом ветхозаветных текстов [8, с. 311]. Поэтому стригольников обвиняли в «злехитрстве».

Для объяснения тактики еретиков-жидовствующих — православных священников, тайно обращавших православных, была выдвинута «теория двурушничества» [10, с. 161]. Двурушничество использовалось не всегда, но в целом тактика оказалась успешной, а в XVI веке «загнанная в подполье, ересь продолжала свое существование и опять вышла на поверхность при новом подъеме общественного движения» [10, с. 224].

Иосиф Волоцкий писал о зломудрии и лукавстве еретиков. Правомерно, на мой взгляд, говорить о хитроумии — изворотливости ума.

Размышляя о хитроумии Одиссея в сравнении с простоватой правдивостью Ахиллеса, Ю.А. Разинов усматривает в хитроумии проявление свободы ума, подвижный авантюрный разум, оборотистый многоопытный ум [20]. Хитроумие — это «пестроумие», владеющее всей полнотой сознания и способное справиться с обманом обманщика.

Как рефлекс хитроумия можно рассматривать поведение В.Г. Белинского в восприятии Ю.Ф. Самарина, который заметил: «Система спора, принятая критиком в отношении к славянофилам, так удобна, что действительно трудно от нее отказаться. Обыкновенно он навязывает им то, чего они никогда не говорили, а потом опровергает их тем, что они первые сказали» [21, с. 100].

Итак, нами выделены следующие ценности миростроевской культурной традиции: самовластие, взаимное почитание, живость, поновление, хитроумие. Термины, выбранные нами для обозначения традиции и ее ценностей, довольно условны и в различной степени востребованы в исследовательской практике. Но они входят в тезаурус российской культуры и соотносимы с содержанием описываемых явлений.

Как можно заметить, ценности миростроевской традиции гораздо масштабнее, чем ценности западничества как геокультурной и социально-политической ориентации в их обычном восприятии. Данная масштабность позволяет, с одной стороны, интегрировать довольно известные категории русской культуры, а с другой стороны — объяснить те метаморфозы и парадоксы русского западничества, на которые обращали внимание его критики. Но именно эта масштабность ценностей легитимирует миростроевскую традицию в целом.

Список литературы

1. Андреева Л.А. Секулярная святость: культ революционных мучеников в российской истории // Диалог со временем. 2018. № 64. С. 278–295. EDN: UYHXBZ
2. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. Москва: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 3. 683 с.
3. Герасимова И.А. Принципы гармонии в творчестве Кирика Новгородца. В кн.: Кирик Новгородец и древнерусская культура. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2012. Ч. 1. С. 128–153.
4. Герцен А.И. Сочинения: в 2 т. Москва: Мысль, 1986. Т. 2. С. 3–117.
5. Герцен А.И. Былое и думы. Москва; Ленинград: Госиздат, 1931. Т. 1. 536 с.
6. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С.Н. Валка. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1949. 408 с.
7. Григоренко А.Ю. Религиозная мысль Московской Руси: иосифляне, нестяжатели, еретики. Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2017. 154 с. EDN: CWFVMC
8. Громов М.Н., Мильков В.В. Идеиные течения древнерусской мысли. Санкт-Петербург: РХГИ, 2001. 960 с. EDN: UGGOFD
9. Демин А.С. О художественности древнерусской литературы. Москва: Языки русской культуры, 1998. 848 с. EDN: SUMANB
10. Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV–начала XVI века. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1955. 544 с. EDN: CWFVMC
11. Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. Москва: Аспект Пресс, 1996. 368 с.
12. Лотман Ю.М. Русская культура послепетровской эпохи и христианская традиция. В кн.: Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 1996. С. 254–265.
13. Мильков В.В. Отвергнутая традиция: учение еретиков-«жидовствующих». В кн.: Древняя Русь: пересечение традиций. Москва: Скрипторий, 1997. С. 420–448. EDN: XMFQOD
14. Мильков В.В. Учение стригольников. В кн.: Общественная мысль: исследования и публикации. Вып. IV. Москва: Наука, 1993. С. 47–58.
15. Мильков В.В. Кирик Новгородец: особенности воззрений и политических предпочтений. В кн.: Земля и Власть в истории России. Сборник научных статей участников Всероссийской научной конференции памяти профессоров А.Г. Кузьмина, В.Г. Тюкавкина и Э.М. Щагина / под ред. А.В. Лубкова. Москва, 11–12 декабря 2018 года. Москва: МПГУ, 2020. С. 25–39. EDN: LFZONP

16. Мильков В.В., Симонов Р.А. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. Москва: Кругъ, 2011. 544 с. EDN: SBVQJJ
17. Панченко А.М. Русский поэт, или Мирская святость как религиозно-культурная проблема. В кн.: Панченко А.М. Русская история и культура: работы разных лет. Санкт-Петербург: Юна, 1999. С. 361–374.
18. Писарев Д.И. Сочинения: в 4 т. Том 1. Статьи и рецензии 1859–1862. Москва: ГИХЛ, 1955. С. 97–159.
19. Плеханов Г.В. Сочинения. Москва; Ленинград: Госиздат, 1925. Т. XX. 363 с.
20. Разинов Ю.А. Влечение к обману, или чем хитроумный Одиссей лучше правдивого Ахиллеса // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 2–1(93). С. 12–18. EDN: PJCRBF
21. Самарин Ю.Ф. О мнениях «Современника», исторических и литературных. В кн.: Самарин Ю.Ф. Сочинения. Москва: Д. Самарин, 1877. Т. 1. С. 28–108.
22. Секретарь Л.А. Антоний Римлянин и его деятельность по устройению монастыря в честь Рождества Богородицы в Новгороде — месте формирования личности выдающегося ученого-математика и богослова Кирика Новгородца. В кн.: Кирик Новгородец и древнерусская культура. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2012. Ч. 1. С. 72–95.
23. Смирнов В.Г. Государевы вольнодумцы. Загадка Русского Средневековья. Москва: Вече, 2011. 253 с.
24. Смирнов С.И. Древнерусский духовник: исследование по истории церковного быта. Москва: Синодальная тип., 1913. 568 с.
25. Турилов А.А., Чернецов А.В. К культурно-исторической характеристике ереси «жидовствующих» // Герменевтика древнерусской литературы. 1989. № 1. С. 407–429. EDN: ZGYVZD
26. Филина А.И. Исторические и политико-правовые взгляды П.Я. Чаадаева [Электронный ресурс] // История и археология. 2015. № 6. Режим доступа: <https://history.snauka.ru/2015/06/2177>. Дата обращения: 12.07.2023.
27. Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2 т. Москва: Наука, 1991. Т. 1. 800 с.
28. Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2 т. Москва: Наука, 1991. Т. 2. 671 с.
29. Черняев А.В. Идея «самовластия» человека в русской социально-философской мысли XVI в. // Историко-философский ежегодник'2010. Москва: Центр гуманитарных инициатив, 2011. С. 239–260.
30. Чичерин Б.Н. Воспоминания: в 2 т. Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 2010. Т. 1. 496 с.

References

1. Andreeva LA. Secular holiness: the cult of revolutionary martyrs in Russian history. *Dialogue with time*. 2018;(64):278–295. EDN: UYHXBZ
2. Belinsky VG. *Complete works*. In 13 vol. Moscow: Academy of Sciences of the USSR; 1953. Vol. 3. 683 p. (In Russ.)
3. Gerasimova IA. Principles of harmony in the work of Kirik Novgorodets. In: *Kirik Novgorodets and Old Russian culture*. Veliky Novgorod: NovSU named after Yaroslav the Wise; 2012. Part 1. P. 128–153. (In Russ.)
4. Herzen AI. *Works*. In 2 vol. Moscow: Mysl; 1986. Vol. 2. P. 3–117. (In Russ.)
5. Herzen AI. *Past and Thoughts*. Moscow; Leningrad: Gosizdat; 1931. Vol. 1. 536 p. (In Russ.)
6. *Diplomas of Veliky Novgorod and Pskov*. Ed. by S.N. Valka. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR; 1949. 408 p. (In Russ.)
7. Grigorenko AY. *Religious thought of Moscow Russia: Josephites, non-possessors, heretics*. Saint Petersburg: SPbGEU; 2017. 154 p. (In Russ.) EDN: CWFVMC

8. Gromov MN, Milkov VV. *Ideological currents of Old Russian thought*. Saint Petersburg: RHGI; 2001. 960 p. (In Russ.) EDN: UGGOFD
9. Demin AS. *About the artistry of ancient Russian literature*. Moscow: Yazyki russkoi kultury; 1998. 848 p. (In Russ.) EDN: SUMAN
10. Kazakova NA, Lurie YaS. *Anti-feudal heretical movements in Russia of the XIV — beginning of the XVI century*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR; 1955. 544 p. (In Russ.)
11. Klibanov AI. *Spiritual culture of medieval Russia*. Moscow: Aspect Press; 1996. 368 p. (In Russ.)
12. Lotman YuM. Russian culture of the post-Petrine era and the Christian tradition. In: Lotman YuM. *About poets and poetry: Analysis of the poetic text*. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPb; 1996. P. 254–265. (In Russ.)
13. Milkov VV. Rejected tradition: the teaching of heretics—“Jews”. In: *Ancient Rus: the intersection of traditions*. Moscow: Scriptorium; 1997. P. 420–448. (In Russ.) EDN: XMFQOD
14. Milkov VV. The Teaching of strigolnikov. In: *Public Thought: research and publications*. Issue IV. Moscow: Nauka; 1993. P. 47–58. (In Russ.)
15. Milkov VV. Kirik Novgorodets: Features of views and political preference. In: Land and Power in the history of Russia. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference in memory of Professors A.G. Kuzmina, V.G. Tyukavkin and E.M. Shchagin. Ed. by A.V. Lubkov. Moscow, 2018 Dec 11–12. Moscow: MPGU; 2020. P. 25–39. (In Russ.) EDN: LFZONP
16. Milkov VV, Simonov RA. *Kirik Novgorodets: scientist and thinker*. Moscow: Krug; 2011. 544 p. (In Russ.) EDN: SBVQJJ
17. Panchenko AM. Russian poet, or Worldly sanctity as a religious and cultural problem. In: Panchenko AM. *Russian history and culture. Works of different years*. Saint Petersburg: Una; 1999. P. 361–374. (In Russ.)
18. Pisarev DI. *Works*. In 4 vol. Vol. 1. Articles and reviews 1859–1862. Moscow: GIHL; 1955. P. 97–159. (In Russ.)
19. Plekhanov GV. *Works*. Moscow; Leningrad: Gosizdat; 1925. Vol. XX. 363 p. (In Russ.)
20. Razinov YuA. Attraction to lie (deception), or why cunning Odysseus better than the truthful Achilles. *Bulletin of Samara State University*. 2012;(2–1(93)):12–18. EDN: PJCRBF
21. Samarin YuF. On the opinions of the “Contemporary”, historical and literary. In: Samarin YuF. *Works*. Moscow: D. Samarin; 1877. Vol. 1. P. 28–108. (In Russ.)
22. Secretary LA. Anthony the Roman and his activities on the establishment of the monastery in honor of the Nativity of the Virgin in Novgorod — the place of formation of the personality of the outstanding scientist-mathematician and theologian Kirik Novgorodets. In: *Kirik Novgorodets and Old Russian culture*. Veliky Novgorod: NovSU named after Yaroslav the Wise; 2012. Part 1. P. 72–95. (In Russ.)
23. Smirnov VG. *Sovereign Freethinkers. The Riddle of the Russian Middle Ages*. Moscow: Veche; 2011. 253 p. (In Russ.)
24. Smirnov SI. *The Old Russian confessor: a study on the history of church life*. Moscow: Sinodal'naya tipografiya; 1913. 568 p. (In Russ.)
25. Turilov AA, Chernetsov AV. To the cultural and historical characteristics of the «judaizers» heresy. *Hermeneutics of Old Russian literature*. 1989;(1):407–429. EDN: ZGYVZD
26. Filina AI. Historical, political and legal views P.Ya. Chaadaeva [Internet]. *History and archaeology*. 2015;(6). Available from: <https://history.snauka.ru/2015/06/2177>. Accessed: 12 July 2023. (In Russ.)
27. Chaadaev PYa. Complete works and selected letters. In 2 vol. Moscow: Nauka; 1991. Vol. 1. 800 p. (In Russ.)
28. Chaadaev PYa. Complete works and selected letters. In 2 vol. Moscow: Nauka; 1991. Vol. 2. 671 p. (In Russ.)

29. Chernyaev AV. The idea of “autocracy” of a person in the Russian socio-philosophical thought of the XVI century. In: *Historical and Philosophical yearbook'2010*. Moscow: Center for Humanitarian Initiatives; 2011. P. 239–260. (In Russ.)
30. Chicherin BN. *Memoirs*. In 2 vol. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovykh; 2010. Vol. 1. 496 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Евгений Александрович ТЮГАШЕВ — доктор философских наук, доцент, доцент теории и истории государства и права, конституционного права Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета, Новосибирск, Россия; eLibrary SPIN: 9105-2093. **E-mail:** filosof10@yandex.ru

Information about the author

Evgeny A. TYUGASHEV — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of Theory and History of State and Law, Constitutional Law of the Institute of Philosophy and Law of the Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia; eLibrary SPIN: 9105-2093. **E-mail:** filosof10@yandex.ru

РЕЦЕНЗИЯ на учебник Орехова А.М. «История, философия и методология социально-гуманитарных наук»

В.Т. Фаритов

Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

Поступила в редакцию: 20.10.23

В окончательном варианте: 25.10.23

■ Для цитирования: Фаритов В.Т. Рецензия на учебник Орехова А.М. «История, философия и методология социально-гуманитарных наук» // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2024. Т. 6. № 1. С. 131–134. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.19>

Аннотация. Рецензия посвящена недавно увидевшему свет учебнику доктора философских наук, профессора кафедры социальной философии Российского университета дружбы народов Орехова Андрея Михайловича «История, философия и методология социально-гуманитарных наук».

Ключевые слова: история науки; философия науки; методология науки; социально-гуманитарные науки.

The Review of the monograph by A.M. Orekhov «History, philosophy and methodology of social and humanities»

V.T. Faritov

Samara State Technical University, Samara, Russia

Original article submitted: 20.10.23

Revision submitted: 09.10.23

■ For citation: Faritov V.T. The Review of the monograph by A.M. Orekhov «History, philosophy and methodology of social and humanities». *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2024;6(1):131–134. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2024.1.19>

Abstract. The review is devoted to the recently published textbook of Andrei Mikhailovich Orekhov, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Social Philosophy of the Russian University of Friendship of Peoples, «History, Philosophy and Methodology of Social and Humanitarian Sciences» of A.M. Orekhov».

Keywords: history of science; philosophy of science; methodology of science; social humanities.

Увесистый, почти в 700 страниц учебник А.М. Орехова посвящен рассмотрению основных проблем истории, философии и методологии социально-гуманитарных наук. Сложно не согласиться с автором, что «социально-гуманитарные науки — философия, социология, экономика, политология, юриспруденция, филология, антропология, культурология и др. — являются неотъемлемой частью всего совокупного мира научного знания, включающего в себя также логико-математические, естественные и технические науки. Но — и это следует подчеркнуть и выделить всеми возможными маркерами — при всей схожести с иными типами наук социально-гуманитарные науки весьма специфичны по своей природе и предмету — причем этот факт признают практически все ученые, а не только сами социальные ученые и ученые-гуманитарии» [1, с. 3].

Пожалуй, можно поспорить с включением в ряд социально-гуманитарных наук философии. Насколько обосновано отнесение философии к науке вообще? Не выходит ли философская область знаний уже по своему предмету за пределы научного познания? Автор учебника пишет: «...социально-гуманитарные науки исследуют мир социальных процессов и мир человека» [1, с. 3]. Добро. Так оно и есть, и никто с этим не спорит. Но отсюда как раз следовало бы сделать вывод, что философия к социально-гуманитарным наукам отнесена быть не может, поскольку исследует она все же не мир социальных процессов и даже не мир человека, но то фундаментальное основание, которое охватывает не только мир человека, но мир *вообще*, мир в целом, мир в аспекте его сверхэмпирического единства. Короче говоря, предмет философии — бытие мира как такового или бытие как таковое. Только из горизонта решения этой фундаментальной проблемы бытия философия может выстраивать региональные онтологии, в том числе и относящиеся к миру социальных процессов и миру человека. Так было в философии испокон веков. Кто из великих философов был исследователем только мира социальных процессов и мира человека? Платон, Аристотель, Фома Аквинский, Николай Кузанский, Кант, Гегель — не были. Бытие не тождественно бытию человека, даже если мы вслед за Хайдеггером периода «Бытия и времени» будем пытаться прийти к бытию как таковому через экзистенциальную аналитику человеческого бытия. Социальная философия была и у Канта, и у Гегеля. Но здесь речь идет исключительно о социальной онтологии, а не о социально-гуманитарной науке. Разница здесь колоссальная. Другой вопрос, что в позитивизме происходит вполне определенная смена перспектив, «переоценка ценностей». Вот тут и начинается движение философии в сторону науки. Если все, что связано с онтологией, сдается в архив, то на долю чистой философии остаются лишь вопросы логики и методологии науки. Вопросы же, связанные с миром человека, примерно с этого момента начинают освещаться не из горизонта онтологических учений, но в рамках научного познания. Не следует забывать, что Конт был одновременно родоначальником позитивизма и «отцом» социологии. Вот с этого пункта и берет свое начало двуединый процесс становления философии и методологии науки и социально-гуманитарных наук. Характерно, что в перспективе данной трансформации философского дискурса философия науки перестает быть онтологией (как это было, например, у Канта или Гегеля), но становится преимущественно и исключительно методологией.

На это указывает сам автор рецензируемого учебника: «Но, добавляя в название “история и философия социально-гуманитарных наук” концепт “методология”, автор учебника также хотел указать на следующее: центральным пунктом его учебника станет изложение не безлично общих и универсальных, а именно *методологических проблем развития* социально-гуманитарного знания (методы социально-гуманитарных наук, базовые методологические концепции, «исследовательско-методологические программы» в социально-гуманитарных науках и т. п.). Именно такой “методологический крен” предлагаемого учебника по истории и философии науки и должен обеспечить, по мнению его автора, необходимые фундированность и прочность» [1, с. 6].

«Методологический крен» или методологический поворот — одна из знаковых тенденций в философии XX–XXI столетий. Следует поставить вопрос, совершается ли данный поворот внутри самой философии или же он представляет собой тенденцию к выходу за пределы самой философии? И следует ли в данном случае продолжать употреблять само слово «философия»? Не лучше ли будет оставить в заглавии только сочетание «история и методология науки»? Впрочем, философская проблематика в учебнике представлена: главы 21–25 посвящены проблемам социальной и гуманитарной эпистемологии: «Необходимость обращения к данной теме диктуется тем, что эпистемологию следует рассматривать как *необходимое и существенное дополнение* к философии и методологии науки и без прояснения ее вопросов многие из проблем собственно “философии науки” (например, проблема истины в социально-гуманитарном познании) останутся непроясненными до самой их глубокой сути» [1, с. 7].

Есть в учебнике и глава, посвященная социальной онтологии. С позиций автора, «социальная онтология — это учение о базовых принципах устройства социальной реальности, основанное на междисциплинарных и трансдисциплинарных стратегиях социального мира» [1, с. 450]. Из данного определения следует, что речь идет не столько об онтологии социального (каковыми были, к примеру, философские учения об обществе, государстве и истории Т. Гоббса или уже упоминаемого нами Гегеля), но об особой онтологии, которая конституируется на стыке и пересечении теоретико-методологического поля современных социальных наук. Данное понимание онтологии характерно для аналитической философии и как таковое не согласуется с исконным и исходным пониманием онтологии в философии.

Однако вопрос о статусе философии науки является дискуссионным и как таковой выходит за пределы тех задач, которые стоят перед автором учебника. Задача преподавателя — учить, задача студента — учиться. В этом плане учебник А.М. Орехова вне всяких сомнений — событие в сфере современного гуманитарного образования. Спектр тем и проблем, освещенных автором в двадцати пяти главах, действительно широк: история социально-гуманитарных наук (от Древнего мира до современности), методология науки в целом, предмет социально-гуманитарных наук, научные революции в истории социально-гуманитарного знания, картина мира в социально-гуманитарных науках, эмпирические, теоретические, математические, исторический и эволюционный метод в социально-гуманитарных науках, социальная псевдонаука, идеология в ракурсе социально-гуманитарных наук,

этика социального ученого, междисциплинарный синтез в социально-гуманитарных науках, исследовательско-методологические программы в социально-гуманитарных науках, социальная онтология и социальная эпистемология, истина в социально-гуманитарных науках, методологические проблемы современного социально-гуманитарного знания. Каждая глава оснащена учебно-методическим комплексом, включающим выводы, словарь терминов, вопросы и тестовые задания для самоконтроля. Наличие такого учебника — мечта каждого преподавателя, читающего курс «История и методология науки». Да и для преподавателей социально-гуманитарных дисциплин в целом (историков, социологов, культурологов и др.) такой учебник станет незаменимым подспорьем в их профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Орехов А.М. История, философия и методология социально-гуманитарных наук: учебник. Москва: Инфра-М, 2024. 692 с. EDN: PCANTG doi: 10.12737/1844339

References

1. Orekhov AM. *History, philosophy and methodology of social humanities: textbook*. Moscow: INFRA-M; 2024. 692 p. (In Russ.) EDN: PCANTG doi: 10.12737/1844339

Информация об авторе

Вячеслав Тависович ФАРИТОВ — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук Самарского государственного технического университета, Самара, Россия; eLibrary SPIN: 2668-5946. **E-mail:** vfar@mail.ru

Information about the author

Vyacheslav T. FARITOV — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Social and Humanitarian Sciences, Samara State Technical University, Samara, Russia; eLibrary SPIN: 2668-5946. **E-mail:** vfar@mail.ru

НАШИ АВТОРЫ

АГАПИТОВА Анастасия Вадимовна — магистрант философского факультета Уральского федерального университета, Екатеринбург. *E-mail:* simka457@gmail.com

БАЛАКЛЕЕЦ Наталья Александровна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Самарского государственного технического университета, Самара. *E-mail:* bnatalja@mail.ru

БЕЛЬКОВ Олег Алексеевич — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Университета мировых цивилизаций, Москва. *E-mail:* belkovoleg@umail.ru

ГОНОЦКАЯ Надежда Васильевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии гуманитарных факультетов философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва. *E-mail:* nadya360@mail.ru

ЛЕПИНА Анна Сергеевна — магистр философии, преподаватель Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь. *E-mail:* arlinanipel@maul.ru

МАСЛОВ Вадим Михайлович — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород. *E-mail:* maclov@bk.ru

ПЕНДЮРИНА Людмила Петровна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия и мировые религии» Донского государственного технического университета, Ростов-на-Дону. *E-mail:* prinpet@mail.ru

ПЕРЕПЕЛИЦЫН Александр Викторович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Воронежского государственного педагогического университета, Воронеж. *E-mail:* avr64@mail.ru

ПОГОЖИНА Наталья Николаевна — старший преподаватель философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва. *E-mail:* nat60089784@yandex.ru

РАТНИКОВА Ирина Михайловна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники, Минск, Республика Беларусь. *E-mail:* volira_@mail.ru

СЕВАСТОВ Кирилл Валерьевич — магистр искусствоведения, научный сотрудник Республиканского института высшей школы, Минск, Республика Беларусь. *E-mail:* kirillsevastov@gmail.com

СИРОТА Наум Михайлович — доктор политических наук, профессор кафедры истории и философии Государственного университета аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург. *E-mail:* sirotanm@mail.ru

СОКОЛОВА Марианна Евгеньевна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института США и Канады им. Г.А. Арбатова РАН, Москва. *E-mail:* mariamva@yandex.ru

СУЛИМИН Александр Николаевич — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры истории государства, права и международных отношений Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Саратов. *E-mail:* Kratos84@yandex.ru

ТОНКИХ Владимир Алексеевич — доктор исторических наук, профессор, профессор Воронежского государственного университета, Воронеж; ведущий научный сотрудник Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород. *E-mail:* vladiton@bk.ru

ТЮГАШЕВ Евгений Александрович — доктор философских наук, доцент, доцент теории и истории государства и права, конституционного права Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета, Новосибирск. *E-mail:* filosof10@yandex.ru

ФАРИТОВ Вячеслав Тависович — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук Самарского государственного технического университета, Самара. *E-mail:* vfar@mail.ru

ХОМЕЛЕВА Рамона Александровна — доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии Государственного университета аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург. *E-mail:* homeleva@yandex.ru

ШАЛАГИНА Гульнара Эдуардовна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и истории науки Казанского национального исследовательского технологического университета, Казань. *E-mail:* galanova@rambler.ru

ЧЕРТКОВА Елена Леонидовна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН, Москва. *E-mail:* eleon2005@yandex.ru

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК СамГТУ. СЕРИЯ «ФИЛОСОФИЯ»

Все рукописи печатаются бесплатно. Все рукописи проходят проверку системой «Антиплагиат».

В редакционный совет журнала «Вестник СамГТУ. Серия Философия» необходимо представить:

- файлы на информационном носителе (CD, DVD или др., по электронной почте):
 - скан рекомендации кафедры;
 - скан заполненного лицензионного договора.
- документы на листах формата А4 (1 экз.):
 - сведения об авторе(ах);
 - рекомендацию кафедры (научного подразделения) с указанием наименования тематического раздела, в котором предполагается опубликование материала;
 - заполненный лицензионный договор о предоставлении права использования произведения.

Сведения об авторе(ах) должны содержать:

1. Фамилию, имя, отчество (полностью, при наличии) автора.
2. Полное и сокращенное официальное наименование основного места работы (или учебы) с указанием структурного подразделения.
3. Должность (образовательный статус — напр. «аспирант»).
4. Ученую степень, ученое звание (при наличии).
5. Адрес личной электронной почты и телефон (для связи и переписки).

Автор может факультативно указать о себе иные дополнительные сведения. Следует указать, с каким автором (если их несколько) следует вести переписку. Все сведения печатаются в строку (без пунктов) на русском и английском языках.

Правила оформления текста статьи:

1. Статья должна быть тщательно отредактирована, отвечать требованиям научной публикации.
2. Представляемая статья должна быть оригинальной и актуальной, иметь элементы научной новизны.
3. Материалы должны соответствовать профилю журнала.
4. Название рукописи, аннотация и ключевые слова должны соответствовать ее содержанию.
5. Во введении к статье должны быть отражены актуальность темы, современное состояние исследований в рассматриваемой области, приведены необходимые ссылки на литературу.

6. Выбранные методы должны быть адекватны поставленным задачам.
7. Результаты исследования (выводы) должны быть обоснованы и корректны, их изложение должно быть ясным и четким.
8. За ошибки и неточности научного и фактического характера, перевод аннотации ответственность несет автор(ры) статьи. Представление в редакцию ранее опубликованных статей не допускается.
9. Оформление рукописи должно соответствовать следующим правилам:
 - текстовый редактор Microsoft Word версии не ниже 97 (название файла со статьей дается по фамилии первого автора (например: Petrov_text.doc или Petrov_text.rtf);
 - язык публикаций — русский. Перевод аннотации и ключевых слов должен быть сделан с учетом используемых в англоязычной литературе специальных терминов и правил транслитерации на английский язык. Возможен прием статей на английском языке с дублированием аннотации и ключевых слов на русском языке;
 - формат бумаги А4;
 - параметры страницы: поля — верхнее 3 см, левое и нижнее 2,5 см, правое 2 см, верхний колонтитул 2 см, нижний колонтитул 2 см;
 - к публикации принимаются статьи объемом до 0,75 п. л., аналитические обзоры до 1 п. л., статьи аспирантов объемом до 0,5 п. л.; сообщения (краткая информация о научной проблеме, научной жизни, заметки о достижениях отдельных ученых или юбилейных датах, некрологи) в объеме от 0,2 до 0,4 п. л.; рецензии (до 0,5 п. л.).

Общий порядок расположения частей статьи

1. УДК (выравнивание по левому краю, 10 пунктов).
2. Название статьи на русском языке (шрифт полужирный, все буквы прописные, выравнивание по центру, 12 пунктов). Информация о грантовой поддержке (при ее наличии) дается на название статьи и выносится подстрочной ссылкой в конце первой страницы текста статьи (выравнивание по ширине, 10 пунктов).
3. Инициалы, фамилия автора(ов) (шрифт полужирный, выравнивание по центру, 12 пунктов).
4. Название основного места работы (учебы), город (выравнивание по центру, 11 пунктов).
5. Аннотация на русском языке (выравнивание по ширине, 11 пунктов).
6. Ключевые слова на русском языке (курсив, выравнивание по ширине, 11 пунктов, даются через запятую).
7. Текст статьи (выравнивание по ширине, 12 пунктов). Текст должен быть тщательно отредактирован, все данные, цитаты и библиография выверены. Не используется более одного пробела между словами. Все лишние пробелы следует удалить из текста. Для удаления лишних пробелов используйте в Word опцию «Найти — Заменить». Подчеркивание в тексте не применяется (смешивается с гиперссылками). Вместо подчеркивания используйте выделение курсивом или жирным шрифтом.

8. Благодарности (при их наличии) (курсив, выравнивание по ширине, 11 пунктов).

9. Список литературы (выравнивание по левому краю, 11 пунктов), библиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту начиная с первого, выполненное по Г.С. Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Номер ссылки в тексте заключается в квадратные скобки, в списке литературы нумеруется арабскими цифрами без скобок. Библиографический список не должен превышать 15 (для обзорных статей — 25) наименований: приводятся только источники, на которые есть ссылки в тексте (ссылки на неопубликованные и нетиражированные работы не допускаются).

10. Название статьи на английском языке (шрифт полужирный, все буквы прописные, выравнивание по центру, 12 пунктов).

11. Инициалы, фамилия автора(ов) на английском языке (шрифт полужирный, выравнивание по центру, 12 пунктов).

12. Название учреждения(ий) на английском языке (выравнивание по центру, 11 пунктов).

13. Аннотация на английском языке (выравнивание по ширине, 11 пунктов).

14. Ключевые слова (Keywords) на английском языке (курсив, выравнивание по ширине, 11 пунктов, даются через запятую).

15. Сведения об авторах на русском языке (фамилия, имя, отчество, ученое звание, ученая степень, должность с указанием подразделения, место работы с указанием организационно-правовой формы учреждения, адреса (юридического) и почтовый индекс, e-mail) (выравнивание по ширине, 12 пунктов).

Редакция не берет на себя обязательства по срокам публикации и оставляет за собой право редактирования, сокращения публикуемых материалов и адаптации их к рубрикам журнала.